

Сверхновый литературный журнал «Млечный Путь»

Выпуск 17

Содержание:

Татьяна Розина	Черная пешка
Александр Хуснуллин	Долгий дозор
Андрей Силенгинский	Где найдешь, где потеряешь
Алексей Кузнецов	Телевизор
Леонид Шифман	Служебная командировка
Екатерина Четкина	Необходимое чудо
Михаил Максаков	Центр

* * *

Татьяна Розина

Черная пешка

Женя создавала впечатление странной женщины. Иногда она хохотала, заливаясь смехом, скорей похожим на истерику. Иногда беспричинно плакала. Неожиданно из неё начинали сочиться слёзы, хотя она сидела неподвижно, уперевшись взглядом в одну точку. Слёзы стекали по щекам, собирались на подбородке и оттуда большой каплей падали на грудь. Но Женя будто не чувствовала этого. Не вытирая мокрое лицо, она часами сидела, тупо уставившись в телевизор. Похоже, не слыша даже, о чём там говорят, упрямо продолжая смотреть в экран.

1.

Женя появилась в доме Анны случайно. Приехавшая пять лет назад в Германию со своим мужем Анна, теперь жила одна. Собственно, раньше Анна была совсем не Анной, а Анной Николаевной. Как-то в русской газете она прочитала, что эмигранты из России, переехав в Германию, потеряли вместе со своим Отечеством и свои отчества. Как бы то ни было, но шестидесятилетняя женщина с седыми волосами стала зваться просто Анной. Муж, с которым она прожила добрую половину жизни, умер через год после переезда. Он хворал и раньше, но всё держался. Жизнь заставляла. А тут Петру стало совсем плохо, и он оставил Анну Николаевну одну. Троё их детей разлетелись в разные уголки большой

страны и устраивались на новых местах. А Анна Николаевна стала скучать. Она не находила места дома, в своей маленькой, хотя и уютной квартирке. Целыми днями бродила по городу, рассматривая витрины магазинов, присматриваясь к прохожим. Однажды она увидела около вокзала женщину. Та стояла, боязливо озираясь вокруг.

- Сразу видно - приезжая, - подумала Анна.

Она бы прошла мимо, но странная женщина чем-то привлекла её внимание. Потом Анна, вспоминая знакомство с Женей, поняла, что именно заставило её тогда остановиться. Мало ли приезжих растерянно смотрят по сторонам на вокзале? Женя же смотрела не растерянно. Она смотрела испуганно-затравленно. В глазах стояли слёзы. Но женщина, сцепив всю свою волю, не давала им вылиться наружу.

- Молодая, вроде, - приценивалась Анна к испуганной женщине, - лет тридцать. Лицо гладкое, без морщин. Глаза, хоть и в слезах, но живые. Но, с другой стороны, волосы захвачены сзади в хвостик, зализаны, как носят пожилые. Да и на висках седина приличная.

Портрет дополнялся странным одеянием. На женщине были надеты брюки, лоснившиеся от старости, и линияя широкая майка, поверх которой была накинута вязаная кофта, растянувшаяся от времени.

- На бродяжку похожа, - подумала Анна Николаевна, но тут же опомнилась. – Да, нет... хоть и одета по-нищенски, но чистенькая.

Наконец, глаза женщин встретились. Приехавшая смотрела жалобно-просительно.

- Вам нужна помощь? – не выдержав, спросила Анна по-немецки.

- Я... приехать... друг... - заговорила женщина, явно едва выучившая десяток немецких слов.

- Да ты, поди, русская, - догадалась Анна Николаевна.

Женщина в шерстяной кофте расплакалась, дав волю собравшимся слезам. Но плакала она скорее от радости, а не от горя. Этого нельзя было не заметить.

- Господи, своя... своя... - причитала женщина, порываясь обнять Анну. – Бог есть на свете, есть. Я всю дорогу молила. Помогите. И вот... помог.

Анна Николаевна почувствовала себя ангелом-спасителем, которого Господь Бог послал послушнице...

- Тебя как звать? – спросила она женщину.

- Женя, - ответила та, смотря на Анну преданно.

Анна тоже не сводила глаз с новой знакомой. В Анне смешивалось чувство жалости к той с подозрением – «Странная всё-таки какая-то», - подумала Анна.

- Меня не встретили, - пояснила Женя. – Приехала к знакомому, а он... – развела она руками. - У меня больше тут нет никого. И денег нет. Я прямо в ужасе... - лепетала она, едва слышно.

Анна продолжала внимательно наблюдать за Женей, но чувство жалости уже пересиливало осторожность.

- Совсем никого? Как же ты ехала? А телефон знакомого? Давай, позвоним... я помогу тебе, - с готовностью предложила Анна Николаевна.

- У меня украли сумку на вокзале. Маленькую... с деньгами и записной книжкой. Там были адреса и телефоны. Я на память не помню, - объясняла Женя, понимая, что звучит всё это маловероятно.

Чувствовала это и Анна Николаевна. Но слова в устах Жени выглядели не нагло, а испуганно. И поэтому вызывали доверие.

- Может, в полицию пойдём? – предложила Анна.

Женя заплакала с новой силой.

- Мне страшно. Очень страшно, пожалуйста, не бросайте меня. Я отблагодарю. Вы не пожалеете.

Женя увидела, что пожилая женщина стоит в нерешительности, бросилась к той, и, схватив её руки в свои, стала целовать их.

- Тьфу ты, - испуганно вырвала Анна свои руки и засунула их в карманы плаща.- Ну, что с тобой делать, пойдём ко мне. Сумка тяжёлая? – спросила Анна Николаевна Женю, бросив взгляд на стоящую рядом старенькую небольшую дорожную сумку.

- Нет, что вы, - отозвалась Женя и подхватила свою ношу.

2.

Огромное здание вокзала нависало железными перекрытиями, над которыми гремели пролетающие поезда. Вокзал был построен так, что с улицы представлял собой величественное строение из стекла и бетона. А пути были проложены сверху, над этим зданием. И внутри казалось, что ты попадаешь в преисподнюю. Вошедшего с солнечной улицы и ничего не подозревающего посетителя вокзала охватывал невероятный грохот вагонов и бесконечные выкрики информации в мегафон. Люди тысячами сновали по коридорам и холлам здания. Они бежали, будто опаздывали. Причём бежали все без исключения. Толкались, пинались и проносились мимо, не обращая ни на кого внимания.

Наверное, только Женя не бежала. Она стояла и осматривалась по сторонам. Грохот поездов, металлический перестук рельсов, перекрываемый резким голосом, извещающим о приходе того или иного состава, разрывали голову. Жене хотелось обхватить её руками, зажать уши. Она делала это, но звук проникал внутрь, может, чуть приглушённый. Пробегаящие пассажиры и их встречающие проносились мимо одной чёрной массой. Женя чувствовала себя в этом водовороте песчинкой, брошенной в чужой мир, незаметной и никому ненужной.

Женя видела себя на этом чёртовом вокзале в своих снах не раз. Когда-то давно, несколько лет назад она приехала сюда... Тогда она была радостной. Тогда всё было иначе. Но потом... Потом долгие годы страшный вокзал виделся ей во сне. Она стояла. Стояла одна. Беспомощная и жалкая. Страх так пронизывал её сознание, что, казалось, она вот-вот упадёт в обморок. Но Женя снова и снова в своих снах приезжала на этот вокзал. Да и днём не раз рисовала его в своих воображениях. Ей непременно нужно было вернуться сюда. Пусть будет страшно. Пусть безвыходно, но приехать, и выйти на этой станции, было для Жени жизненно необходимым.

- Женя, Женя, - послышался женский голос.

Кто-то толкал в плечо. Женя открыла глаза. Над ней склонилась пожилая женщина. Солнце уже наполовину пробралось в комнату. Но диван, на котором спала Женя, стоял в дальнем углу и ещё находился в полумраке. Женя с трудом стала понимать, где она. Она даже вспомнила, что женщину зовут Анна Николаевна. И что вчера вечером именно она встретила её на вокзале...

- Вокзал... Грохот... Сон... или реальность, - пронеслось в голове. Женя пыталась понять, приснился ли ей вокзал, или она, наконец, приехала на него. Ей так часто снился этот сон, что она привыкла к нему. Она приезжала на этот вокзал сотни, нет тысячи раз. И вот теперь...

- Женя, - снова позвала женщина, видя, что её гостя никак не проснётся. – Проснись, девочка. Ты так кричала. Что-то страшное, снилось. Ну, же...

Анна Николаевна толкала Женю всё сильнее.

- Проснись, просни-и-ись!

Наконец, Женя открыла слипшиеся глаза. Всё тело было липким, голова гудела, а руки-ноги ныли, как после подъема в гору. Так было всегда, после того, как Жене снился этот

ужас. Так было и сегодня.

- Ты не заболела, еще этого не хватало, - произнесла Анна Николаевна озабоченно, приложив свою ладонь к липкому Жениному лбу.

- Нет, нет... - испуганно отозвалась Женя и резко поднялась, пытаясь угодить хозяйке. Но голова закружилась, и она снова упала на подушку.

- Странная девочка... - подумала Анна Николаевна, а вслух сказала. – Ты полежи немного. А я пойду, чай поставлю. Завтракать будем.

Пока Женя спала, Анна Николаевна взяла грех на душу и порылась в сумке незнакомки.

- Нельзя, но нужно, - подбадривала себя Анна Николаевна, - я же с улицы человека привела, может, преступница... - оправдывала она свой поступок.

Но в сумке криминала не было. В старом, явно стиранном, целлофановом пакетике были сложены трусики и маечки, аккуратно завернуты в газету туфли. Ещё пара кофточек.

- Тряпьё, - подумала Анна, прикидывая уже, что из своего гардероба она могла быть дать Жене.

На дне сумки, когда Анна Николаевна уже хотела бросить осмотр, она увидела паспорт.

Это был красный российский паспорт, выписанный на имя Евгении Михайловны Кривцовой.

- Всё-таки, правильно я сразу подумала, что она молодая, - мелькнуло в голове Анны Николаевны. По паспорту Жене исполнилось двадцать девять лет.

- Как моя младшая... девочка ещё совсем.

Полистав книжечку, Анна Николаевна, установила, что у Жени виза для посещения Германии, выданная немецким посольством. Виза разрешала Жене находиться в стране один месяц. Штамп о пересечении границы гласил, что впереди ещё было больше трёх недель легального пребывания.

- Ну, вот, и ладненько, - обрадовалась Анна Николаевна. – Всё нормально, зря нервничала. Может, правда, девочку не встретили знакомые. Пусть пару дней в себя придёт, там придумаем, как их найти.

3.

- Тётя Аня, - спасибо Вам, - сказала Женя, доев кусочек чёрного хлеба, на который тонким слоём намазала масло и положила ломтик сыра с огромными дырками.

- Ты кушай, кушай, не стесняйся. За что спасибо-то? Ничего не ела ещё...

- Спасибо и за завтрак, и за ночлег, и за то, что... - Женя заплакала. Плакала она странно. Неожиданно выкатывалась слеза и расплзалась по щекам. Женя не делала никакого усилия, чтобы выдавить эту слезу. Она текла произвольно, сама по себе. А Женя могла даже улыбаться при этом. Вот и теперь. Она была спокойна. И немного радостна. Но слёзы поплыли, а Женя не обращала на них внимания.

Анне Николаевне стало неловко, и она, на желая обсуждать эту тему, снова стала двигать тарелки по столу.

- Ты худая какая... посмотри на себя. Одни кости. Кушать нужно. Я тебе завтра булочки белые куплю, - говорила Анна Николаевна, не глядя на Женю.

Женя не выходила из дома, хотя с тех пор, как Анна Николаевна привезла её к себе, прошло дней пять. Она во всём пыталась угодить хозяйке. Перемыла окна. Вычистила плиту и духовку. И даже противень, используемый Анной Николаевной достаточно часто и покрывшийся, казалось, ничем не выводимым слоем жира, теперь блестел, как новый.

Женя сама находила, чем заняться, делая всё тихо, ненавязчиво, не выставляя на показ то, что хочет помочь приютившей её хозяйке.

Анна Николаевна радовалась тому, что теперь живёт не одна. Хотя многое её беспокоило. Не отпускала мысль – к кому, всё-таки ехала Женя? Почему она не пытается искать его? Почему, в конце концов, не говорит на эту тему?

Женя почти всё время молчала. Она охотно слушала рассказы Анны Николаевны, живо реагируя на них. Расплакалась вместе с той, когда Анна делилась воспоминаниями о смерти мужа. Потом хохотала, когда пожилая женщина смешно, в лицах изображала разговор с соседкой. Но сама Женя за эти дни о себе так ни слова и не рассказала. А спросить Анна стеснялась. Моментами Женя казалась ей родной, а иногда контакт будто обрывался, и между ними возникала стена. Женя отгораживалась. Она смотрела, но не видела ничего.

- Всё-таки странная она, - опять думала Анна Николаевна.

Как-то к ним пришла приятельница Анны. Тоже русская, представившаяся Мариной. С ней был малыш. Толстый красивый карапуз, которому едва исполнился год. Он ползал по ковру, пытаясь, зацепившись за край стола или диван, подняться на ножки. Но попа перетягивала, и он плюхался, тут же начиная хныкать. Женщины кидались поднимать мальчика, и успокаивать его. Женя, которая обычно угождала хозяйке, вдруг замкнулась. Она сидела и тупо смотрела на ребёнка. Сидела, почти не шевелясь. Как замороженная. Сложив руки на колени, она ни разу не пошевелила ими, не дёрнулась, когда мальчик падал. Женя не участвовала в разговоре женщин. Она, словно, не слышала их. И даже когда к ней обращались, не отвечала.

- Ну, как Вам Германия? – спросила Марина Женю.

Женя по-прежнему смотрела на ребёнка, казалось, ласково и приветливо и на вопрос Марины никак не реагировала.

- Да, как ей она покажется...- теребя в руках кухонное полотенце, вступилась Анна Николаевна. – Женя тут всего-ничего. Да и то, из дому ещё не выходила.

- А Вы к кому приехали? – снова спросила Марина.

Женя посмотрела на ту, улыбнулась и перевела взгляд на ребёнка, так ничего и не ответив. Малыш хлюпнулся и мать кинулась поднимать его, забыв о Жене.

Когда гости ушли, Анна Николаевна стала убирать со стола. Впервые Женя продолжала сидеть и улыбаться чему-то, понятному только ей, не бросившись, как обычно, помогать хозяйке. Анна Николаевна не стала её дёргать, но посматривала с удивлением. Через некоторое время она спросила:

- Ну, что будем кино смотреть? По русскому каналу начинается хороший фильм.

- Давайте, - откликнулась Женя, словно опомнившись.

- У тебя свои-то есть? – не выдержала Анна Николаевна, щёлкая пультом в поисках нужной программы.

- Вы про что? – искренне не поняла Женя, приветливо глядя на свою спасительницу.

- Да про детей... есть у тебя дети, спрашиваю.

Женино лицо стало словно каменным. Улыбка замерла. Глаза остекленели. Ни один мускул не дрогнул. Она молчала.

- Ну, ты чего? – испуганно спросила Анна. – Что замерла? Случилось что? - Анна Николаевна говорила всё тише. До неё стало доходить, что с Женей не всё в порядке. Она погладила свою гостью по руке. – Ах, милая моя... горе-то какое... умер... - запричитала она.

- Что Вы! – вдруг выкрикнула Женя. – Никто не умер. Жив он!

Она задрожала. Правый глаз вдруг задёргался. Голова стала накреняться в правую сторону.

- ОоооооН! ОоооооН! Жив! – с трудом повторила Женя. Слово «он», хотя и было коротким, давалось с трудом. Женя подняла руку, чтобы вытереть выкатившуюся вдруг слезу, но кисть дрожала, никак не попадая по щеке.

- Ну и хорошо! И прекрасно! – затараторила Анна Николаевна, поймав дёргающиеся Женины пальцы, и вытерла её мокрый подбородок, на котором уже собралась большая капля. - Успокойся, девочка. Давай-ка, ляжем. Сегодня день тяжёлый был. Ещё Маринка с этим пацаном.

Анна Николаевна испугалась, что зря вспомнила про малого, но Женя, похоже, стала успокаиваться. Какое-то время она ещё всхлипывала. Но вскоре затихла.

4.

- Странная какая, господи, - вздохнула Анна Николаевна, выйдя на кухню.- Прямо, приступ случился. А теперь кричит, что он жив. Чего кричать-то. Мне какая разница. Жив и ладно. Чего, скажите, на милость, тогда дёргаться?

На подоконнике Анна Николаевна увидела записную книжку.

- Смотри-ка, наверное, Женина. А ведь сказала, сумочку с деньгами, документами и записной книжкой с адресами украли. А документы, вон, на месте, - размышляла Анна Николаевна, вспомнив про паспорт, обнаруженный на дне сумки. – А теперь вот книжка нашлась...

Она взяла её и стала листать. Страницы оказались пустыми. Пара телефонов на букву «М».

- Похоже, московские. Да, немецких адресов и имён нет, - подвела черту своей инспекции Анна Николаевна, собираясь закрыть книжку. Вдруг она увидела одно слово. Аккуратно выведенное латинскими буквами мужское имя «Ральф». Имя было написано на верхней строчке странички, затем повторялось на второй, третьей и далее снова и снова. Кто-то не поленился выписать его до самой нижней строки.

- Глупо как, - подумала женщина. – Что же Женя не знает ни телефона, ни адреса этого Ральфа? Это она к нему ехала. А он не встретил. Доверчивая девочка. Наверно, познакомилась в Москве. Может, парень звонил пару раз, вернувшись в Германию. Наобещал. Она и рванула. А у этого Ральфа, небось, и жена, и дети.

Анна Николаевна закрыла книжку и хотела положить её на место. Потом, словно передумав, пролистала ещё раз. В книжке записей больше не было. Но к твёрдой картонной обложке, обтянутой колленкором, был приделан целлофановый карманчик, в паз которого была вложена карточка. Анна Николаевна осторожно вытащила её. Карточка оказалась свёрнутой в несколько раз. Анна развернула, и увидела снимок. Глянец на фотографии в местах сгиба сильно облупился. С трудом можно было разобрать на снимке мужчину и женщину. Они улыбались, тесно прижавшись друг к другу. Анна Николаевна поднесла карточку к самым глазам, пытаясь разглядеть лица.

- Похоже, Женя... Или нет, - сомневалась Анна.- У этой волосы пышные, локонами... А у Жени прямые, стянутые в узел на затылке. Да и реденькие, тоненькие... Нет, не Женька это. Хотя, глаза её. И губы. Или нет. Лицо у этой круглое, а у Жени длинное, худое...

Вдруг кто-то вырвал снимок из рук Анны Николаевны. Женщина вздрогнула и оглянулась. Позади неё стояла Женя. Анна, занявшись фотографией, не услышала, как та зашла на кухню. Ничего не сказав, Женя аккуратно снова сложила карточку и засунула её

в целлофановый конвертик, приделанный к обложке записной книжечки. Затем внимательно посмотрела на Анну Николаевну, не знавшую, как себя вести. Не выдержав, Анна, словно оправдываясь, произнесла:

- Вот... ты забыла тут.

- Это Ральф, - неожиданно ответила Женя и вышла из кухни.

Анна Николаевна тяжело вздохнула. Она продолжала сидеть, сложив руки на коленях.

- Не было хлопот, завела баба поросю, - тоскливо подумала Анна. – И одной плохо, и с такой жиличкой не весело. Заварила девка кашу, а теперь кто-то расхлёбывать должен. Нужно с ней поговорить. Так дальше дело не пойдёт.

Послышался шум смываемой в туалете воды, потом звук открываемого крана в ванной. Через некоторое время раздалось шуршание в коридоре.

- Спать собиралась, теперь бессонница на неё напала, - недовольно подумала Анна Николаевна, скорее злясь на себя, чем на свою гостью.

Скрипнула дверь и на кухне снова показалась Женя.

- Тётя Аня! – тихо сказала она. – Я завтра уйду. Вы не волнуйтесь... А сейчас... поздно уже. Спокойной ночи.

Анне стало не по себе. «Тётя Аня» - так никто её не называл. От этой «тёти Ани» веяло чем-то родным, мягким и пушистым. Анна Николаевна решила смягчить ситуацию и протянула свои руки в сторону Жени. Она взяла её, висящие плетьюми, кисти и слегка пожалала их, желая этим показать, что всё в порядке. Анна почувствовала под своими пальцами толстые швы на коже. На запястьях и выше выступали шрамы от заросших когда-то глубоких порезов.

Анна Николаевна вопросительно подняла глаза.

Женя посмотрела на свои руки. Потом на Анну Николаевну. И снова на руки.

- Ты хотела себя убить? – не то спросила, не то сказала Анна Николаевна.

- Мне было очень плохо, - ответила Женя, будто говорила о чём-то обыденном.

- А потом тебе стало лучше? – почему-то спросила Анна.

- Нет мне всегда плохо. Очень давно. Я уже не помню, когда мне было хорошо.

- Пойдём, пойдём Женечка, спать, - запричитала Анна Николаевна и, приобняв свою гостью за талию, повела её в комнату.

5.

Всю ночь Анна Николаевна не сомкнула глаз. Она думала и думала, что же произошло с Женей, почему та резала вены.

- Может, Ральф этот ей «золотые горы» наобещал и уехал. Бросил девочку. Вот она в отчаянии и... Конечно, так и было. Женя сказала, что её тут никто не встретил. А её и встречать-то было некому. Видно, приехала без приглашения. Точно. Всё складывается. Ральф был в Москве. Там они познакомились. Потом уехал, а Женя страдала из-за этого. Не выдержала и хотела покончить с собой.

Анна Николаевна, разобравшись, как ей казалось, с ситуацией, стала засыпать. Вдруг её осенила новая мысль.

- Погоди... Женя же кричала давеча, что у неё есть ребёнок, - обрадовано подумала Анна. - Ну, конечно! Она родила! И теперь хочет найти Ральфа. Хотя... Стала бы мать резать вены, оставляя маленького одного? – засомневалась Анна Николаевна.

Она совсем запуталась в своих домыслах. Снова всплыла в голове увиденная фотография. Хорошенькая, улыбающаяся в полный рот, Женя... Волосы развиваются. На щеках ямочки. Пышное ситцевое платье с красными маками на белом фоне. А рядом

невысокий мужчина. Он, похоже, тоже рад. Тёмные волосы, гладко выбритое лицо. Ничем не примечательное. Простое, не запоминающееся... Анна Николаевна и правда никак не могла припомнить этого Ральфа. Женя вырывалась ярким пятном на фотографии. Мужчина же расплывался.

В другой комнате на своём диване крутилась Женя. Ей тоже не спалось.

Ральф не был особенно красивым. Но не был он и некрасивым. Скорее обычный. Нормальный. Никакой. Простое немного полноватое лицо. Пухлые губы. Короткая стрижка пшеничных волос. Серые глаза. Небольшие, но внимательные. Он всегда словно присматривался. Будто не доверял тебе. Или сомневался. Но ей-то можно было верить сразу и полностью. Женя влюбилась в Ральфа, как говорят с первого взгляда. Их знакомство случилось неожиданно. Она заканчивала институт. Время было тяжёлое. Ведь она не москвичка. Приехала из далёкой глубинки. Мать, оставшаяся в деревне, ничем помочь дочери не могла. Но Женя всегда училась хорошо и рвалась покорять столицу. В первый год поступить ей не удалось. Но, наверное, это было к лучшему. Ведь у Женя не было прописки в Москве, и она могла бы остаться в ней, только учась на дневном. Но на что тогда снимать квартиру? На что жить? Когда Женя ехала в Москву, об этом не думала. Это уже потом вырисовались всякие сложности и проблемы...

Но Женя провалилась на дневной. И назад в деревню не уехала. Нашла работу, дававшую ей право остаться в столице. А через год повторила попытку, но теперь уже на вечерний. Всё складывалось, как нельзя лучше. Она работала, получая хотя и самую малость, но достаточно, чтобы заплатить за комнату пополам с подружкой, такой же девочкой с периферии, как она. И на питание оставалось. Вечерами Женя ходила на занятия.

«Любовью» забивать голову было некогда. Да и не с кем. Перед Женей ни разу не появился достойный кандидат, ради которого можно было бы позволить оторвать от занятий и работы пару часов. К двадцати двум годам Женя была переполнена мечтами о будущем, вырисовывавшимися всё чётче и чётче, и нерастраченными чувствами. Ей повезло. В её жизни не встретился мужчина, который бы бросил её, подвёл, разочаровал, изменил. У неё не было для этой встречи ни времени, ни сил.

Поэтому, когда появился Ральф... Она верила каждому его слову. Жесту. Движению. На самом деле сначала вообще она не понимала ни слова из того, что он говорил. Но ей казалось, что она понимает этого, почти незнакомого мужчину, говорящего на чужом языке, по движению мысли. Они даже играли в такую игру. Ральф просил Женю что-нибудь сделать, а она пыталась исполнить.

Ральф был немцем. Он приехал из большого города, расположенного на западе Германии. Приехал по делам фирмы. В командировку, - перевела для себя Женя цель его приезда в Москву.

Они познакомились в метро. Ральф сидел напротив, всматриваясь в её лицо. Внимательно и придирчиво. Словно хотел понять – та ли это женщина, которая ему нужна?

Когда Женя потом вспоминала эту встречу, сотни раз прокручивая её в голове, она всегда спрашивала себя – почему он ни разу не улыбнулся тогда? Ведь нормально улыбнуться или даже подмигнуть понравившейся девушке. Ральф же был напряжённым. Даже немного нервным. Но тогда Женя не обратила на это внимания. Она подумала только, что на неё так долго и внимательно никто никогда не смотрел. Жила Женя в Медведково и ехать приходилось в электричке долго. Она обычно брала с собой учебник. И не видела никого вокруг себя. Женя привыкла читать даже стоя. Но на этот раз она

сидела. А мужчина напротив пристально рассматривал её. Несмотря на то, что это мешало ей сосредоточиться, она не злилась на него.

- Вы говорите по-немецки? – спросил он, когда она вышла на своей остановке.

Спросил по-русски, но с сильным акцентом. Оказалось, что в его ассортименте это была единственная русская фраза. Больше, за исключением слов «матрёшка», «водка» и «на здоровье», он ничего сказать не мог. Женя же не говорила по-немецки. Она и в школе, и в институте учила английский. Мужчина обрадовался. Он тоже немного изъяснялся на языке туманного Альбиона.

- Почему я тогда с ним заговорила? – в тысячный раз спрашивала себя Женя. – Почему? Ведь я ужасно спешила...

б.

Утром Анна Николаевна заварила чай и ждала Женю на кухне. Она расставила чашки, порезала колбасу. Но Женя всё не выходила.

- Заспалась что-то... - нетерпеливо подумала Анна и решила заглянуть в комнату.

Женя слышала грохот поезда. Он доносился сверху. Гремя железными перекрытиями над самой головой. Рядом с ней спешили люди. Толпы. Они толкали Женю. Она стояла на самом проходе и всем мешала. Людей становилось всё больше. «Они сейчас собьют меня», - подумала Женя. Грохот раздавливал её голову, а люди грозились раздавить её саму. Она обхватила голову руками, пытаясь зажать уши и закричала:

- Душно, тяжело! – именно эти слова едва разобрала Анна Николаевна, войдя в комнату.

- Опять бредит, Господи! – подумала она и стала расталкивать Женю.

Завтракали женщины молча. Обе хотели говорить, но не знали, с чего начать.

- Я себя порезала, когда в тюрьму попала, - неожиданно произнесла Женя.

Она смотрела на дно чашки, которую держала в руках. Анна Николаевна от неожиданности услышанного подняла глаза и посмотрела на Женю, боясь испугать ту лишним движением. Но Женя продолжила.

- Я никогда не думала, что могу попасть в тюрьму. Хотя мама всегда говорила: от сумы и от тюрьмы не отрекайся. Но мне даже в чёрных снах не могло присниться, что я там буду... Это так страшно.

Последнюю фразу Женя выговорила с трудом. И замолчала. По щекам беззвучно полились слёзы.

- Женечка, господи! Как же так? За что? – осмелилась спросить Анна Николаевна.

- Самое смешное, что ни за что. Когда раньше слышала, что так говорят, всегда думала – глупости, ни за что не сажают! И сама попала...

Женя замолчала, уйдя в себя. Картинки происшедшего с ней когда-то, видимо, не оставляли её в покое. Она что-то видела и сейчас.

- Меня там били. И насиловали... - почти не слышно сказала Женя.

- Кто? – поперхнувшись, спросила Анна Николаевна. – Ты что, в смешанной тюрьме сидела? Неужели теперь такое бывает?

- Нет. Сидела в женской. Думаете, женщины не насиловуют? – усмехнулась Женя, наконец, подняв глаза. – Я три раза в больницу попадала.

- Как же это? – прошептала Анна, почувствовав, как к горлу подкатил комок.

- Очень просто... Черенком лопаты... - одними губами ответила Женя.

Анну Николаевну прошиб холодный пот. Она слышала, что в тюрьмах творится, черт

знает что. Но такое... Расспрашивать дальше не было ни сил, ни желания. И так, всё ясно. Что ещё? Но Женя, продолжала, не ожидая вопросов.

- В первый раз, когда они со мной это сделали, я хотела повеситься. Меня сняли с петли в последний момент. Врачи не знали, от чего откачивать – от кровотечения, или от удушья. Потом, после второго... в больнице, сестра забыла ножницы. Ну, я и решила порезать вены. Но ножницы были неважные. Исполосовала себя кое-как. Больше шума наделала. А третий раз... подготовилась серьёзно. Уже не ждала, когда под руку что-то режущее подвернётся. Украла у врачихи в кабинете скальпель. И вот...

Женя протянула руки вперёд и повернула их запястьями вверх. Толстые рубцы, когда-то разрезанной кожи, пересекали руку несколько раз. Анна Николаевна мельком глянула на них, и быстро перевела взгляд на лицо Жени. Та внимательно смотрела на свои руки, будто видела их впервые.

Анна Николаевна с ужасом подумала, что у девочки совсем расстроена психика. И что от неё можно ожидать, всё что угодно. Женя же сидела спокойно. Она даже перестала плакать. Опустив руки на колени, она скрестила пальцы, и подняла глаза.

- И вот... - снова повторила Женя, слегка улыбнувшись. – Потом к нам попала одна женщина... Она спасла меня. Её звали Марго. Скорее всего, это была кличка. Но я не знаю другого имени. Марго была сильной. Такой... как мужик, прямо. Метр восемьдесят, наверное. Накачанная. Она и в тюрьме всё время то приседала по сто раз, то гири какие-то поднимала. Кулак у неё был железный. Вот этим кулаком она там и навела порядок. Я как раз после операции вернулась. Белая вся и тощая. Одни кости остались. У Марго аппетит зверский. Ну, я ей еду свою полностью отдавала. Кроме чая, ничего не могла в рот взять. Она в благодарность мне... А потом уже я свою историю рассказала... и она меня жалеть стала. Короче, как Марго появилась, меня никто пальцем не тронул. Но я всё равно жить не хотела. Ведь дело даже не в тюрьме, и не в том, что со мной там делали... дело в другом. Боль, унижение, насилие... это не самое страшное. Бывает ещё...

Женя стала говорить путано. Она снова опустила глаза. Руки стали нервно перебирать подол платья. А по лицу неслышными струйками потекли слёзы.

- Марго... она... она меня поддержала. И я поняла, что ещё можно что-то сделать. И я должна...

Женя плакала всё сильнее, а слова её были всё сбивчивей. Решив хоть что-то сказать, Анна Николаевна спросила:

- А за что ты всё-таки туда попала?

- За наркотики, - ответила Женя, как ни в чём, ни бывало. – Они нашли у меня наркотики...

- Наркоманка... - прошелестело в голове Анны Николаевны.

7.

- Вы не думайте, тётя Аня... - испугалась вдруг Женя. – Я не наркоманка.

- Ну, да, ну да... - сказала Анна, а про себя подумала: Алкоголики тоже все говорят, что они не...

- Правда, – понимая, что ей не верят, сказала Женя. - Я не знаю, как я попала в полицию. Когда я пришла в себя, я абсолютно ничего не помнила. У меня была страшная головная боль и рвота. Они сказали, что я попала к ним в сильном наркотическом опьянении... и в карманах у меня были пакетики... с этим... экстазом, что ли. Я точно не помню, как называется...

- О чём ты говоришь? – спросила Анна Николаевна, пытаясь понять, врёт ли Женя, или у неё и правда с головой не в порядке. – В какую полицию ты попала? В России пока ещё милиция, кажется.

- А я не говорила, что это в России было, - пояснила Женя растерянно. – Это было в Голландии.

Анна Николаевна сидела в стопоре, совсем запутавшись. Женя резала себе вены в русской тюрьме. Куда её посадили за наркотики. А попала в полицию в Голландии.

- Может, она и сейчас принимает? – пронеслось в голове Анны Николаевны. – Всё время вижу, что она странная. А она, оказывается, наркоманка. И всё ей видится-мерещится. И про ребёнка придумала. Есть он. Как же...

Женя смотрела вперёд, упершись взглядом в какую-то точку позади Анны Николаевны. Она щурилась, сводя брови к переносице, кусала губы.

- Так вот, - продолжила она вдруг, словно не видя, что Анна Николаевна смотрит на неё с недоверием, - я была там совсем одурманенная. И плохо соображала. А тут ещё голландский. Я и по-немецки еле-еле. Они, правда, мне и по-немецки, и по-английски пытались что-то втемашить, да что толку. Мне так плохо было, что я встать не могла. Встану, рву снова. Помню только, что они мне пакетики какие-то под нос совали. Показывали, что в моих карманах нашли. Но я ничего не помнила. И не понимала. У них было не страшно. И кормили хорошо. Но я кушать не могла. Только поднос с едой увижу и всё... тошнота подкатывает.

Женя замолчала. Она тяжело вздохнула и двумя пальцами потёрла в уголках рта. Потом взглянула на Анну Николаевну и, улыбнувшись, сказала:

- Я вас совсем расстроила своими рассказами. Не расстраивайтесь вы из-за меня так... - Женя протянула руку и погладила, сложенные на столе, ладони Анны. – Всё позади... Голландцы меня долго не держали. Быстро отправили на Родину. У них вообще всё было нормально. Если бы... Ужасно стыдно, когда меня вели по аэропорту в наручниках. Думала сквозь землю провалюсь. Если бы я знала тогда, какие это мелочи по сравнению с тем, что в России придётся испытать... В общем, чтобы закончить... меня в Москве уже наши менты встретили. Предъявили бумаги какие-то. В них значилось, что у меня в вещах, в моей квартире, что я снимала, тоже были такие пакетики... Плюс голландцы меня вернули без документов. Сказали, что я нарушила визовый режим. Они ещё что-то «вешали» про нелегальную проституцию. У меня так голова кружилась, что я, в конце концов, и по-русски ничего понять не могла. Чего они там мне в вину вменяли. Короче, посадили. Ой, я опять о грустном, - всполошилась Женя. – Вам, наверное, надоело меня слушать.

- Да уж... - протянула Анна Николаевна, действительно не зная, что сказать, - история неприятная. Как ты всё это выдержала? И, главное, говоришь, что ни за что попала? Но как же... ты же сама сказала, что была под наркотиком, когда в полиции оказалась.

- Да. Это так. Но я не знаю, как это случилось? Ну, совсем не помню... Полицейские, вроде, объясняли, что меня к ним мужчина привёл и сказал, что таким проституткам, да ещё наркоманкам не место в цивилизованном мире. Видели? А с чего он взял, что я проститутка? Это же надо, какой козёл!

- Женя! Но как ты в Голландии-то оказалась? – не выдержала Анна Николаевна.

- Да с Ральфом же... - удивилась непонятливости Анны Женя. – Я же вам рассказывала, что мы с Ральфом друг в друга влюбились, как безумные. И я к нему приехала.

- Он что же, в Голландии живёт? – спросила Анна, решив, наконец, разобраться.

- Нет же... В Германии. В вашем городе и живёт. Вернее, около... Я была у него... а потом он пригласил меня отдохнуть. Говорит: «Ты, Женни...», он меня Женни называл, так вот «Ты, - говорит, - устала, давай на один денёк в Холланд смотаемся. Там красиво. Тюльпаны цветут». Ну, я и согласилась.

- А с чего ты устала-то? Ты к нему работать, что ли приехала? Или тебя в гостях работать заставляли? – допытывалась Анна.

- Ну, что Вы, тётя Аня! Ральф меня любил и лелеял. Меня так никто не обхаживал, как он. Если бы вы только знали... Кофе в постель подавал. И в Москве, когда мы с ним познакомились, и потом, когда приезжал ко мне... и тут, в Германии. Прямо, пылинки сдувал.

- А с чего ж ты устала-то?

- Да родила ж я... После родов и устала, - объяснила Женя и снова заулыбалась.

8.

- Час от часу не легче! – чуть не выкрикнула Анна Николаевна. – Давай, с начала... Значит так. Ральф приехал в Москву. И там вы познакомились. Так?

- Так, - согласно кивнула головой Женя. – Познакомились в метро. Он всю дорогу на меня смотрел. Потом заговорил... Он был такой... такой... - Женя закатила глаза, видимо, желая этим показать, каким замечательным был Ральф.

- Ну, - подгоняла Анна размечтавшуюся Женю.

- Мы с ним ходили в музей, потом катались на лодочках, потом... целовались всю ночь.

- Женя, мы так будем с тобой долго вспоминать. И так, весь день сидим, а с места не сдвинулись.

- Ральф был в Москве одну неделю, - продолжила Женя послушно.- Все вечера мы с ним проводили вместе. А потом ему надо было уехать, но он обещал писать, звонить, приехать снова. Сначала девчонки не верили, что Ральф появится - «командировочный» роман говорили они. Я и сама немного не верила. Но он действительно мне стал раз в неделю звонить. Писем, правда, не писал. Сказал, что лучше два слова по телефону...

- Женя, ты всё-таки как-то неосмотрительно. Чужой человек. Два дня знакома. Вы же даже толком друг о друге ничего не знали, - вставила возмущённая Анна Николаевна.

- Ну почему уж совсем ничего, - проронила Женя неуверенно. – Мы с ним ещё в первую встречу один раз через переводчика говорили. Ральф привёз дамочку. И мы троём сидели. Он много тогда обо мне расспрашивал. Где мама моя? Кто у меня ещё есть? Где и на что я живу в Москве? Мне, наоборот, тогда ещё всё это не понравилось. На допрос похоже. А подруга говорит – немцы сухие и чёткие, они иначе не могут.

- Он-то у тебя расспрашивал, а ты?

- И я спросила. А что, собственно, спрашивать было... В каком городе живёт? Так он мне сразу сам сказал. Ещё сказал, что женат не был. Что ему тридцать восемь. Что пора жениться. Ну... - Женя задумалась, видимо, вспоминая, что ещё ей рассказал Ральф о себе.

- Ясно, - прервала её раздумья Анна Николаевна. – И ты после этого, помчалась к нему в гости?

- Почему после этого? Нет. Говорю же... он стал мне звонить. Он мне – «Как дела?» Я ему – «Хорошо». Вот и весь разговор. А через месяц Ральф снова приехал. Уже на две недели. Попросил, чтобы я сняла отдельную квартиру или комнату. Не хотел в гостинице. Я встретила его в аэропорту. Ральф привёз мне подарки. Блузочки, маечки. Косметики целую кучу. И даже колечко золотое. Мне никто никогда ничего не дарил. А тут...

- Да, как мало девкам надо... - пробурчала Анна Николаевна.

- Он сразу надел колечко мне на палец и сказал – теперь ты мне жена! – не обратив внимания на реплику Анны, продолжила Женя.

- Хороши дела... А ЗАГСы что же... не существуют? – опять возмутилась Анна Николаевна.

- Фу-ты... Ну, что вы, в самом деле. Во всём плохое видите. Ральф сказал, что женится. В ЗАГСе. Но в Германии. Мы с ним решили, что он сделает приглашение и я приеду к

нему. И тут уже..

- Понятно, - прервала Женю Анна Николаевна. – Теперь всё понятно. Он приехал во второй раз к тебе на две недели. Потом он уехал и прислал тебе приглашение. Ты приехала к нему, и вы поженились, ты родила ребёнка... и вскоре после этого вы поехали в Голландию и там с тобой случилась странная история с наркотиками.

- Не совсем так. Ральф пробыл две недели и уехал. Вскоре оказалось, что я беременная. Когда я ему по телефону сказала об этом, он так обрадовался. Кричал в трубку, как сумасшедший. Ральф договорился с переводчицей, чтобы я к ней приходила на дом по пятницам около восьми вечера. В это время он звонил, и мы обсуждали, как я себя чувствую.

- Ничего себе! – искренне восхитилась Анна.

- Да, вот... обещал приехать с приглашением и оформить визу в посольстве, чтобы у меня не было лишнего беспокойства. Но с его приездом никак не получалось. На работе, что ли не отпускали. Но Ральф так меня любил... так волновался... он даже деньги мне переводил, чтобы я питалась хорошо.

- Редкий парень! – почесала Анна Николаевна за ухом. – А я сразу плохое подумала.

- А я вам, что говорю, - обрадовалась Женя. – У меня не было лучшего времени в жизни, как то, что с Ральфом. Вообще-то, мы с ним вместе не много были... одну неделю, когда познакомились. Потом две, когда он ко мне приезжал. Следующий раз он приехал только через семь месяцев. У меня уже живот вырос... воооо, - Женя выставила руку вперёд на полметра, показывая, какой огромный у неё был живот.

- Да ладно тебе, не преувеличивай, - усмехнулась Анна Николаевна.

- Правда-правда, - закивала головой Женя. – Даже Ральф удивился. Он сначала даже испугался, когда меня с этим животом увидел. Говорит: «У тебя же только восьмой месяц, а живот, будто вот-вот рожать». Привязался... как репа пареная. Пока мои бумаги к переводчице не понёс, и та ему не прочитала, с какого срока идёт отчет моей беременности, не успокоился. Я-то потом поняла, почему он волновался... Он подумал, что я до его приезда с кем-то... и беременность не от него. Но потом всё совпало. И он прямо не мог надыхаться. Всё живот обнимал и целовал. Я даже ревновать его к ребёнку стала. Полгода не виделись, а он меня почти не ласкает. Так. Погладит по спине, в ушко чмокнет. И всё время живот мой руками трогает.

- И что же? Вы расписались с ним?

- Нет. Он прилетел всего на три или четыре дня. Еле вырвался с работы. Привёз для меня приглашение. Сходил в посольство. Мне дали визу на три месяца. Ральф сказал, что я только въеду к нему, и мы пойдём в ЗАГС. И тогда мне там продлят визу. Навсегда. Да, он так и сказал: «Мы теперь будем всегда вместе». И всё время живот мой гладил.

9.

- Женя, ты такую «сладкую» историю рассказала. Прямо слеза умиления выступила, - произнесла Анна Николаевна, действительно смахнув выкатившуюся слезу. – Такая любовь, деньги присылал, звонил... и вдруг ты оказываешься в Голландии, в тюрьме, тебя обвиняют в наркомании и проституции. Как такое могло быть?

Анна Николаевна не могла не верить рассказам Жени. Но что-то не сходилось в её истории. Начало, о котором может мечтать любая девушка, не совпадало с плачевным концом. В животе забурчало.

- Ой... мы с тобой полдня тут проговорили. Что-то кушать захотелось, - сказала хозяйка.

- Да? А мне – нет... - отозвалась Женя, продолжая улыбаться, видимо, всё ещё вспоминая, как Ральф гладил её живот.

На столе стояли тарелки с недоеденным завтраком и Анна Николаевна, увлечённая

рассказом и не желающая вставать и что-то разогревать, положила в рот кусочек сыра.

- Ну, и что? Вы вместе с Ральфом прилетели в Германию, и поженились... - сказала она, прожевав сыр.

- Нет. Он улетел сразу, как визу оформил. А мне купил билет на поезд. Я поехала к нему через неделю. Ральф сказал, что я могу и вещей больше привезти... и не опасно... Тут он меня встретил. У вас такой ужасный вокзал... - поёжилась Женя.

Она снова вспомнила чугунные перекрытия и толпы пассажиров и встречающих их. Но тогда, когда Ральф встретил её беременную, ей было не очень страшно. Женя, конечно, всю дорогу волновалась. На границах приходили строгие пограничники, грозно щёлкая щипцами по паспорту. Но у неё всё было в порядке. Подъезжая к городу, где нужно было сходить, Женя нервничала. Ей казалось, что сердце прыгает не в груди, а в горле. Она вытащила две огромные сумки в проход, а затем из поезда на перрон. С собой ей везти было нечего. Сумки она набила подарками Ральфу и его родителям, с которыми собиралась познакомиться. Это были любовно выбранные матрёшки, пару мисок из Хохломы, красивая коробка с шахматами, фигурки которых были сделаны из полудрагоценных камней. Эти шахматы достались ей недёшево. Но Женя знала, что Ральф любитель этой интеллектуальной игры, и мечтала, как он будет учить всяким рокировкам и гамбитам их сына. В том, что родится именно сын, она была уверена.

Женя выставила сумки из поезда. Ральфа на перроне не было. На неё сразу навалились чугунные перекрытия. В ушах запульсировало. Но сильно испугаться Женя не успела. Почти сразу показался Ральф. Он бежал, расталкивая прохожих, высматривая знакомое лицо. Женя была так рада, что её встретили, и даже не обратила внимания, что Ральф забыл про цветы. Он обнял её, чмокнул в ухо и, подхватив сумки, направился к выходу. Они сели в машину. Женя не могла успокоиться от нахлынувшего на неё счастья. Она смотрела на Ральфа, не сводя с него глаз. Он был тоже возбуждён. И сильно нервничал.

- Успокойся, миленький, - сказала тогда Женя и погладила Ральфа по ноге, обтянутой в джинсы. После чего, он и, правда, немного расслабился. Но всё же...

- Вокзал, как вокзал... - сказала Анна Николаевна, вымазывая с тарелки остатки паштета. – И что дальше?

Женя опомнилась. Она на некоторое время «уплыла» в тот день. В тот самый счастливый день её жизни. Ей казалось, сколько она потом не вспоминала, что именно тогда, да ещё чуть позже, через две недели, когда она родила сына, она была действительно счастливой. Говорят, счастье ослепляет человека. Действительно она не видела вокруг ничего, кроме своего Ральфа. Женя вся была в нём, с ним и со своим не родившимся ещё малышом.

- И что дальше? – переспросила Женя. – Дальше мы поехали к нему. Через две недели я родила. Роды наступили раньше срока. Ральф страшно радовался, что я успела приехать и не родила по дороге. Произошло всё ужасно быстро и неожиданно. Я не родила, а выплонула. Мы даже в больницу не поехали...

- Как? – чуть не подавилась печенъем Анна Николаевна.

- Да я и сама не думала, что такое может быть. Но... ребёнок родился... и зачем ехать теперь? Ральф сказал, что его мама всех своих детей дома рожала. Они жили в деревне. Ну, и...

- А потом?

- На второй день я уже бегала по дому, как будто ничего не случилось. Меня саму это так удивляло. Ральф был почти всё время дома. Уезжал не на долго, только купить продукты или памперсы. Комнату для нашего сына Ральф подготовил ещё к моему

приезде. Если бы вы знали, тётя Аня, как он всё организовал. Любая мать могла бы только мечтать... Он так обожал сына... - сказала Женя с грустью.

- Ну, а в Голландии-то ты как оказалась?

- С Ральфом, говорила же. Через две недели он сказал, что нужно отдохнуть. Я же с момента приезда почти не выходила из дома. Только во двор, да и то редко. И вот... пришла какая-то женщина. Она сказала, что присмотрит за мальчиком, а мы сели в машину и уехали. Я даже не очень хорошо помню, где мы точно были. С самого утра меня тошнило. Но я боялась сказать Ральфу. Он так радовался поездке. А потом я его потеряла... и упала... и потом...

10.

Потом всё завертелось таким колесом, что Жене иногда казалось, что она действительно сошла с ума. Особенно в начале, когда проснулась на железной полке, покрытая липким потом. Женя тогда подумала, что видит сон. Закрывает глаза и сильно зажмурила их. Потом открыла снова. Но перед ней по-прежнему была комната с ободранными стенами, маленьким окошком высоко над головой, и металлической решёткой вместо стены. За этой решёткой находился, видимо, коридор, по которому сновали люди в форме.

- И что потом? – услышала Женя голос Анны Николаевны, которая трясла её за плечо.

- Потом... я же вам рассказала, - растерянно произнесла Женя. – Потом я была в полиции. У меня всё болело. И я ничего не могла вспомнить. Я думала, что кошмар этот никогда не закончится. Один раз даже ко мне пригласили переводчицу. И я ей рассказала, что была у Ральфа и нужно его найти. Она кивала серьёзно. Всё записала. Дала мне подписать. Я думала, что завтра придёт Ральф. Но на следующий день они надели на меня наручники и повезли в аэропорт. Потом...

Женя заплакала.

- Ладно, ладно, Женечка! – заворковала Анна Николаевна, вытирая слёзы с её лица.

- Будет тебе... Слезам делу не поможешь. Отсидела своё. Вышла. Жива и ладно.

- Да-да, - запричитала Женя, шмыгая носом, - всё позади... я забуду. Сейчас надо найти Ральфа. Моему сыну недавно семь исполнилось. Он, наверное, в школу ходит. Мы его называли Сашей. Чтобы и по-русски, и по-немецки звучало. Какой он теперь? Меня и не поймёт. Ральф же не стал его учить русскому... Как вы думаете, тётя Аня?

- Я вообще ничего не думаю. Потому что ничего не понимаю. Что же, ты когда в тюрьму угодила, ему не написала?

- Так я ж адреса его не знаю.

Анна Николаевна смотрела на Женю, снова начиная думать, что у той с головой не всё в порядке.

- Ну, что вы на меня так смотрите... Сами посудите. Когда мы познакомились, я у него адреса не спрашивала. Потом он на две недели в гости приехал. Уезжал, сказал, что будет звонить... Зачем мне его адрес? Мы же условились писем не писать...

- Он тебе свой телефон дал?

- Нет... Ральф сказал, что звонить из Москвы будет дорого. Взял эти расходы на себя. Я же вам рассказывала, что он мне в один день и в одно и тоже время к переводчице звонил.

- Ну, хорошо... А когда приехал, чтобы тебе визу ставить... Вы же какие-то бумаги оформляли, подписывали что-то... Что же ты ни разу не видела его документов?

- Почему? Видела. Паспорт... но там адреса не было. Только имя и фамилия. И день рождения.

- Хорошо хоть фамилию видела... И как же? – вела допрос Анна Николаевна.
- Фамилия у Ральфа красивая. Мюллер... Мюллербах или... Мюлленбайн. Знаете, столько лет прошло. Я всё время повторяла фамилию, чтобы не забыть...
- И забыла! – грозно отозвалась Анна.
- Нет, начало точно Мюллер, а вот конец...- неуверенно произнесла Женя, опустив глаза.

Анна Николаевна молчала. Женя понимала, что выглядит глупо. И решила защититься.
- Тётя Аня... Не смотрите вы на меня так. Ральф приехал, сам везде ходил, всё решал... Паспорт лежал на столе. Я мельком глянула. Зачем мне запоминать? Я знала, что через две недели к нему приеду и выйду за него замуж. Кто ж знал, что так получится. Первые две недели мы не спешили сильно... А потом я родила. Потом...

- Хорошо, Женя! Устала я... Давай-ка, выйдем на улицу. Пройдёмся. А то от твоих рассказов голова кругом.

Анна Николаевна натянула на себя тёплую кофту на подкладке, на голову накинула платок по старой русской привычке.

- Тут никто в косынках не ходит, - сказала она, поправляя волосы перед зеркалом, - а мне всё равно, продует, тогда...

- Конечно, нужно делать, как тебе приятно, нечего на других оглядываться, - поддержала Женя Анну Николаевну.

- Да уж... ты наделала... теперь вот расхлёбывать придётся. Как бы не захлебнуться... - проворчала Анна Николаевна, строго взглянув на Женю, но, увидев, что та чужь не плачет, переменила тон, - ладно тебе... расхлёбаем как-нибудь. Пойдём, пойдём на свежий воздух, а то мозги совсем спрели...

На улице действительно стало легче. Ветерок полоснул по лицам женщин.

- Значит так, - трезво произнесла Анна, - ты, когда приехала в Германию в прошлый раз? Когда сына родила? Это ты помнишь?

- Конечно! Что вы, прям, совсем думаете... Это было ровно семь лет назад. Почти в это же время. Сейчас конец апреля. А тогда был март. Второго апреля я родила Сашу. А через...

- Ясно, - хлопнула Анна Николаевна, - кое-что ты всё-таки помнишь... Значит, Ральфа действительно зовут Ральф. Фамилию ты помнишь приблизительно. И у него должен быть сын, которому семь лет. Жаль, что фамилию ты не запомнила. Тут по фамилии человека найти, раз плюнуть... Ну, не печалься. Покумекаем.

11.

Анна Николаевна шла молча, засунув руки в карманы кофты. Женя плелась за ней, чуть позади. Как маленькая, провинившаяся девочка, боявшаяся наказания матери. Она знала, что без денег и без знаний немецкого, ей самой ничего не сделать. Не найти ни Ральфа, ни сына. Хотя, когда она решила ехать, об этом не думала. Все годы мечтала, как выйдет из тюрьмы, поедет искать Сашу.

- Только бы доехать... только бы... а там уж найду как-нибудь, - думала Женя годы напролёт. А когда оказалась на этом сумасшедшем вокзале, когда завертели люди, нависли чугунные арки над головой, земля под ногами поплыла и Женя поняла, как она беспомощна и одинока. Но Бог смилостивился, прислал к ней на помощь спасительницу.

На следующий день Анна Николаевна пошла к приятельнице, местной немке фрау Шульц.

- Она женщина умная, поможет, - сказала Анна Николаевна, уходя. – А ты сиди тут.

Жди.

Женя скрутилась калачиком на большом и удобном кресле, укутавшись пледом. Она собралась в пружину, понимая, что сейчас решается её судьба. Скоро, совсем скоро она увидит сына. Саша не узнает её... Ну и пусть. Но Ральф, наверное, рассказывал ему про маму. Знает ли Саша, что он наполовину русский? Обрадуется ли? Конечно, обрадуется! Какая глупость! Разве может ребёнок не радоваться матери...

Мысли повторялись. Она давно задавала себе эти вопросы. И снова и снова отвечала на них. Жене не надоедало обмусоливать всё это в своей голове. Она пыталась сконцентрировать свои думы вокруг сына и предстоящей встрече с ним.

Щёлкнул замок и из прихожей послышался кашель.

- Анна Николаевна пришла... - подумала Женя, но не смогла сдвинуться с места. Она лишь повернула голову в сторону коридора. Тело оставалось сжатым, будто парализованным.

- Ну, что? Сидишь? – спросила Анна Николаевна, заходя в комнату и сбрасывая кофту. – Жарко сегодня. Весна наступила. Прямо хоть летнее доставай.

Женя, не дыша, смотрела на Анну Николаевну.

- Не смотри... дай отдышаться, сейчас расскажу, - сказала Анна, усаживаясь напротив Жени на диване. – Нашли мы твоего Ральфа, - выдохнула, наконец, она, одним махом. – То, что фамилия непростая... оно, конечно, плохо. Ты вот не точно запомнила. Но, с другой стороны, оказалось, хорошо. Потому, что будь он просто Мюллером вообще ещё неизвестно, нашли бы... Этих Мюллеров тут, как у нас Ивановых. А вот Мюллербахов и Мюллербайнов раз-два и обчёлся. В сочетании с именем Ральф оказался всего один Мюллербах. Да ещё ты рассказывала, что он живёт на отшибе, вроде, как имение. Так этот как раз так и проживает. У него типа фермы. Кур, что ли разводит...

- Точно, - выдохнула Женя. – Точно... у Ральфа большой двор и красивый дом, весь увитый цветами. А за оградой я видела постройки вдалеке. И там всё время суета была. И кур видела.

- Значит, скорее всего правильно вычислили. Хорошо. Завтра с утра поедем, посмотрим, что к чему.

- Тётя Аня. Я сейчас поеду. Только два часа дня. Не поздно...

- Что значит поеду? – возмутилась Анна Николаевна. – Ты уже наездила. Вместе поедем. Ладно уж. Дай только перекусить. Вчера весь день на сыре просидели с твоими рассказами...

Анна Николаевна стала разогревать суп в кастрюльке, а Женя села на стуле рядом, сложила руки и затихла. Она сидела, улыбаясь своим мыслям. Сейчас должна произойти встреча, которая станет третьим самым счастливым днём в её жизни. Хотя Анна Николаевна не разделяла Жениного энтузиазма, и посматривала на ту с сомнением, одну её отпускать не собиралась. «Тётя Аня», не привыкшая к такому тёплому обращению, теперь уже чувствовала себя и впрямь чуть ли не родственницей этой Жени, которую подобрала на вокзале всего неделю назад.

Женя терпеливо ждала, пока Анна Николаевна покушает и соберётся ехать. Наконец, они отправились на вокзал, где нашли нужный им автобус.

- Тётя Аня, что-то не то, - засомневалась Женя. – Мы с Ральфом за полчаса добрались, ну, может, минут за сорок... а мы с вами уже больше часа телепаемся...

- Сравнила, - бросила Анна Николаевна, - на машине и на бусе. Он, вон, сколько остановок делает. По кругу едет, чтобы все деревни охватить.

- Вам придётся немного пройти, - обратился к ним водитель, симпатичный мужчина в белой рубашке, и махнул рукой. - Это там... Дом стоит в стороне. Счастливо!

Поблагодарив водителя, Анна Николаевна и Женя направились в сторону фермы. Идти оказалось недалеко. Лес, в сторону которого махнул водитель, оказался узкой лесополосой. Сразу за ней показался достаточно большой дом с садом, а вдалеке виднелись хозяйственные постройки.

Женщины шли тихо. Под ногами скрипела галька. Солнце опустилось к самому горизонту и расплывалось в голубом небе оранжевым отсветом. Анна Николаевна думала о том, что сейчас, наконец, хотя бы узнает, правду ли рассказывала ей Женя. Может, нет там никакого мальчика. И Мужчина никогда не видел Женю.

- Впугалась в историю, - немного жалела Анна.

12.

Женщины подошли к высокой ограде, за которой красовался убранный двор. Ровные дорожки с цветами, едва набухших тюльпанов вперемежку с жёлтыми бутонами нарциссов, зелёные кустарники и ёлочки. В глубине красовался двухэтажный дом с балконом над входом. С другой стороны, около открытых металлических ворот, виднелась большая серебристая машина. Возле неё стоял мужчина. Это был Ральф. Во всяком случае, тот мужчина, которого Анна видела на помятой Жениной фотографии. Рядом с ним, спиной к Жене и Анне Николаевне, суежилась женщина, стряхивая невидимые пылинки с плеча Ральфа. У их ног крутился мальчик. Мужчина и женщина о чём-то говорили друг с другом, потом поцеловались и мужчина сел в машину. Мальчик подбежал к нему, и тот ласково обнял ребёнка за шею. Машина отъехала, и женщина, помахав рукой, стала закрывать ворота.

- Это Саша, мой сын, - прохрипела рядом Женя.

Анна Николаевна посмотрела в её сторону. Женя стояла, вцепившись тонкими пальцами в металлические стержни ограды.

- А уехал на машине Ральф? – спросила Анна Николаевна на всякий случай.

- Да. Это был он. Совсем не изменился. Только чуть-чуть поправился.

Закрыв ворота, женщина повернулась к дому, и теперь можно было рассмотреть и её.

- Это та... - опять еле слышно проговорила Женя. – Та женщина, которая осталась с Сашей, когда мы уехали в Голландию.

- Кто она? – спросила Анна. – Тебе Ральф что-нибудь говорил о ней?

- Он сказал, что придёт хорошая знакомая... Ей можно доверить мальчика. Ральф уверял, что Саша будет в надёжных руках.

- И как видно не наврал, - иронично отозвалась Анна Николаевна. – Что же тебе делать? – размышляла она, сама не зная, как поступить.

- Как что? – искренне удивилась Женя. – Надо пойти и сказать Саше, что приехала его мама. Что я его мама...

- Погоди... - прервала Анна Николаевна Женю. – Всё не так просто. Ральф, похоже, живёт с этой женщиной. Или ты думаешь, что она приходит только присмотреть за Сашей?

Женя молчала, насупившись.

- Так вот... Значит, если женщина живёт в доме, вместе с Сашей и Ральфом... то скорее всего, мальчик считает её своей матерью.

- Плевать! – решительно сказала Женя. – Я всё равно пойду.

- Стой! – Анна Николаевна схватила Женю за руку. – Пойдём... ладно уж. Но ты без меня всё равно ничего не сможешь сказать. Говорить и спрашивать буду я. Поняла? И говорить буду, исходя из ситуации. На мальчика не кидайся, а то можешь испугать. Поняла меня? – строго спросила Анна, бросив взгляд на Женю.

- Хорошо-хорошо, - проговорила та и дёрнулась идти.

- Стой! – опять остановила Анна её. – Повтори, что ты будешь делать то, что я тебе сказала.

- Буду, - едва слышно буркнула Женя.

У ворот Анна Николаевна нашла переговорку и нажала на кнопку звонка. Послышалось шуршание, а за ним звонкий голос:

- Да, слушаю... кто там?

- Откройте, пожалуйста, нам нужно с вами поговорить, - спокойно произнесла Анна Николаевна, выговаривая чётко каждое слово.

Женщина не откликнулась, но щёлкнул замок и калитка, вделанная в ворота, приоткрылась.

Когда Анна Николаевна и Женя подошли ко входу в дом, их уже ждала женщина, провожавшая Ральфа. Она приветливо улыбалась, глядя на пришедших с интересом и любопытством. Мальчик пытался выскочить из дома, но женщина придерживала его руками, не выпуская.

- Саша, - сказала она. – Постой хоть минутку спокойно...

Анна Николаевна глянула на Женю, напомнившую ей в эту минуту полумёртвую мумию. Тонкая кожа пергаментом обтягивала череп. Серый цвет лица приобрёл ещё более тёмные тона. Глаза застыли на мальчике. Анна Николаевна держала Женю за руку. Та была холодная, будто из неё выкачали всю кровь.

Анна Николаевна поняла, что хозяйка дома Женю не узнала.

- Конечно, она же видела её мельком, - подумала она. - Да и потом Женя так изменилась за эти годы... Постарела лет на пятнадцать.

- Здравствуйте, чем я могу помочь? – спросила, хотя и приветливо, но дежурно, немка.

- Нам бы поговорить... - точно не зная, с чего начать, сказала Анна. – Меня зовут Анна. А это Женя. Моя знакомая. Можно мы войдём?

- Да, конечно, - быстро согласилась женщина и пропустила незнакомок в дом.

Первое, что увидела Женя, были шахматы. Те самые, которые она когда-то подарила Ральфу. Они лежали на небольшом столике у огромного окна в сад. Около столика с шахматами стояло два кресла.

- Вот, муж так любит... сына приучает, - заметив взгляд Жени, пояснила хозяйка дома. – Садитесь... - она махнула рукой в сторону диванов, стоящих вдоль стены.

13.

Анна Николаевна посмотрела на Женю. Та не сводила глаз с мальчика и, казалось, не реагировала на всё остальное. Успокоившись и поняв, что она не сорвёт разговора истерическим выкриком или другим непредсказуемым поступком, Анна сказала хозяйке:

- Как у вас тут красиво. И тихо. Разве теперь где встретишь что-нибудь подобное?

- Да, - отозвалась женщина охотно. – Нам с мужем нравится жить за городом. Сейчас люди любят бешеный ритм, сумасшествие в транспорте. Это же сплошной стресс.

- Да-да, - подхватила Анна Николаевна, - как редко теперь кто-то так уединённо живёт! Вы, наверно, счастливая пара! Жить уединённо и не скучать.

- Да, мы с мужем любим друг друга. С молодости ещё... Познакомились, когда нам и двадцати не было. И сразу поженились...

Анна Николаевна, продолжавшая держать Женину руку, почувствовала, что та напряглась. Она немного надавила пальцами на её кожу, давая знак – успокойся. Хотя хозяйка дома была ухожена и выглядела прекрасно, всё равно выглядела она лет на сорок, не меньше.

- Да, мы уже больше двадцати лет вместе, - улыбнувшись, сказала женщина, заметив, что гостя ведёт в уме подсчёты её возраста. – Скоро серебряную свадьбу отмечать будем...

- Правда? – деланно удивилась Анна Николаевна, желая угодить хозяйке. – А я подумала, что вам только-только тридцать исполнилось. И мальчик совсем ещё маленький. Лет восемь, наверное?

- Нет, Саше только семь исполнилось. Второго апреля. Мы бы рады были и раньше родить, да не получалось. Мы же с мужем семья в классическом понимании. Не то что нынче. Для него, да и для меня... муж, дети, дом – самое важное, как в старые времена. А вот ведь как... Кто не хочет, рожает. Потом деток бросают. А то и вообще... вон, по телевизору видела, как одна кукушка новорождённого убила и в мусорник бросила.

- Господи, вот, нечестии, - ужаснулась Анна Николаевна.

- Именно! И я про то же... А тут... столько лет мучалась, а родить не могла. Прямо наказание! Семнадцать лет... что только не делала. Болеть даже стала.

- И потом... как же потом? – спросила Анна Николаевна, с нетерпением ожидая ответа.

- А потом... вот... Бог услышал. Родила...

- Не правда! – вдруг прохрипела Женя.

Анна Николаевна схватила её за руку, но было уже поздно. Та повернулась лицом к хозяйке и заговорила на ломаном русско-немецком:

- Это мой сын... это я его родила... второго апреля... я... родила... мой...

Женщина вцепилась глазами в Женю. Похоже, она стала понимать, что перед ней действительно та, которая семь лет назад нежно передала из рук в руки бесценный свёрток с малышом. Трудно было в этой сухой с серым лицом полустарухе узнать ту, счастливую, с пухлыми губками и ямочками на щеках, с волнистыми каштановыми волосами когда-то симпатичную женщину.

Хозяйка приглядывалась к Жене, и по её лицу можно было понять, что она всё вспомнила.

- Ах, это вы... - проговорила женщина тихо.- Как вы изменились... А муж сказал, что вы никогда...

Она оглянулась на сына. Тому, видимо, наскучило наблюдать за разговором взрослых, и он, устроившись в другом конце огромного зала, листал книжку с картинками.

Женщина снова перевела взгляд на Женю.

- Что вы хотите? – спросила она, уже немного взяв себя в руки.

- Что я хочу? – переспросила Женя по-немецки, и по-русски добавила. – Она ещё спрашивает, что я хочу? Я хочу моего сына! – последнюю фразу Женя произнесла громко и внятно.

- Тише, тише... - сказала хозяйка, опять взглянув в сторону мальчика. – Почему? Как? Ну, то есть... я не понимаю... - женщина чуть не заплакала.

- Что она говорит? Что? – нервно спросила Женя Анну Николаевну по-русски.

- Женя, успокойся, сейчас мы всё выясним... Она тебя узнала... не пугай ребёнка.

Скажите, - обратилась Анна по-немецки, - почему вы сказали, что это ваш сын? Что это вы его родили? А теперь...

- Я так и знала... так и знала... Что это когда-нибудь всплывёт... - женщина схватилась руками за сердца, а по щекам уже потекли струйки слёз, прокладывая дорожки.

- У нас с Ральфом не было детей. Долго. Я лечилась. Что только не делала. Потом мне сказали, что всё бесполезно... Я была в такой депрессии. Просто лежала сутками. Не могла вставать. Силы стали таять. И похудела. Ральф плакал надо мной, просил, молил, чтобы я встала. Но всё было бесполезно. Тогда он предложил адаптировать ребёнка. Бегал куда-то, что-то выяснял. Но оказалось, что всё это не так просто. И денег стоило безумно

много. Мы, конечно, не бедствуем. Но отдавать столько... И потом... детей предлагали или из Латинской Америки, или из Африки. Да, из Индии ещё... Ну почему? Я так хотела ребёнка. И он должен был быть на меня похожим. Вот тогда Ральф и придумал свой план... Он... он... - немка никак не решалась сказать.

14.

Все три женщины сидели замерев. Время будто остановилось. Только муха билась об окно где-то далеко. А из угла еле слышалось сопение мальчика.

- Ральф сказал, что можно это сделать, куда дешевле, если... - неуверенно подбирала слова хозяйка, - если договориться частным образом. Ну, то есть не официально. Он сказал, что в России много бедных женщин, готовых продать ребёнка за небольшую сумму. Там ведь женщины здоровые, и внешне от нас не отличаются... не то, что индийские или азиатские.

Анна Николаевна взглянула на Женю. Та сидела, как вкопанная. Её руки, вцепившись в ткань платья, казалось, вот-вот разорвут его. Женя молчала. Приняв это, как знак поддержки, немка продолжила.

- Ну вот... я подумала, что... почему бы и нет. Ведь мы никому ничего плохого не делаем. Женщина по своему желанию отдаёт малыша. Она получит деньги от нас, на которые сможет открыть дело... или получить образование. Ральф не собирался никого обманывать. Он поехал в Москву на неделю. Вернулся в растерянности. Сказал, что никого не подыскал... Через месяц полетел ещё раз. И вернулся просто на седьмом небе... сказал, что нашёл женщину, которая только-только забеременела. Неизвестно от кого. И хотела делать аборт, а он предложил ей деньги. Ну и...

Немка снова замялась.

- Вы не хотите пить? – вдруг спросила она, но обе гостьи ничего не ответили. – Мне что-то нехорошо... Извините.

Она встала и подошла к столу, на котором стоял графин с соком. Плеснув из графина в стакан, женщина сделала несколько глотков.

- Мам, мам... а когда папа приедет? – подал голос мальчик.

- Скоро, сынок, скоро... - печально ответила она и вернулась на своё место на диване.

- Так вот... Потом... в общем, Ральф звонил в Москву, и мне пересказывал, как протекала беременность. Я всё время представляла это... будто сама носила. Прямо вжилась в роль. Я подкладывала себе живот. Накупила одежды для беременных. Меня тоже тошнило, когда Ральф говорил, что её... - женщина споткнулась, взглянув на Женю.

- Говорите же... - произнесла Женя по-русски. Немка будто поняла её и сразу заговорила снова:

- За две недели до родов Ральф отправил меня в санаторий. На месяц. Он сказал, что женщина должна приехать и родить тут. Чтобы все считали, что его родила я. Но лучше будет, если мы с ней не встретимся... я, правда, не поняла, почему. Я носила подушку под платьем, а мне казалось, что в животе шевелится плод.

- Так он вам сказал, что женщина делает это по своей воле? – спросила Анна Николаевна.

- Ну, да... а что? – с недоумением спросила хозяйка. – Ральф договорился с русской... ну, с этой... - она махнула рукой в сторону Жени. – Она приехала к нам, и тут родила. А через две недели после родов, я приехала и получила Сашу. Она мне сама же прямо в руки и дала его. Разве не так?

- Ну, не совсем... она, конечно, дала вам мальчика, но... - заговорила Анна Николаевна.

Женя всё ещё молчала. Анна Николаевна была рада этому обстоятельству. Она всё время ожидала взрыва или истерики.

- Что значит, не совсем... - повторила хозяйка, - она дала мне его в руки, и Ральф отвёз её в аэропорт... Всё было сделано замечательно. Никто даже не заподозрил, что ребёнок не мой. Все видели, как я ходила беременная. Потом на месяц я уехала. Ральф сказал всем, что я рожала в специальной клинике. Женщина... - немка снова осеклась, - ну мать ребёнка, получила свои деньги, и мой муж отправил её домой.

- Нет... нет... это не так, - наконец, сказала Женя. – Я не получала денег. Саша мой сын. И я хочу его забрать с собой. В Россию.

Женя говорила по-русски, но немка опять поняла. Она занервничала:

- Вы с ума сошли... это мой мальчик, - её глаза заморгали, ресницы задёрнулись, и с них упала слезинка. – Он вас даже не поймёт. Саша не говорит по-русски.

- Саша! – вдруг громко, но ласково выкрикнула Женя, - Сашенька...

Мальчик встал и медленно подошёл к женщинам. Он прислонился к матери. Вернее к той, которую считал своей матерью. И та прижала его к себе.

- Моё сокровище, радость моя... - шептала она, целуя мальчика в макушку.

Мальчик чувствовал, что женщины взволнованы. Когда же он увидел, что мать плачет, заволновался ещё больше.

- Мамми, мамми, - писклявым голоском произнёс Саша, готовый сорваться на плачь.

- Сыночек, сокровище... - повторила мать, прижимая сына ещё сильнее, будто боясь, что его сейчас отнимут.

И в этот момент, наконец, произошло то, чего боялась Анна. Женя кинулась к сыну, и потянула мальчика к себе. С силой разгневанной тигрицы, она вырвала испуганного ребёнка из объятий соперницы. Рукав ситцевой рубашки, надетой на нём, треснул. Немка отпустила Сашу, и её руки безвольно повисли плетями вдоль тела.

- Пожалуйста... пожалуйста... ему же больно, - жалобно просила она.

- Что она сказала? Тётя Аня! Что она говорит? – спросила Женя, прижимая орущего ни своим голосом мальчика всё крепче.

- Женя, успокойся... она просит, чтобы ты ему не делала больно... он напуган... пожалей же ребёнка! Господи...

- Саша, сынок... сокровище... не бойся... я с тобой... я никогда... никому... - лепетала немка по-немецки, пытаясь успокоить плачущего сына.

- Саша, Сашенька, господи, родненький... я тебя никому... никогда – одновременно с ней, причитала по-русски Женя, обцеловывая, вырывающегося из её рук мальчика.

15.

Анна Николаевна вдруг сильно дёрнула Женю за руку и закричала:

- Женя, перестань! Остановись же! Оставь мальчика в покое! Как тебе не стыдно! Очнись!!!

Саша заливался неудержимым плачем. Всё его тело дрожало. Немка протягивала к ребёнку руки, пытаясь дотронуться до него, и коснувшись, дать силы не бояться чужой женщины. Женя вдруг опомнилась и выпустила мальчика, стремглав кинувшегося к матери, с ногами забравшись к той на колени. Ручками он обхватил её за талию. Немка непрерывно утирала слёзы сына и нашёптывала ему что-то на ушко. Саша стал успокаиваться, понятиливо кивая головкой. Искоса он посматривал на странную женщину и в его глазах мелькал невероятный страх.

- Зачем вы обманываете? Почему передумали? – тихо спросила хозяйка дома. – Я верю своему мужу. Он всё сделал честно. И вы были согласны. Ральф добрый, порядочный человек. Он никогда не обидит никого. Даже муравья на дорожке поднимет и на травку пересадит. Ральфа все любят...

- Я его тоже любила, - едва слышно произнесла Женя. – И верила. Он хотел на мне

жениться. И сюда я приехала не рожать на продажу, а рожать для него. Для Ральфа. Моего любимого.

Анна Николаевна увидела, что немка не поняла и перевела последние Женины слова.

- Так значит, вы были беременны от него? – догадалась, наконец, женщина.- Саша сын Ральфа...

Женя встала, тяжело вздохнув.

- Мы пойдём. Тётя Аня, переведи ей. Сашенька мой сыночек. Но он этого не понимает. Он считает вас своей матерью. И не надо его мучить. Вы любите его. Саша будет тут счастлив. А что могу ему дать я? Пойдём, тётя Аня...

Женя повернулась к выходу, но потом, словно передумав, сделала шаг к немке, на коленях которой по-прежнему сидел Саша. Женя встала на колени перед ними и ласково, как только могла, сказала:

- Сашенька, хороший мальчик... не бойся. Посмотри на меня. Ну, пожалуйста, посмотри...

Немка что-то прошептала сыну на ухо, и тот повернулся к Жене.

- Вот и хорошо, вот и умница... Запомни меня.

Женя погладила мальчика по руке, и тот уже, немного успокоившись, не отдернул пальцы. Она осмелилась и коснулась их губами. После чего резко встала.

- Пойдём, а то я не смогу... Берегите его, - бросила она немке.

Анна Николаевна перевела и женщина заговорила быстро, явно уверяя Женю, что мальчику тут гарантирована счастливая жизнь.

Женя быстро пошла к выходу, но вдруг остановилась около стола с расставленными шахматами.

- А Ральф хороший игрок... Он здорово разыграл партию, - сказала она, взглянув на немку. – Только в этой игре ты была королевой, а я всего лишь пешкой... чёрной пешкой.

Взгляд Жени упал на стенку, на которой висел портрет счастливого семейства. Не спросив, она сняла его с крючка и вытащила фотографию. Со снимка на неё смотрели Ральф с женой. Впереди родителей стоял радостный Саша с какой-то огромной красочной конфетой в руках.

- Это к школе тут делают... - пояснила шепотом Анна.

Женя аккуратно надорвала бумагу сверху и оторвала стоящего справа от Саши Ральфа, затем точно также, не спеша, она оторвала и женщину слева от мальчика. Потом прижала снимок к губам, свернула его, и сунула в карман. После этого она уверенно, больше не поворачиваясь назад, вышла из дома.

Всю дорогу назад женщины молчали. Женя спокойно смотрела в окно автобуса. Иногда даже улыбалась чему-то. Дома, она, пожелав «спокойной ночи» и даже чмокнув Анну в щёку, чего раньше никогда не делала, улеглась спать. Анна Николаевна ещё долго сидела одна на кухне. Пила травяную настойку, которую заваривала себе «от нервов» и вспоминала услышанное и увиденное накануне. Часа в три она решила всё-таки лечь. Проходя через комнату, где на раскладном диване в углу спала Женя, Анна услышала тихое посапывание.

- Спит, слава Богу... - подумала она и прошла к себе.

Немного поворочавшись, Анна Николаевна задремала. Но поспать толком не смогла. Едва между задернутыми гардинами пробился лучик утреннего света, она заворочалась и решила встать.

Тихо, босиком, даже не надев тапочки, чтобы не разбудить Женю, Анна Николаевна

вышла в комнату. На диване никого не было. Анна подошла ближе и увидела на аккуратно расстеленном одеяле белый листок.

«Спасибо за всё! Не поминайте лихом! Может, свидимся когда... но теперь у меня есть дела. Вечно обязанная Вам, Женя»

Рядом с запиской валялась чёрная пешка, которую Женя, видно, незаметно прихватила с шахматной доски Ральфа.

Александр Хуснуллин

Долгий дозор

Внезапно перед глазами всё расплылось. Радужные блики дрожали вокруг неясных двоящихся контуров. Солнце яростно жгло щёки и лоб. Глаза щипало. Егор тряхнул головой, в разные стороны разлетелись капли пота. Несколько мокрых пятнышек темнели на прикладе.

Егор хлопнул носом и осторожно, стараясь не дёргать рукой, промокнул обгоревший лоб рукавом, а потом, неестественно вывернув кисть, поочередно прикоснулся манжетом к закрытым глазам. Кожу жгло так, что на секунду ему представилось, как рукав начинает дымиться от кислоты, но, осторожно приоткрыв глаза, он снова увидел всё ясно и чётко.

Дело было дрянь. Чёртовы карачи копошились метрах в ста, не обращая на него никакого внимания. Егор легко мог всадить пулю в одного из них... да только что ему эта пуля? Так, вздрагивает туловищем, замирает на секунду... вглядывается, что ли? Глаз-то у них не видно.

Дед говорил, - да упокойт его Господь-Аллах на тенистых пажитях! - мол, раньше были у них глаза. Много, но были! Можно было дёрнуть по ним из калаша, ослепить... А сейчас, шайтан их возьми, совсем смотреть не на что. Даже ноги у них стали тоньше, но зато намного прочнее.

Конечно, если бы динамит...

Егор вспомнил, как в город притащили на железном тросе двух подорвавшихся на фугасе карачи. Дядя Ахмат за рулём грузовика что-то орал, - уж наверное, не молитвенные песни, всегда был пьяный, - упокой его Господь-Аллах с миром, - только зубы весело блестели на чёрном от пыли и гари лице. Мама в толпе кричала вместе со всеми. Они били карачи чем попало, а те только дергались перебитыми лапами и бормотали: 'Мы не сделаем вам ничего плохого... Мы не сделаем вам ничего плохого...'

А потом дядя приставил ствол калаша к сочленению малого щупальца, - оно слабо обвилось вокруг сбитой мушки, - и выстрелил... только брызнуло из туловища во все щели. Народ закричал, запрыгал, а мулла-батюшка сказал: 'Не жалея патронов, Ахмат! Мало им одной пули, оживёт, проклятый!'

Эх... так то ж когда было-то! Егору, поди, едва-едва пять лет исполнилось...

Карачи продолжали копошиться. Из песка они то ли вырывали, то ли творили своим нечестивым дьявольским обычаем какие-то смутно угадываемые в пыли тонкие плетения. Вроде сетки, перекрученной и шевелящейся... растущей?.. чёрт, в этой кутерьме не разберёшь. Слава Господу-Аллаху, вроде, они не собираются двигаться в сторону города.

Даже бесовская их сеть извивается и дёргается явно в сторону старой мечети. Говорят, там третьего дня двух карачи видели. Гнезда у них там нет, это точно. Егор сам проверял.

Может, уйдут? Были же такие случаи, Егор сам слышал!

Егор облизнул палец, помахал им в воздухе, чтобы тот высох, подышал на окуляр бинокля и осторожно протер его. Карачи были видны, как в двух шагах. Пыль, проклятая пыль не давала ничего разглядеть.

Эх, второй окуляр разбит... жаль! Отец даже выругался, когда вытащил его из песка - вот невезение! Обидно - у трупа даже блок компа уцелел. Офицер, сразу видно! Экран смяло комочком слежавшийся ветхой ткани - не оживишь. Элементы питания вытекли, но на вид-то комп - хоть куда! Хоть бы одна кнопочка выпала... Старые Люди умели делать...

А у бинокля линза разбита! Чёрт бы с ним, с компом, на кой он нужен? Есть два у старосты Володи и ладно. Вот экран бы запасной! Наш и так был старый - сколько себя Егор помнит - на сгибах повытерся и цвета искажает, а сейчас и вовсе вместо красного тускло-оранжевый выдаёт... и буквы расплываются... шрифт хоть до 28-го увеличивай... речевой ввод лет пять, как накрылся...

Перед глазами сам собой появился староста, аккуратно подвешивающий уголок экрана, отцепившегося от гвоздя в стене. Экран беззвучно менял картинки каких-то зданий. Сгибы экрана тусклыми расплывчатыми линиями перечёркивали изображение... как прутья клетки...

Егор дёрнул головой. Надо же, чуть не задремал. Каково, а? На пекле таком, в ста метрах от карачи... а чуть было не заснул! Записать, что ли ихние пляски? Да ну... что там записывать? Не видно ни черта... да и аккумуляторы у камеры жаль. На пять минут хватает, а потом калаш начинает пищать, мол, подзарядить надо.

Егор осторожно проверил, прикрыт ли объектив камеры калаша колпачком. Ага, на месте. Это хорошо. Родного колпачка уж сто-лет-в-обед-как-нет, вот и приспособили кусочек полиэтилена на ниточке... херня собачья, прости меня, Господь-Аллах!

Интересно, а в Челябинске есть аккумуляторы? Должны быть, гори они в аду, еретики-гяуры-блядь! Староста по три месяца от греха отмаливается, по пять раз на дню намаз делает, лишь бы в Челябинске самое необходимое брать. В прошлом году в Храме Господа-Аллаха перед алтарём двое суток лежал, прощения молил... еле выходили потом... В апреле уже и собрались ехать, да так и не поехали. Жалко, слов нет! Отец-то хотел Егора вместо себя послать... в охрану. И то сказать, больше года прошло... много чего надо! Аккумуляторы те же... лекарства бы... справочники поновее... да много чего... и Маринкиной Маме-Гале бы протез достать... недорого говорит Маринка, можно поторговаться и б/у купить... и Маринке игрушку какую-нибудь привезти... вроде 'Нечестивые против ниндзя Господа-Аллаха'... она так чудесно смеётся, когда играет... и коса небрежно заплетена... расплетается... а Маринка только плечом дёргает - некогда, ниндзя наступают!..

... Маринка... красивая такая... глазки светятся...

... 'а говорят, что Старые Люди на Луне были!'... 'врут они всё, Маринка!'... 'а мне Руслан говорил!'... 'я вот твоего братца Руслана поймаю и напинаю так, чтобы ходить не мог'...

Тьфу ты, спаси Господь-Аллах, опять глаза слиплись! Может, позвонить, сказать, что всё спокойно? Без малого два дня тут парюсь, может, смену пришлют?

Нет, нельзя. Наверняка карачи звонок перехватят... кто их знает, какой вывод они из этого сделают?

Егор открыл фляжку и сделал два больших глотка. Как обычно, тело умоляло пить - ещё и ещё... и ещё!.. но он аккуратно завинтил крышку и стал ждать. Через минуту

пришло привычное ощущение свежести. Рот наполнился слюной, - он языком провёл по всей полости рта, смачивая зубы. Ну и лето в этом году! Солнце шпарит, как никогда, комбинезон едва справляется.

Домой он ушёл ночью, когда уже совсем ничего не было видно. Карачи всё ещё возились в своей яме – ну, вылитые пауки с когтистыми длинными лапами. Егор видел, что яма стала немного шире, но все подробности по-прежнему скрывало пылью. Наверное, карачи всё-таки что-то откопали, иначе кой чёрт они вообще тут делают?

Пусть Совет разбирается... там любят про Старых Людей поспорить, - думал Егор, осторожно пробираясь в темноте. - И так-то они думали, и этак... а если не так, то разэтак... Лучше бы в Челябинск разрешили съездить. Ромка-джи там был. Так с той поры надулся, как бурдюк - я, мол, среди еретиков-гяуров-блядь ходил, как Господь-Аллах среди демонов в пустыне! И Веру-Истину в себе сохранил... непорочной. Забыл, засранец, как я его зимой тащил на горбу. Если бы не я - лежал бы сейчас Ромка-джи на городском кладбище... если бы волки не растащили. А сейчас, конечно - круче Ромки-джи никого нету... просто Демон-Магеллан какой-то!

Егору вдруг стало смешно. Он представил себе Ромку-джи в виде Демона-Магеллана из учебника: рогатая корона на голове... длинные одеяния, расшитые безобразными знаками... и над головой надпись на зазубренной ленте: 'На горе людям открыл я сатанинские дали!' Эх, если бы вместо Ромки-джи съездил бы в Челябину он, Егор! Так нет же! Шайтан побери, умудрился сломать ногу, можно сказать, на ровном месте! Теперь, вот, даже Маринка Ромку-джи слушает, раскрыв рот... а тот и рад стараться - цедит в час по чайной ложке - цену своим байкам набивает, хитрожопый. И ведь не проверишь - врёт или нет!

Эх, нет уже с нами деда Николая, жаль-то как! Сколько знал человек! Сам мулла-батюшка его уважал, староста только с ним и советовался. Даже древневеры, - еретики-гяуры-блядь, - с дедом почтительно разговаривали!

Да-а...

Небось, вкушает он сейчас на небесах райское блаженство и со своим тёзкой, святым Николаем-угодником, глюкозу пьёт и халву кушает, да на нас, грешных, сверху поглядывает...

Егор привычным жестом поправил на плече лямку автомата. Идти было совсем уже недалеко - часа три, не больше. Вон она, вдали высится башенка... остатки храма древневерского. Крестonosцы построили - теперь уж и не знает кто и когда. Крест ещё на Егоровой памяти наверху стоял. Узорный такой крест, красивый. Небось, лунатики и сбили, - они крестonosцев спокон веку ненавидят. Дед говорил, раньше это место Касли называлось. И жили тут у подножия Уральских гор по чугуно-железу знатные мастера.

Да что говорить... вон из песка торчат развалины. Пацанами Егор с Ромкой-джи здесь однажды красивую решётку выкопали. Метра два - остальное круто вглубь уходило, не докопаешься. Хотели отломать кусок - ан нет! Хотелось домой притащить, чтобы матери не ругались... вот, мол, красоту какую нашли - любуйтесь, чего Старые Люди делать могли!

Ох, и попало же тогда от отца - вспомнить страшно!

Краем глаза Егор уловил какое-то движение. Поздно! Поздно! Размечтался, дурак!

Егор плюхнулся на слежавшийся песок, судорожно дёргая левой рукой предохранитель калаша. В ушах застучала кровь. Проклятый предохранитель не поддавался! Скосив глаза,

Егор увидел, что дёргает за переключатель системы целенавещения. Шлем с щитком-дисплеем ещё при отце отказал и небольшая плоская коробочка СЦН мёртвым грузом липла к калашу... но энергии она не потребляла, не весила практически ничего, и ни отец, ни Егор так и не удосужились снять её с автомата.

Эх, дурак!

Егор судорожно сдвинул-таки рычажок и замер...

Неужели вляпался?

Из-за обломка стены, торчащей из песка метра на три, выдвинулся человек в таком же, как у Егора комбинезоне-песчанке. Ствол калаша твёрдо смотрел Егору в лицо. Человек мотнул головой в потёртом армейском шлеме, - экая вмятина на правом виске! - и отчётливо произнёс короткую фразу - явно вопрос - на тарабарском языке.

'Ну, шайтан, недаром мне дядько Саша звонил... говорил, что засёк двух человек с севера. Там больше всего тайных видеоканалов уцелело... говорил, что старосте, мол, не волнуйся, я уже всё сообщил...'

Дядько Саша, - мужик лет тридцати, - жил в городе с позапрошлого года, но староста по-прежнему относился к нему с плохо скрываемым недоверием - всё-таки Саша был из староверов. В лоно Господа-Аллаха его мулла-батюшка привёл... народу в городе раз-два и обчёлся, каждые рабочие руки на счету. Дядько Саша от армии ушёл, - а светило ему гоу-гоу на северо-восток с тамошними хунхузами за Эко-терем-бург воевать. Вот и дёрнул он напрямик из Полевского на юг, ближе к пустыне. Оно конечно, 'Москва и с Китая дань берет' - за Сургут, за нефть... только дикий там народ, хунхузы, одно слово. Им и Пекин-то, считай, не указ, сами промышляют, бандиты...

А в Полевском мэр-бай круг! Ему и на восток и на север двигать хочется, земли прибирать. Ему сами хунхузы-лошадники из степей северных, тянущихся аж до самого Ивделя, - дань платят! У него в армии не отъешишься - сплошь походы, да вылазки. Вот и сделал дядько Саша вместо северо-востока гоу-гоу на юг, в пустыню. И у нас под крылом Веры-Истины прижился.

Человек нетерпеливо повторил вопрос. Лица его не было видно за блестящим щитком шлема, но, судя по тому, что автомат он держал у бедра, Егор понял, что уж его-то СЦН в полном порядке и мужик чётко видит на экране щитка красную точку где-нибудь на переносице Егора... туда-то он пулю и всадит, только на курок нажми.

- Не понимаю я, - отчаянно сказал он и оглянулся.

Поднять руку и активировать ларинги на режим переводчика было страшно. Дёрнешь рукой - тут тебе и прилетит гостинец... от Ангела Смерти Азраила - да не будет он назван!

Никого вокруг не было. Однако кто его знает, сколько ещё солдат прячется за стеной? И чего им надо? Дезертиры, что ли? Так, вроде, вокруг грабить толком нечего...

- О, по-русски говоришь? - обрадовался человек. - Старовер? Лунатик... то есть, мусульманин? Или христианин-крестonosец?

- У нас Вера-Истина, - мрачно сказал Егор; ствол всё ещё, как припаянный смотрел ему в лицо. - Мы во единого Господа-Аллаха веруем. А вы сами кто?

- Автомат за спину закинь! Руки покажи... глушилки есть?

- Нет.

- Ну ладно, - весело сказал человек и щиток его шлема с жужжанием открыл мокрое от пота лицо. - Мы тоже пребываем в лоне святой Веры-Истины, да славится Господь-Аллах и все присные его! Мы тут кругалю дали... не то, чтобы заблудились, просто нам нужно здесь где-нибудь перекапаться денёк три-четыре.

Из-за стены выдвинулся второй человек. Тот, видно, уже снял шлем. Мокрая жидкая шевелюра прилипла к розовому черепу. Человек был белокрыс, краснолиц и мрачен.

- Чего ты с ним возишься, Зия? - недовольно сказал он. - Напугал ребёнка до полусмерти.

- Не испугался он, - возразил Зия, стаскивая шлем и блестя круглой лысиной. - Он сам кого хошь напугает. Вон, смотри, как вызверился... орёл!

- Не испугался я! - возмутился Егор. - Это вы сами испугались.

Страх прошёл.

- Ты каслинский?

- Чего?

- Отсюда, говорю? Из Каслей?

Чудно он это название выговаривал... с ударением на первый слог... сразу видно, издалека.

- Нет, я из города.

- А название у города есть или так... в беззаконии пребываете?

- Город и всё... что его называть... вон в той стороне, если Иртяш по левой стороне обойти. Часа три-четыре ходьбы.

- Видимо, на месте бывшего Озёрска... карта, чёрт, говно! Мэр-бай у вас есть? А-а... староста... Слушай, Зия, хватит нам парня пытаться, дуй палатку, - ну его на хрен, отдохнём часок-другой.

- А можно и палатку дуть! - весело сказал Зия. - Вот нам абориген компанию-то и составит. Там мы его высушим, выпотрошим... и всё-то он нам с тобой, Савва, расскажет...

Лысый сноровисто сдернул рюкзак, отстегнул с его боковины какой-то свёрток-курдюк защитного цвета, оглянулся, зашёл в тень стены, бросил курдюк на песок и небрежно ткнул носом ботинка. Курдюк зашевелился, захрюкал и стал дуться.

Егор, забыв всё на свете, молча таращил глаза. Белобрысый - и чудно же его звали - Савва - строго сказал ему:

- Рот закрой, карачи насерет!

Егор покраснел. Бурдюк тем временем распучило со страшной силой - явно вырисовывалась палатка.

- Сейчас прекратится надувательство и мы все вместе изрядно отдохнём, - крикнул Зия, устанавливавший на верхушке стены крошку- камеру.

- Готово... сторож на месте! - сказал он и ловко спрыгнул. - Мы всех видим, нас не видят... не заметят, не обидят! - и подмигнул Егору.

Ткань окончательно надувшейся палатки вдруг уплотнилась, зарябила разноцветием, - аж смотреть больно, - и вдруг стала прозрачной. Несколько смутных засаленных пятен слегка колыхались на невидимой ткани.

- Полезай, отрок... кстати, а звать тебя как? Как-нибудь замысловато? Типа Демон Пустыни?

- Егор меня звать, - буркнул отрок и опять открыл рот.

Савва, не дожидаясь приглашения, нырнул в клапан палатки и исчез. Палатка-невидимка... надо же! Егор о таких только слышал. Эх, мне бы такую, в дозор, а?!

- Полезай-полезай, - сказал Зия и толкнул Егора внутрь, где Савва уже тыкал пальцем в пятнышки клавиатуры на ткани стены.

- Идентификация, - пискнула стена.

А затем, совсем как в компьютере старосты Володи:

- О`кей.

Проявился экран, распался на несколько изображений, - похоже, что камера на развалинах была не одна. Егор видел совсем близко обрыв Иртяша, заросший кустарником ген-саксаула.

- Музыку хочу, - простонал Зия, расшнуровывая ботинки, - хочу сладостных напевов!
- Отстань со своим дугаром, - не оборачиваясь пробурчал Савва и вызвал что-то незнакомое, но красивое и чуть тревожное. - Моцартом тебя буду глушить.
- Савва, ты консервативен!..
- Я должен старосте позвонить, - сказал Егор. Интонации, против воли получились какими-то просительными, чуть ли не со слезой. - Можно?
- Валяй, - ответил Савва. - Какой там у вас канал?
- SQWD/4793.
- Я и сам знаю, что эс-ку-вэ-дэ... Подканалы есть?
- Н-нет... не знаю.
- Всё с тобой ясно! - воскликнул Зия, снимая второй ботинок. - Савва, друг мой, да продлит твои дни в сладости всемилостивейший Господь-Аллах! Разблокируй ты уже, наконец, весь канал целиком и пусть мальчик успокоит родных и близких!

Савва проворчал что-то непонятное, экран согласно пискнул. Музыка стала тише. Рядом с краем экрана появилась полоска с бегущей строкой. Ниже неярко засветился таймер.

- Звони... лишенец. Как закончишь, блокировка обратно активируется.
Егор торопливо переключил ларинги на режим телефона...
Чёрт их знает, какой у них компьютер... но, похоже, что, - ах, шайтан!- всё перехватывается, пишется, архивируется, анализируется...
Словом, придётся идти с Зией и Саввой в город.

- Вот, мрачно сказал Савва, - живём накануне двадцать третьего века - полюбуйся.
- Го-о-ород... - с непонятной интонацией протянул Зия. - Впрочем, нам-то, что за беда? Может, в этом и есть великий философский смысл? Может, на руинах былого зарождается новый мир?

- Вон он, твой новый мир, - сказал Савва, - с водонапорной башни, балбес-шайтан, в нас целится. Слушай, Зия, ты бы опустил щиток, не выёживался, а? И обзор включи. Двое сзади... за ген-саксаулом прячутся.

Егор подумал, что, уж кто-кто, а Ромка-джи с башни в голову Зие не попадёт - хоть убейся. Стрелок он неважный, да и калаш у него со сбитой мушкой. Ещё от дяди Ахмата остался - старьё.

- Это мы! - крикнул он. - Староста Володя где? Выходите, всё равно они вас всех видят...

Сзади затрещали кусты. Вышло пара мужиков - смех на палочке, прости меня, Господь-Аллах! Один старее другого... не хватало им ещё Мамы-Гали для полного позора... дружина боевая...

О, Гагарин-шайтан, о-о-о!!!

Вон она, тут как тут... за стеной Установки прячется!!! Ну, позорище...

Ага, вот и староста Володя. И Ромка-джи с башни спускается. Надеюсь, он калаш на предохранитель поставил всё-таки. Если нет - вечером отпинаю. А где же мулла-батюшка с прихожанами? Не захотел, значит. Зато весь Совет тут как тут, в полном составе в тенёчке прохлаждается...

Егор шагал впереди и не оглядывался. Щёки его горели. Знакомый - до последней трещинки в стене Установки, до каждого обломка стены, до каждого кустика ген-саксаула и карагача, - а некоторых из них он сам трудолюбиво высаживал пацанёнком, - до вечно пахнущей верблюжьей фермы и загородак овечьих площадок, прикрытых сверху дырявой

пыльной, засиженной вечными мухами маскировочной сетью, - родной город вдруг как-то разом поник и обветшал. Присел в испуге... и развалился... в пыль, песок и колючие кривые растения...

Пыль, песок, мухи, испуганные люди, прячущиеся в тени и вытягивающие шеи им вслед. Лабиринты, образуемые ген-саксаулом, руинами и карагачами. Удобно, если придёт враг...

Но вот, пришли незнакомые, пусть и не грозные на вид люди... и ясно, что не отгородишься от них, не спрячешься.

И идут за ними гуськом люди... десятки людей... и хоть впереди староста - но кажется, что именно за незнакомцами покорно в страхе идут горожане... и храбрящийся Ромка-джи с ними...

...и Мама-Галя с выбитым глазом... а выбил ей его своим щупальцем карачи, когда не отдавала она ему своего годовалого ребенка.

Город... родина...

Спасибо тебе, Господь-Аллах, пришли. Вот они, колонны над треугольной крышей; лестница, выдирающаяся из песка и пыли, степенно поднимается вверх шербатыми ступенями. Загадочные лица над дверью - с пустыми глазницами и узкими подбородками... одно лицо плачет, а другое жутко смеётся... и непонятная надпись '...атр им. Мак... Горько...!'... и маленькие окошки, заложенные мешками с песком во времена незапамятные, неведомые. Быть может, ещё и Старыми Людьми. Потому, как слежались эти мешки так, что между верхней балкой окна и верхним мешком два кулака просунуть можно...

Вот мы и внутри. Теперь вниз, вниз, по широкой лестнице, мимо большой статуи человека-Ленина с отбитой рукой... в спасительную прохладу старых знакомых стен. Ну их, этих гостей! Пусть пока староста Володя им втирает...

Уф... теперь можно отключить комбинезон, быстро-быстро содрать его с себя в тёмной, облицованной кое-где белым кафелем комнате, вымыть ноги и переодеться в обычную одежду...

Хм... это, наверное, Маринка рукав зашила...

Боролись с дядькой Сашей аккуратно перед выходом в дозор, ну и покалечили одежку - так по шву и затрещала. Спасибо, Маринка! Хорошо бы, конечно, чтобы комбез домашний так же сам себя латал, как и военный... да и поддув прохладный во все места также не помешал бы...

Да, вот, не дал Господь-Аллах, - зашивать, да штопать приходится. Ну, ничего, не маленькие...

Егор торопливо ополоснул лицо, вымыл ноги. Армейские ботинки, конечно, не те говноступы из верблюжьей кожи, что приходится носить в городе, но и от них устаёшь. Он сунул комбинезон в шкаф - кто там у нас следующий в дозор? Карим? Эх... опять он калаш не смажет! Ну, да ладно, это всё потом...

А теперь - бегом в зал Совета, мимо закрытых дверей, мимо жмущихся к стенам любопытных людей - прямо по коридору. Эй, разойдись!

Вот и надпись 'Гардеро...!'. Теперь слёту поворачиваем мимо старого Кима... - Привет, Ким! Всё власть охраняешь?.. А это что у тебя? Господь-Аллах, опять штаны расстегнулись?! Да ладно тебе, никто ничего пока не заметил... Извини, потом всё расскажу! После Совета!

Егор осторожно толкнул дверь. Изнутри, естественно, к ней прислонилась задницей Лада-оглы, а если по настоящему - Лада Макова - все-то уши она городу прожужжала о

том, что сам Великомученик Тагил-мэр-бай, Танк-Веры-Истины, да благословит его Господь-Аллах! - ей приходится предком.

Нет, ну не сидится ей, как всем нормальным правоверным... обязательно надо стоять, прислонившись задницей к двери!

- Ой! Извините, Лада-оглы... я вот тут...

- Выкинуть бы тебя, мальчишка, шайтан! - прошипела Лада-оглы. - Сядь вон там, не мешай!

Егор, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь в полумраке, прополз на четвереньках в угол, сел и затих. Никто не обратил на него никакого внимания... а могли и шугануть. Странно... даже Лада-оглы возмущалась только тем, что он ей под зад дверью двинул. А что на Совет припёрся без приглашения - слова не сказала...

Странно...

Егор осторожно пошевелил ногами - затекли. Пол-то каменный, да ещё и расположиться поудобнее не получается. Совет на подушках сидит, им-то что... а тут майся. Ромка-джи пыхтел над ухом и постоянно пытался навалиться ему на спину.

Староста продолжал плаксиво, но с какими-то внезапными визгливыми похвалами, бубнить об Установке. Всю историю гнал подряд, старый хрыч: о том, как в великом бою наши отцы и деды отбили Установку чуть ли не у самих демонов... как искал нужные режимы Борис-оператор, да упокоит его Господь-Аллах на тенистых пажитях! Как получили они фирман-Москва от самого Президента-эмира на владение и установление границ. Как школу Веры-Истины утверждали. Про договоры и клятвы с Комбинатом затынул, - где сплошные атомы и радиация, - Господом-Аллахом проклятое место, - спаси и сохрани нас от тамошних сватов - пусть в других местах ищут. И вообще, мол, Комбинат, - а его ещё человек-Ленин строил, - через нашу голову с Полевским стакнуться норовит, еретики-гяуры-блядь...

Тоска!

А Зия с Саввой - ничего. Терпят. Сидят на высоких подушках, слушают, только генкумыс иногда прихлёбывают. Даже вопросы норовят вставить... да где уж там! Староста, как пойдёт про политику, так его только мулла-батюшка осадить может. О, Господь-Аллах, теперь про верблюжью чуму затынул... подвиги зоотехников... сплошная самоотверженность предков...

Это я ещё не сразу пришёл, не иначе он прямо со времён Святого Джихада, Иисуса-Любви начал!

Егор в сотый раз двинул локтем куда-то наугад и Ромка-джи зашипел от боли.

- Балбес-шайтан... больно же! - но на спину наваливаться перестал.

Егор, стараясь не кряхтеть, переменял положение.

- Руку убери! - вдруг выпалила Маринка, и сидящие перед ними люди стали оборачиваться.

Ромка-джи запыхтел ещё сильнее. Егор было удивился, но тут же сообразил, что Маринкина фраза относится не к нему, а к проклятому Ромке-джи. Хотя белеющие в полумраке круглые лица Аллы-оператора и её мужа дяди Ани явно смотрели именно на него.

- Выгоню! - коротко сказал дядя Аня и отвернулся.

Егору было обидно, хоть разворачивайся и лупи Ромку-джи в ухо прямо тут, в Совете. Однако - выгонят сразу. Одно-то, может, и простили бы, а втроём...

Маринка, молодец, тихонько так, как крыска, вежливо просочилась. Зря только Ромку-

джи с собой взяла, шайтана дурацкого! Тупой, блин, как верблюжья задница, а туда же! Подумаешь, в Челябинске был... ходжа задрипанный... руки распускает...

Егор закусил губу и стал смотреть на светящийся тусклыми пятнами потолок. Глянь-ка, ещё несколько тёмных пятен появилось... Вон там раньше пятно было на голову человека похожее, а теперь не пойми чего получилось. Дед говорит, что потолок раньше просто сиял, а теперь выдыхается, пятнами идёт. Прав был дед. В этой комнате школа была... потому что самая светлая... ещё мы сюда бегали... а теперь школу в другом месте держат, где солнце через маленькие окна под потолком светит.

Поутру, бывало, занесёт их песком и мулла-батюшка гонит наверх пару дежурных - отгребать... Раз они с Ромкой-джи, - а ведь здоровые уже были, лет по тринадцать! - добаловались и высадили стекло. Песок на школьный комп посыпался. Мулла-батюшка прочёл молитву о кающихся грешниках, засучил рукава своего комбинезона... и ка-а-ак врезал своим посохом по задницам обоим дежурным... ох и больно было! Не приведи Господь-Аллах под его камчу попасть - в его руке сила праведная, солдатская... и калаш у него именно, собственный. Ещё от Первосвященника... реликвия!

- Слышь, Егорка, где ты их нашёл, а? - зашептал сзади Ромка-джи. - Там, где капище?
- Нет, - сухо ответил Егор.
- Так там же крест торчал! Куда мог деться? Карачи стащили?
- Какой крест, дубина! - не выдержал Егор и повернулся. - Это не крест совсем... а так, обломки какие-то. Нечестивое капище в другом месте!

- Тише ты! Смотри, аминь уже начали!

Егор посмотрел на старосту и вдруг понял, что тот замолчал и омывает руками лицо. Все в комнате нагнули голову:

- Господь-Аллах, Вера-Истина!
- Аминь, - закончил Зия по праву гостя. - Теперь, как я понимаю, наша очередь?
- У тебя фирман-Москва, ты говоришь - мы слушаем. Москва - сорок добродетелей, Москва всё видит, престол её у врат райских, семь холмов её - семь твердынь Веры-Истины! - забубнил староста Володя.

Ох, и хитрый же он у нас! Савва всё пишет, всё подряд - это уж точно. 'До Москвы далеко, Казань неблизко, но слово не воробей, - хоп! - и пошло гулять по свету', - говаривал дед.

- Я вот что предлагаю, сказал Зия, улыбаясь во весь рот, - Сейчас мы закрулимся и дружно пойдём отдыхать. Полномочия, как вы поняли, у нас самые широкие, в городе мы дней пять пробудем и всё сами увидим. Спасибо Совету и старосте - историю вашего рода мы уже знаем, а что не знаем - вы нам и покажете.

- Потом, солдат, поди, приведёте! - дерзко выкрикнула Алла-оператор и народ зашумел, задвигался. Ей с мужем можно дерзить - их семья при любой власти пригреется - Установка-то всем нужна. Комбикорм верблюдам, овцам пойло, ген-галеты, аккумуляторы... всё от неё, Установки-матушки, благослови её Господь-Аллах! Секреты у них семейные, хрен кто ведаёт... без них, операторов, никуда!

- Не приведём, если лукавить не будете, - спокойно ответил Савва, а Зия засмеялся. - Мы в Святой Академии Наук не военная разведка.

- Ага, не разведка они, - нагнувшись к уху взмокшего Егора, горячо дышала Маринка. - А сами с ног до головы во всём новеньком... Мама-Галя говорит...

- Тихо! - крикнул староста. - Разгадделись! Совет окончен. Завтра вечером соберёмся - опять гостям слово будет.

Народ стал подниматься, кто-то закашлялся и звучно пукнул. Старый Ким уже торчал в дверях, кланяясь. На шее у него болтался тревожно попискивающий ветхий анализатор,

среагировавший на оружие гостей.

- Егорушка, пойдём, попробуем с ними поговорить? - блеснула глазами Маринка. Ромка-джи виновато топтался рядом. - Пойдём, а? Про Москву спросим... там всё-таки моя прабабка жила!

- Не жила, а бывала, - буркнул Егор.

- Тебе-то что, ты с ними два дня общался! - тотчас надулась Маринка. - Ну и иди... мы с Ромкой-джи сами... раз ты такой...

- Ладно-ладно, - торопливо сказал Егор.

Не хватало ещё, чтобы его отёрли в сторону! А кто их сюда привёл, скажите на милость? Оно конечно, компьютер у Саввы тот ещё, довёл бы... но всё-таки!

У колонн уже толпился народ. На лестницу не поднимались - всё ж таки Совет! Но стояли плотно, старики в первых рядах, - и кто-то из молодых уже сажал на плечи девчонок. Разнокалиберная детвора облепила близлежащие стены. Какой-то сопливый шкет уже умудрился сверзиться и вопил, как недорезанный. Его с проклятиями выковыривали из колючек. Было душно. Солнце садилось, жёлтым выпуклым диском пристально глядя прямо в глаза выходивших. Безголовый идол человека-Ленина чёрным пузатым силуэтом торчал над угловатыми верхушками ген-саксаула. Небо пламенело. Неподдалёку взревел верблюд - говорили, что, мол, приехали аж с Куяша... но это было явной брехнёй - не ближний свет!

Впрочем, фирман-Москва не каждый день на голову падает... могли и приехать.

- Кончилась наша прежняя жизнь, - неожиданно спокойно сказал староста.

- Рано или поздно, так и должно было случиться, уважаемый, - рассеянно ответил Савва, глядя куда-то поверх толпы.

Зия поднял руки и крикнул:

- Привет!

- Мир тебе, человек добрый, хан-батюшка, - разноголосо загудела толпа. - Мир тебе!

Совет стал чинно спускаться с лестницы.

- Я знаю, - неожиданно заявил Ромка-джи, укладываясь спать. - Это ген-солдаты. Они могут руками бетон крошить и на лету пули зубами ловят. Как ниндзя Господа-Аллаха.

- Ген-солдаты запрещены, это демонское проклятие, - сказала из соседней комнаты Маринка.

- 'Всякое изменение генетики человека - насилие над Верой-Истиной!' - процитировал Егор. - Ерунда всё это. Нормальные мужики. Я с ними два дня шёл...

- Да слышали мы уже, - перебила его Маринка. - Прикройтесь там, если голые, я к вам иду.

Егор поспешно завернулся в одеяло. Маринка появилась в дверях, закутанная с ног до головы и аккуратно присела, прислонившись спиной к косяку. Из-под одеяла смешно высунулись босые ступни.

- Вот смотрите, ген-саксаул - это же генетически изменённое растение, - гнул своё Ромка-джи. - Или ген-галеты.

- Ген-галеты и саксаул - это совсем другое! - решительно заявил Егор. - А человек - создание Господа-Аллаха по образу и подобию своему.

- Саксаул тоже... - тихо пробормотал Ромка-джи, но Егор сделал вид, что не слышал.

С Ромкой-джи всегда так. Он как-то давно к операторам пристал, мол, почему корни Установки гонят вверх только глюкозу, комбикорм для верблюдов и поило для овец. Ему ответили, что так задумано было ещё Старыми Людьями... и шагай отсюда, не путайся под

ногами. Но Ромка-джи обнаглел и заявил, что коль скоро Установка умудряется из-под корки болота, из вонючего чёрного иртышского ила вытягивать комбикорм, так, поди, сможет и сыр с маслом... ежели настроить, конечно.

Операторы подняли его на смех, а Ромка-джи возьми, да и ляпни, что, мол, операторы уже которое поколение из года в год одни и те же кнопки нажимают, а на это большого ума не надо!

За что и был оттаскан за уши... а чуть позже выпорот муллой-батюшкой.

'Ты, Ромка-джи, поостерегайся такие слова говорить, - напоследок сказал ему, распалаясь, мулла-батюшка. - С таких разговоров ересь и начинается. А неймётся - гони в Челябинск самоходом, не заплачем. Там каждой твари по паре: и крестоносцы, и лунатики, и хунхузы... одни еретики-гяуры-блядь... вот и составят тебе компанию - пошёл!' - и, взяв дурака за ухо, поволок к выходу... на ночь-то глядя!

Ромка-джи представил себе, как в пустыне его, одинокого, пожирают огромные карачи и взвыл так, что Мама-Галя подумала - всё! - её приёмного сына мулла-батюшка насмерть засёк. Влетела в комнату - и на священника! И норовит в глаза вцепиться...

- А палатка у них тоже генетически изменённая? - спросила Маринка.

- Палатка - это нанотех, тут ума большого не надо.

- А компьютер? Ты его в глаза видел? Почему у Зии прямо из ладони все схемы и картинки в воздухе показываются?

Это было действительно чудо. Всё такое яркое, объёмное... живое просто.

Старики за пришельцами по городу не бродили. Из гордости и для солидности. Зато молодёжь и ребятня им проходу не давали, лезли с вопросами - что, мол, да как, там на белом свете? А правда, что в Москве на Луну летают? Кто-то даже клялся, мол, видел своими собственными глазами новые блестящие пятна на Луне... дескать, только что добавились к старым.

А правда, что в морях демонские корабли в воду карачи запускают?

А правда, что в Москве тоже карачи есть?..

Все сразу притихли, а Зия неохотно сказал, что карачи - они везде есть, но в Москве их не в пример меньше. И всем стало почему-то неловко...

Но ребятня не унималась. А правда, что у президента-эмира такой компьютер есть, что всё-всё на свете видно? А правда, что в Челябине Москву не признают? А правда, что в Москве все-все могут в Сеть входить, а не только старосты и муллы-батюшки? А правда, что...

Зия смеялся и отвечал охотно. Савва, тот всё больше хмурился и что-то бормотал на ходу. 'Соображения свои записываю... а то память дырявая', - ответил он на вопрос и все засмеялись.

А теперь, вот, никому не спалось. 'Ну и денёк!' - подумал Егор, плотнее заворачиваясь в дышащее прохладой одеяло.

- Компьютер у него в теле зашит, - разглагольствовал тем временем Ромка-джи. - Или где-нибудь в заднице...

Маринка прыснула. Егор нахмурился.

- А вот мне другое интересно, - воодушевлённо продолжал Ромка-джи, не замечая, что из-под одеяла уже видать исподнее. Он размахивал руками и то и дело зверски ерошил шевелюру, невидящими глазами глядел на пустую ладонь, и снова запускал её в густые чёрные волосы. - Они же так и не сказали, куда после нас пойдут! Егорка, спорим, что им в Эко-терем-бург надо?

- Там в песке всё, - неохотно ответил Егор. Желание спорить у него пропало. Ишь, как

Маринка на Ромку-джи уставилась, аж глаза сияют. - Люди говорят, только у Шарташа нормальная власть есть. Почти, как наш город. А по пескам вокруг одни еретики-гяуры-блядь мудохают. Хунхузы там... полевские, лунатики... Верблюдов угоняют, людей воруют.

Неподалёку заорал какой-то младенец. В стену с той стороны со злостью стукнули.

- Потихе говори! - сказала Маринка. - Перебудишь все ясли.

К орущему младенцу тотчас присоединился другой.

- Ну, завели... - проворчал Ромка-джи и улёгся на бок, подперев голову рукой.

- Я спать пошла. Мальчики - пока! - и Маринка грациозно помахав рукой, удалилась.

Малыши продолжали орать. Эх... угомон вас возьми, мокрозадые! Поскорее бы в другое место перебраться, как взрослым. Эти ясли кого хочешь с ума сведут. Опять же, как без них?

Известное дело - храни грудного до полутора лет. Если карачи его у людей не украли - молись Господу-Аллаху - пронесло! Дед говорил, в ранишные времена целые битвы происходили. Ромкина семья, например, отбилась, не отдала сына. Мать его только пострадала... при взрыве глушилки. Болела долго и умерла. А отец Ромку-джи выходил... укрыл от карачи... уберёг...

Мысли стали путаться. Перед Егором вдруг прошла Маринка... кокетливо завёрнутая в одеяло, как в плащ... потом пошёл дождь и Егор удивился - вроде, не время для дождя... лето в разгаре... а потом карачи рылся в песке и вдруг рассыпался на целую кучу маленьких муравьёв... 'Нет, не муравьёв - маленьких карачи!' - спокойно подумал Егор...

И уснул. Как в чёрный ил провалился.

Ничего хорошего не сказал им мулла-батюшка при встрече. Вызверился только на пришельцев, мрачно головой кивнул на их приветствие. Огромный, заросший бородой по самые глаза, он был выше даже Саввы... да и в плечах пошире. Странный его комбинезон - армейский, но какого-то зелёного цвета с жёлтыми и тёмными пятнами, не песчаной раскраски, казалось, был ему тесен. Хотя, как может быть тесной нано-ткань?

- Мы пришли поговорить о Комбинате, - спокойно сказал Зия.

Мулла-батюшка повернулся и махнул рукой куда-то внутрь храма.

Егору до смерти хотелось зайти, но он боялся. Сзади переминался с ноги на ногу Ромка-джи, а чуть в стороне стояла Мама-Галя. Платок на ней был повязан на мужской манер - сзади. Выбитый глаз прикрыт... веко запало. А так, если привыкнуть, она всегда была красивой. Маринка вся в неё - и волосы такие же буйные, чёрные. Только Маринка их в хвост забирает, а Мама-Галя всегда распущенными носит... чёрная комета, как однажды назвал её дядько Саша. И выбитый глаз, и мужской комбинезон её не портят, и даже самодельные мягкие сапоги из верблюжьей шкуры - всё равно, на зависть всем женщинам города, все мужики на неё поглядывают.

- Николай, - позвала она муллу-батюшку и тот тяжело обернулся в дверях. - Мы тоже все зайдём, ладно?

- Зачем? - помедлив, спросил мулла-батюшка

- А вот там и узнаешь, - с вызовом ответила Мама-Галя.

Мулла-батюшка засопел, насутился, а потом отвернулся, буркнув:

- Двери Храма для всех открыты. Денно и ночью, - и прошёл внутрь.

Храм в городе был хороший. Егор сказал бы даже - знаменитый Храм. Ежели кто в город приезжал - все восхищались. Далековато стоял, на отшибе, но 'путь к Господу-

Аллаху коротким не бывает', говорил мулла-батюшка.

Войдёшь в Храм – мозаика бликами тонкими, огоньками живыми льнёт. Люди какие-то... планеты... флаг красный...

Из древневерского только одна надпись и понятна: «Кино». Вот, поди, компьютер-то здоровенный здесь стоял! Ромка-джи говорит, что тогда фильмы с запахом показывали. Врёт, конечно, но здесь, перед красотой такой поневоле поверишь...

Один молельный зал чего стоил! Огромный, красивый! Со сценой-алтарём для избранных; с белым экраном во всю заднюю стену алтаря, с небольшой комнаткой за противоположной экрану стеной, два небольших окошка которой выходили прямо в зал над головами молящихся, рассаживающихся на вытертых добела креслах, стоящих строгими ровными рядами.

Бывало, как включит священник энигму - просто плакать хочется. А на экране святые картины плывут: Москва, космос со звёздами и планетами, Господь-Аллах на серебряном облаке руку Адаму протягивает, Иисус на горе проповедует, Давид-Микеланджело хмурится, Святая Мона-Лиза улыбается, Великомученик Тагил-мэр-бай Танк Веры-Истины пламенем объят, Имам-отступник на ветке, иуда, болтается, Гагарин-шайтан весело смеётся...

Егору всегда его жалко было - чего, вот, к солнцу стремился? Хотя, в принципе, всё хорошо закончилось. Господь-Аллах строг к дерзким... но милостив. Вот, погиб Гагарин-шайтан, а ведь вся Земля оплакивала! И дал ему Вседержитель место у трона своего... за красоту душевную, и простил прегрешение... только молиться Гагарину-шайтану людям запретил. Сам-то он за путешественников и странствующих молится, а вот ему помолиться - не положено...

А ведь мог Гагарин-шайтан жить да жить... президентом-эмиром России стать, да?

А вот и святая картина Эмира-Казань. Смеётся... прямо, как живой! В одной руке крест, а в другой полумесяц. Это его Господь-Аллах живым на небо взял... за Великое Прозрение Веры-Истины.

Ромка как-то сунул любопытный нос в комп муллы-батюшки. Тот его на урок принёс, да что-то заговорился с родителями после вечернего намаза. Там, в компе, все святые картины были... ох, и много же! Пацаны с девчонками до этого и половины не видели, оказывается! И мученики, и демоны (только и отличишь от людей, что надпись 'демон' внизу), и какие-то города и храмы. Не иначе - Град Небесный, сказала тогда Маринка. И Мария-Мать красавица, и Иисус на кресте, и зверо-демоны - глаза разбегаются!

А в отдельных файлах - энигма-псалмы. Не просто так, а подписанные все не русским, а демонским компьютерным языком: Enigma-Voyager, Enigma-Remember The Future, Enigma- Metamorphosis... А по-русски нет ни одного названия. Бессмыслица какая-то... но до чего же красиво звучит энигма, когда её слушаешь!

Когда энигму поёшь, на душе светлее. А иногда тревожно так становится... хоть плачь, пусть и не понимаешь ни слова... Мулла-батюшка, когда вернулся, на удивление не рассердился. Дал Ромке подзатыльника и сказал, мол, подрастёшь, всё сам в Храме и увидишь. Энигму пойте, хоть до утренней зари, а в святые картины пока нечего любопытный нос совать - не доросли ещё. А надписи, мол, хоть и демонские, но не злобные. Господь-Аллах может и демонов на службу поставить - не пикнут, будут повиноваться.

Разговора взрослых ребятам послушать не удалось. Мулла-батюшка сразу же попросил их принести воды, - водопровод в Храм так и не протянули, далеко! - и пока они брели к ближайшей колонке, да там ещё пережидали небольшую очередь, да ещё и обратно тащили бурдюки с водой, как верблюды, по жаре на собственных горбах...

Егор услышал только, как мулла-батюшка закончил разговор:

- ... мало ли, что было раньше! Раньше, вон, холодно было, а сейчас до сороковых широт жарко. Глобальное потепление - спасибо Господу-Аллаху - вовремя закончилось, дав нам возможность жить в Вере-Истине.

- Не похожи вы на простого деревенского священника, - вкрадчиво, как показалось Егору, сказал Зия. - Армейская заквасочка, знаете ли... Бывший десант-сполох?

- А я не бывший. Я и сейчас на войне. Только война эта - за путь праведный, - отрезал мулла-батюшка, а Мама-Галя тихо сказала:

- Николай у нас и опора, и защита, и утешение. Уж и не знаю, что было бы, если бы не он был священником... - и вдруг положила руку на огромную ладонь.

Егору стало неловко и он, отвернувшись, преувеличено громко заорал:

- Пошустрее, задохлики! Маринка! У тебя воды всего-ничего, не копайся!

- Блин, бугай какой, - пропыхтел Ромка-джи, затаскивая в Храм свой бурдюк с водой. - Тебе-то легко говорить...

- Эй, молодёжь! - поднялся мулла-батюшка, - тащите всё, сами знаете - куда. И пошустрее обратно! Разговор есть!

Грузовик дяди Ахмата так и валялся неподалёку от Совета. Скрыт побегими ген-саксаула - только кабина торчит и суставы лап.

- А что лап-то... всего пять? - спросил, морщась, Савва.

- Таким и был... изначально таким! - отозвался старый Ким. - Ахмат его пригнал сюда году этак в восьмидесятом... так он уже и был на пяти лапах... да! На пяти, точно помню, на пяти! Староста ему говорит...

- Спасибо, господин Ким, - прервал его Зия. - Мы тут сейчас повозимся немного, авось, удастся взбудрить, а? А вы пока удалитесь... э-э-э... на время. Если что - мы вас позовём, хорошо?

И не дождавшись ответа Кима, он раскрыл рюкзак.

Серёжа-слесарь с женой и сыном Егором-вторым принесли свои сумки. Егор-второй важно достал нано-тестер.. важничает, засранец, как будто что понимает...

- Эх! - воскликнул Серёжа-слесарь. - Фирман-Москва... что не сделаешь для президента-батюшки!

Егор и Ромка-джи переминались с ноги на ногу в двух шагах. С одной стороны было ужасно любопытно... а с другой - Зия честно предупредил их о том, что, скорее всего раскуроченный пятилапый грузовик ремонту не подлежит. Ребятам не терпелось вернуться в Храм, где староста и мулла-батюшка перед намазом обещали москвичам прокрутить файл с новостями о мире, и где Маринка обещала им занять лучшие места.

То, что староста обычно показывал, было как правило, непонятным и до ужаса ненужным: какие-то войны на окраинах России, а то и пуще - в непонятных местах... почти у самой Стены-Европа. А то заставлял их смотреть ежегодные обращения президента-эмира к народу... причём говорил тот всегда о делах закрученных, московских... иногда упоминал о Казани... а об Урале - ни слова! Как-то раз обмолвился о Пермском-буфер-каганате... так это тоже далековато! Нет, конечно, Урал - граница, но всё-таки!

Зия с Саввой сказали, что файл свежий, - только-только из Москвы.

- Так мы пойдём? - не выдержав, спросил Ромка-джи.

- Валяйте! - рассеянно сказал Зия и улыбнулся. - Вечером, после намаза встретимся.

Егор хлопнул Ромку по плечу и они наперегонки рванули к Храму, петляя лабиринтом ген-саксаула. Егор на ходу сорвал веточку карагача и крикнул отставшему Ромке:

- Кто последний - тому в задницу!

Ромка пыхтел, но упорно старался догнать.

У самого Храма сидел староста Володя. Он что-то бормотал себе под нос, прикрыв глаза. Старенький молитвенный коврик был аккуратно расстелен в тени козырька над входом в Храм. Неподалёку важно стояли несколько стариков из Совета. Запыхавшийся Егор перевёл дух и вежливо поздоровался.

Староста приоткрыл глаза и кивнул. Подбежавший Ромка-джи сложил руки на груди и поклонился. Говорить он всё равно не мог - бежал шибко быстро. Ребята уже попытались обойти старосту по длинной дуге и пробраться в храм, как староста, закричав, поднялся и негромко сказал:

- Егор, ты мне нужен. Поговорить надо. А ты, давай, шуруй в Храм... началось уже всё.

Егор чуть не взвыл - вот тебе, здарсьте! А как же просмотр файла... и Маринка... и лучшие места в Храме?!

Ромка-джи довольно хихикнул и пулей умчался внутрь.

- Пошли, Егор. Присядем в Храме... только не в зале... чтобы не мешать никому...

Когда они уселись в маленькой комнате с двумя недействующими рукомоинниками на стене, староста долго молчал. Вот, ведь, как издевается... старый хрыч! Отец его недолюбливал... не зря видно!

- Москвичи провожатого требуют, - вдруг сказал староста. - Я-то тебя хотел в Челябинск направить. В охране. Караван собираем... шкуры повезём, ген-кумыс, двухлеток погоним. В этом году с верблюдами у нас хорошо. Ромка-джи был там, а теперь и тебе вместе с ним пора..

- А кто в дозоре останется?

Староста Володя прикрыл глаза и нехотя пробормотал:

- Я-то тебя сроду бы не отпустил... кроме, как в охрану до Челябы. Но москвичи - еретики-гяуры-блядь - Ромку-джи не хотят в провожатые. Любопытен он без меры... глуп. А ты им подходишь... да и с калашом ты управляешься лучше других...

- Э-э-э... ну... спасибо... А куда идти-то? Не в Челябину что ли? А куда?

- На Комбинат им надо, - прошептал староста и вдруг остро глянул прямо в глаза Егора. - На Комбинат они хотят, понял?

- Так там же атомы и радиация?

Староста перестал прожигать Егора взглядом и снова закрыл глаза. После долгого молчания он сказал:

- Печень болит. Болит и болит... вот уже два года скоро. Сдохну, поди. Рано или поздно все мы перед Вседержителем предстанем - кроме демонов. Денно и ночью Господа-Аллаха молю о народе нашем, под сенью Веры-Истины пребывающем...

Издали еле слышно донёсся многоголосый смех... город смотрел файл...

- Сдохну... ответ буду держать. За всех. За всех, понял?! За весь город! И простит мне Господь-Аллах этот грех - простит! Ибо отправляю я тебя с этими лукавыми, сам не ведая - куда. И отправляю я тебя, надеясь, что Вера-Истина в тебе... и ты с нею. И что спасёт она тебя от путей ложных, от соблазнов неверных...

Староста Володя замолчал. Егор перевёл дух. Ни хрена себе... на Комбинат идти.... Да ещё и с Саввой и Зией! Да ещё и с молитвенной помощью старосты! Ох...

Староста открыл глаза и буднично спросил:

- Грузовик они починят? Как ты считаешь? - И видя, что Егор опешил от того, что с ним советуются, как с равным, прикрикнул: - Чего рот открыл? Починят или нет?

- А ваш мулла-батюшка тот ещё фрукт! - крикнул Зия.

Сидеть на месте водителя было неудобно и Зия весь скособочился, держась за джостик-штурвал управления.

Грузовик заметно хромал на две лапы из оставшихся пяти и скрежетал при каждом шаге. Дело было не в нано-смазке - скрежетали мышцы грузовика... и тут, уж, поделаться ничего было нельзя. Во всяком случае, в городе... и с такими помощниками, как Серёжа-слесарь и его благочестивое семейство, сказал сердитый Савва.

- Очень загадочный мужик! - продолжал Зия.

Грузовик оступился и Егор с размаху ударился лбом о ствол собственного калаша.

- Ё-о-о-о! - промычал сзади Савва, прикусив язык.

Именно в этот момент перед кабиной и справа от неё возникли тёмно-коричневые стены...

...и не успел Егор удивиться, как в уши туго ударил взрыв.

География России (учебник для детей).

Вводная глава 'История нашего мира'.

Так было. Так мы должны знать. Так мы будем рассказывать детям своих детей.

Земля наша, сотворённая Господом-Аллахом, не всегда была такой, какой ты видишь её на картах. Когда-то на месте пустынь зеленели леса и текли полноводные реки. И полушария Земли назывались просто Восточным и Западным.

И разгневался Господь-Аллах на грешных, и напустил на Землю Великую Сушь, которую учёные называют глобальным потеплением. И отступила жизнь в те места, где ранее стояли трескучие морозы.

Так было. Так мы должны знать.

И начались войны между людьми за право жить и растить детей.

И начались войны за землю и воду.

И начались религиозные войны.

И верили люди во что угодно, и убивали друг друга христиане-крестоносцы и мусульмане-лунатики, идолопоклонники Будды-предтечи и Конфуция-лжепророка.

И было Откровение, которое принёс нам навеки Эмир-Казань о единой всеобъемлющей Вере-Истине, крылами своими покрывающей и ислам, и христианство, и Господе-Аллахе Вседержителе, безграничной милостью своею давший миру последний шанс.

И прошёл он огнём и мечом, устанавливая единое, низвергая раздробленное, искореня нечестивое. И был установлен священный мир по всей России, и принял бразды правления Эмир-Казань, став первым президентом-эмиром.

И закончился Святой Джихад за Веру-Истину великой победой правоверных.

И началась эра мира и благоденствия.

Так было. Так мы должны знать.

Тем временем Демонское полушарие вело свои войны, приняв сторону христиан-крестоносцев. И не было мира в демонских землях.

И в гордыне своей отделились демоны от человечества, укрывшись за океанами.

И Господь-Аллах сделал так, чтобы всякие контакты между Полушарием Веры-Истины и Демонским полушарием прекратились до Страшного Суда.

И теперь Россия мирно и счастливо процветает под крылом Веры-Истины!

Так было. Так мы должны знать. Так мы будем рассказывать детям своих детей.

... перед кабиной и справа от неё возникли тёмно-коричневые стены... и не успел Егор удивиться, как в уши туго ударил взрыв.

Нано-плёнка, натянутая Зией ещё в городе вместо выбитых стёкол кабины, вогнулась внутрь и мгновенно покрылась налётом песчинок и мелких осколков, вдавленных снаружи ударной волной. Раскалённый ржавый гвоздь на треть длины пробил плёнку и застрял в ней, блеснув под содранной ржавчиной сизым отливом. Егор ударился головой о дверцу и на мгновение ослеп...

Савва что-то орал, выкручивая джостик-штурвал, Зия судорожно тыкал локтем в бок Егора, поправляя монитор, висящий перед ним. 'Комары' переориентировались на ходу, показывая теперь бородатых людей в песчаных комбинезонах, торопливо выбирающихся из открытого схрона. Экран дрожал, изображение прыгало. В левом углу паучком копошился грузовик, раскорячив лапы... изображение пошло полосами и смылось, - грузовик наискосок метнулся через весь экран. В кадр рывком въехала чья-то бородатая потная физиономия в защитных очках.

'Напоролись... - мелькнуло в голове, - ничего, раз не под грузовиком фугас грохнули - значит просто грабить... шайтан, где же эта чёртова ручка?!'

Егор наконец-то нащупал ручку дверцы и вывалился наружу. Зия схватил его за плечо, что-то крича. Егор рванулся, рука Зии соскользнула, дёрнув его напоследок за рукав, и Егор упал не на живот, а на спину.

Зия! Балбес-шайтан!..

Так, на живот, за лапу грузовика... ага, вон они откуда высовываются. Спокойно... главное - чтобы Ромку-джи в фургоне не задело... Нет! Вон он, лупит очередью с борта... молодец! Патроны только не жалеет, засранец...

Ах ты... гадёныш... скovyрнулся... теперь второго... ага! Перекатываемся...

Слева от нас из песка наверняка вылезло несколько... но это уже Саввы забота... его сторона!

Др-р-р... прогрохотало по борту над головой. Не страшно... Взвизгнуло, срикошетировав от лапы... ничего-о-о! Это нам по фигу... мы умные... А теперь, суки, глушилка...

Егор, не глядя, привычно вдел пальцы левой руки в кольца кастета-глушилки. Неподдалёку грохнуло... осколки дробно пробарабанили по кузову. Ничего... ничего! Там тоже нано-плёночка напылена... А мы, вот, - хоп! - под этим дымком и перебежим... перекатимся..

Из-за бархана вывалились двое и очумело запрыгали вниз по склону. Наркоты, поди, под самые уши приняли... морды поганые! Егор снял их глушилкой, только брызнуло... а заодно и третьему снесло полголовы, которые он успел высунуть из-за бархана. Самый

гребень бархана мгновенно сдуло, как пыль... хорошо бы по глазам этим тварям... Эх...рука заныла, кисть онемела... ничего, заживёт до свадьбы!

Осторожненько... ага, вот и верх... горячо, блин, после глушилки... давай-давай, пока не очухались! Ромка-джи, милый, ты, главное, прикрывай меня!

Сзади зашипело. Егор не успел обернуться, потому что чуть ли не нос к носу столкнулся с людьми, корчившимися на песке. Ага! Глушилочкой вскользь задело - это страшное дело, сволочи! Вдали чернел вход в схрон и в угольном проёме бился злой огонёк. Боковым зрением Егор видел несколько человек, нерешительно топтавшихся поодаль.

Шипение нарастало. Егор успел выпустить короткую очередь, пытаясь загасить огонёк, как внутри схрона что-то оглушительно лопнуло... и на месте схрона вымахнул чёрный дым. С размаху ударило по ушам. Егор неловко упал ничком, открыв рот и воткнулся мордой в раскалённый песок.

Спасибо Господу-Аллаху, в глаза ничего не попало! Егор перекатился в сторону и смахнул с век горячие песчинки. Бой, похоже, подходил к концу. Подоспевший Ромка-джи с гребня уже выкашивал уцелевших. Слева короткими очередями поддержал Зия. Из воронки на месте бывшего схрона валил дым и метался красный лоскут пламени, выпрастываясь и снова исчезая в дыму, как человек, отчаянно борющийся за жизнь. Господь-Аллах! Чем это их Савва шарахнул?

Егор метнулся к одному из уцелевших, тянущих вверх руки. Калаш тот откинул в сторону. На грязном лице блестели безумные глаза. Из носа ручьями текла кровь. На груди болталась пыльная стеклянная призма, внутри которой темнел отрезанный человеческий член.

Ага... держим на мушке... ларинги на режим переводчика - быстрее же!.. Главное - короткими фразами...

- Кто такие? Кто?! Говори быстро! Быстро говори, гад!!! Говори и я сохраню тебе жизнь! Кто вас послал? Комбинат?! А?! Говори!!!

- Господин, не убивайте меня, господин!.. - захрюкал в ушах монотонный перевод. - Мы просто хотели дань взять... мы люди из клана Прокопа-аги... Прокоп-ага, он... не стреляйте, господин, клянусь, я буду служить вам...

- Прокоп-ага с вами? Говори! Жизнь сохраню! Говори!!!

- Он был в схроне... господин... господин!.. Не надо!!! Ненадонадонена!..

Егор выстрелил ему в лицо.

И пошёл добивать раненых и собирать трофеи. Слава Господу-Аллаху, простая шатун-банда... сброд.

- Говно твои 'комары'! - хмуро сказал Савва. - Старьё. Прошлый век.

Они сидели в фургоне грузовика. Мерцали экраны компьютера, выведенные на стены. 'Комары' болтались над барханами в радиусе полукилометра, оглядывая окрестности. На одном из экранов длинной полосой чадила воронка. Любопытные ген-тушканчики прыгали где-то на пределе видимости 'комаров', не решаясь подойти ближе. В небе к трупам уже приглядывались, нарезая круг за кругом, три здоровенных стервятника. Савва возился с печью, раздражённо пытаясь настроить её на оптимальный режим.

- Саввушка, и где же я тебе возьму что-то поновее? - весело ответил Зия, обрабатывая Егорову физиономию. - Схрон есть схрон. На то он и придуман на этой дороге. Не надо было крутала давать - пёрлись бы из города напрямую, на Комбинат!

- Я к тому, что у 'комаров' твоих только и есть, что видео...
- А нюхалку мы им настраивать не можем, Саввушка... не та модель.
- Вот я и говорю - старьё!
- А что, есть и с нюхалкой?! - живо заинтересовался Ромка-джи, терпеливо ожидающий своей очереди на врачевание, - расшиб о борт колено, когда с грузовика слетел на помощь Егору.
- А как же! Конечно, есть! - весело ответил Зия. - Однако, Егор... ну ты, блин, и десант-сполох! На кой чёрт было шатуну ухо отрезать, а?
- На память, - зашипев от боли, ответил Егор. - Все так делают.
- Не шипи, сейчас закончу... Ухо-то, поди, Маринке подаришь? - с непонятной интонацией спросил Зия.
- Ещё чего! Кто же девушкам такое дарит? - удивился Егор. - Нет... хранить буду... на воинскую память...
- И много их у тебя? - прогудел Савва.
- Три... это четвёртым будет.
- А у меня два... вместе с нынешним! - похвастал Ромка-джи.
- Эх... ниндзя Господа-Аллаха... - проворчал Савва. - Озверел народишко... пустыня!
- Да, идеи гуманизма здесь не в ходу! - пробормотал Зия, осторожно ощупывая онемевшую кисть руки Егора.
- Почему не в ходу? Просто они действуют в пределах рода... города, наконец! - возразил Савва., - Так, готово! Через три-четыре минуты можно ужинать.... Долго вы там ещё возиться будете?
- А почему у 'комаров' нет иглы с ядом? - жадно спросил Ромка-джи, - Я бы их снабдил жалами... раз! - и готово!
Егор вздохнул. Кисть здорово ныла, да ещё и пальцы начали покалывать неприятные тонкие иголки... онемение проходит. Блин, Ромка-джи сейчас начнёт донимать Савву...
- Нету и нету. И хрен с ними! - пропел Зия, смазывая Егору пальцы какой-то приторно пахнущей дрянью. - Зачем нам это? У нас Егор-шайтан сам-один всех врагов поразгоняет... только покажи!
Егор против воли улыбнулся. Зия всё-таки хороший мужик... и от мази его легче становится, да!
Позвонить надо, кстати... успокоить муллу-батюшку, мол, у нас всё в норме и всё цело... даже трофеи есть!

'Кругаля' они, конечно, дали немало. А всё староста Володя - умолил-таки Зию пройти по старой дороге вместе с караваном как можно дальше. Оно и верно - чем ближе к Челябине, тем больше порядка, хоть и движешься на юг. Отмахать до тракта километров двадцать, пройти по нему ещё столько же, а потом оставить караван в относительно безопасных местах и забирать вправо и вправо, делая круг, стараясь идти пустыней - право, это выгоднее!

Да и к комбинату подходить с юго-восточной стороны удобнее, не надо будет петлять между могильниками, - вот уж где сплошные атомы, шайтан их дери! Да и Карачай там рядом, вместе с комбинатовской шайтан-установкой... уж лучше обойти.

Но и предлагал староста немало: грузовик берите, Егора впридачу, еды-воды... короче, размахнулся! Только обратно всё пригоните - и будет над вами тогда полное благоволение всех святых и угодников впридачу. Мало ему, стяжателю, того, что Савва помог операторам наладить несколько барахлящих режимов на Установке... мало, что Зия

насовсем оставил ему четыре следящих камеры в Каслях, - да ещё и подключил их к компу муллы-батюшки... мало, что накачал файлов свежих, а ребяташкам несколько игрушек-стрелялок подарил, - только попроси и в школе после урока можно до одури наиграться... так он ещё нано-плёнку выклянчил! Осталось - пшик! А ведь она не самовоспроизводящаяся! Регенерирует, конечно, - вон, как гвоздь из себя выталкивает, а песчинки да мелочь уже почти все осыпались, - но только в пределах места, куда натянута или набрызгана. А в баллончике она не растёт... не может.

Самое смешное - Зия с Саввой отдали полный баллончик! Оставили себе уже траченный. И заначил староста Володя заветное сокровище... поди, теперь до самой смерти хранить-скопидомничать... и одарил гостей 'на радостях' ещё двумя бурдюками с ген-кумысом.

Нет, ну, обязательно надо людям руки выкручивать и последнее отнимать!

Впрочем, Зия и Савва особенно-то и не торговались. Наверное, им тоже не шибко улыбалось в Комбинат с его атомами и радиацией соваться. Однако, они, хоть и учёные, а не солдаты, но приказ президента-эмира и Святой Академии Наук - это не шуточки! Гоугоу, и не жужжи.

Конечно, в таких случаях за компанию - всегда веселей! Вот и выпросили себе Егора.

Маринка ревела - куда Егора чёрт несёт, в самую радиацию к этим диким комбинатовским? Да они же там совсем чокнутые, язвами все покрытые, с мозгами, как у шатунов! Не успокоило её даже то, что Савва показал ей на своём компьютере радиационные поля - оказывается, и это берут его датчики! Мол, не бойся, дорогуша, обойдём мы все зловредные места! Не успокоило её и то, что мулла-батюшка выдал ей хороший калаш. Мужики, де, уходят с караваном - так у нас теперь в городе каждый ствол на счету - владей, красавица!

А ведь, Маринка с детства мечтала в дозоры ходить. Маму-Галю вконец замучила ещё маленькой - покажи, да расскажи где чего у калаша... и непременно стрельнуть дай.

В общем, грустные вышли проводы... даже Русланчик, Маринкин братишка, заревел под конец...

Общая молитва - староста всё просил Господа-Аллаха простить им грех общения с неверными, 'которых гнездо нечестивое в Челябинске обрело себе демонскую поддержку' - долгая возня с погрузкой на верблюдов бурдюков со стерилизованным мясом и сублимированным молоком, возня с верблюдами-двухлетками, которых вели на продажу... словом, вместо радостной суеты, о которой мечталось Егору, вышло нечто почти похоронное...

Даже и вспоминать не хочется.

Правда, Маринка на прощание поцеловала Егора прямо в губы. Но, как на грех, губы у него были пересохшими... волновался тоже, чего уж там! А Маринкины - горячие, мокрые...

Эх!.. Так бы и остался!

А после Куяша, когда простились они с караваном, полдня уж прошло... обнаруживается в фургоне Ромка-джи... да ещё врёт напропалую, что, мол, староста его сам отпустил... шайтан-врунишка...

Господь-Аллах его надоумил, это точно! Иначе сегодня, - вполне возможно, - схлопотал бы Егор пулю в лоб...

Ну, созвонились - чёрт с ним, радиомолчанием - утрясли...

Нет, хорошо, что он с нами!

Егор улыбнулся, засыпая... скатываясь по широкой спирали... туда, где прохладные руки Маринки легли ему на плечи... и светило незлое солнце...

А на экранах размеренной тенью, гуськом след в след прошли трое карачи... остановились на секунду около одного из трупов... и снова пошли. И видел их только Ромка-джи, дежурный с 02-00 до 03-30.

А Егору снились озёра.

Савва, - храни его Господь-Аллах за это! - вечером видео показывал... три прекрасных сестрёнки: Иртяш-озеро и два озера поменьше - Малая и Большая Нанюги - полтора года лет назад... и белые какие-то нереально прекрасные штуки - 'яхты' - на их синих-синих волнах...

В скрипящем фургоне пахло ген-кумысом и сухим тленом. Через дырочки в потолке тонкими пыльными лучиками выпаливало солнце. Лучики синхронно качались - в такт шагам грузовичка. Ромка-джи упрямил-таки Савву дать ему порулить, и теперь вся оставшаяся экспедиция пристроилась в фургоне на контейнерах и потягивала через трубочки холодную кислую благодать.

Егор устроился лучше других - спина уютно привалилась к печи. Время от времени печь бормотала: 'Напитки готовы!' - и мелодично звякала. Каждый раз Егор, повернув голову, тихо командовал: 'Продолжить режим!' - и печь принималась мелко вибрировать, продолжая охлаждать шесть стаканчиков. Спине было приятно.

Какие там напитки! Савва с Зией сцепились.

Руками размахивают, машинально поглядывают на экраны 'комариного' обзора, орут, показывают друг другу кукиши и прочие неприличные жесты и фигуры... а ген-кумыс у них в стаканчиках давно уже нагрелся. В порыве раздражения Савва иногда встаёт и, нависая над ехидно улыбающимся Зией, тычет пальцем в один из экранов, вытаскивая на свет какие-то картины и формулы, раздражённо отмахиваясь от звукового сопровождения файла. Зия только хмыкает и в две коротких фразы ответа заставляет Савву побагроветь. Тогда Савва уже который раз принимается орать:

- Ты мне факты, факты давай! А то у тебя, как у этого дикарёнка - сплошная Вера, а Истины нет! - и обвиняюще указывает на Егора.

В первый раз Егор попробовал, было, возмутиться - какие-такие мы, мол, дикари?! Химию знаем, биологию, нанотех понимаем, историю проходили... староста новости показывает... нашёл, тоже, дикарей - тьфу! Но Савва только нетерпеливо отмахивался и зывал, наседавая на Зию:

- Валяй, доказывай! Морду лыбить каждый умеет, а ты пробори, пробори меня, доказательствами! Насквозь пробори, чтобы у меня каждая кишка поверила! Каждая!

В ушах пискнуло.

- Что там у вас, нормально всё? - пропыхтел Ромка-джи.

- Нормально! - хихикнул Егор, привычным жестом активируя ларинги. - Зия с Саввы шкуру снимает.

- А что спорят-то?

- А хрен его знает, прости Господь-Аллах! Научное что-то...

- Научное? - завистливо вздохнул Ромка-джи, посопел и отключился.

- ...как я тебе это докажу? - вдруг, побагровев, вскидывается Зия. - Святым духом?! Мы уже который год вокруг да около топчемся, всё никак подобраться не можем!

- Значит, твои программисты - говно! - парирует Савва.

- Сам ты говно, Савва! - шипит Зия. На шее и лбу его страшно вспухают вены. - Там программирование, возможно, на квантовом уровне идёт! Чтоб тебе...

Савва тоже шипит, как шайтан. Оба сидят друг напротив друга, наклонившись вперёд и прожигая глазами оппонента. Егор испуганно втягивает в рот ген-кумыс и трубка громко и неприлично хрюкает. Ссорящиеся не обращают на это никакого внимания... и замерший было Егор делает глоток.

Первым откидывается Савва. С отвращением он смотрит на экраны и громко гнусаво тянет что-то непонятное, - явно обращаясь к Зие:

- Мальчишки о-то-бра-ли копе-е-ечку. Вели их зарезать, как ты велел зарезать царевича Дмитрия!

После чего стучит в стену фургона, велит Ромке-джи остановиться, и пересаживается в кабину водителя, на пассажирское место.

Этим свара и заканчивается.

- Что-то я не понял,- через некоторое время говорит Егор, - кто у вас главный?

- Президент-эмир! - не глядя на Егора злобно отвечает Зия, оторвавшись от трубочки.

- Нет, я говорю о тебе и Савве... кто у вас главный? Ну... кто командир?

Зия несколько раз хрюкает трубочкой, потом встаёт, запикивает стаканчик в боковую дверцу печи, достаёт из другой дверцы холодный стаканчик ген-кумыса, вставляет трубочку и, наконец, нехотя отвечает:

- Савва у нас теперь командир.

- Почему 'теперь'?

- Ты что, не курсе? - мрачно удивляется Зия. - Тебе староста ничего не говорил что ли? Сбили нас, понимаешь? Пермские сбили! Мы и грохнулись в горах... на склоне Сугомака. Пять человек погибли... машина всмятку... только мы и уцелели. Потоптались, потоптались и решили пешком идти.

- А президент-эмир знает?

- Знает, конечно, доклад мы сделали, - машет рукой Зия. - Только толку от этого мало. У Москвы с Пермским буфер-каганатом свои заморочки... а мы - народ маленький. Живы... и хорошо! Савва, конечно в чём-то прав - ковыряемся на уровне конца прошлого века, когда ещё Москву Мурманском звали и нефть в печках жгли... Вот, например, представь себе, что мы ваш грузовик починили бы оригинальным образом... заставили бы, например, ходить его на задних лапах и кланяться каждому встречному. И всё. Больше бы ничего он делать бы не умел.... В смысле то, для чего его сконструировали! Хорошо бы это было?

Егор представил себе грузовичок, шагающий по тропинкам города и кланяющийся Маринке... а передние лапы к груди прижаты, как у старосты Володи... и забулькал в стаканчик.

- Вот и мы с компьютерами и с Сетью - что-то можем делать... и что-то там делаем. Прикладные программки, игры. Только это так - грузовичок кланяющийся - не больше. И с нанотехом такая же дрянь - изучаем на уровне 'а почему это он так делает? А что будет, ежели е-зет-прим-нанороботов в кислую среду поместить, а не в щелочную?' не больше! И в тетраточку записываем, как древние.

Зия, похоже, разговорился не на шутку.

Егор вздохнул. Ну, теперь только держись... началось.

Вообще, слушать Зию было интересно. Только очень уж непонятно. Всё равно, что с древневерами разговариваешь - отдельные слова ясны, а в целом - смысл ускользает. Вот, например, мулла-батюшка тоже иногда, бывало, разговорится на уроке, так он хоть более

или менее понятные вещи рассказывает, из истории, в основном. Как человек-Ленин начал атомный Комбинат строить, приняв имя человека-Сталина... как мусульмане сторону Веры-Истины принимали и какие войны из-за этого бушевали. Далеко ходить не надо - вон, из-под песка ствол танка торчит, песком отполированный... а у Каслей и вовсе, если в песках порыться, что угодно можно откопать, там самое сражение и разгорелось. Даже вертолетная кабина у старой мечети торчит, вместе с лопастями.

А Зия всё больше о науке...

Грузовик прохромал по осыпающемуся склону бархана и встал передними лапами на гребень. Пол фургона слегка накренился назад. Зия замолчал.

'Комариные' экраны на пределах обзора показывали какой-то замысловатый механизм, копавшийся в песке. Видно было плохо, но в облаках пыли угадывалось нечто вроде грузовика, опрокинутого на спину и сучащего лапами.

- Это ещё что за чушь? - пророкотал в громкой связи голос Саввы. - Идентифицировать не могу... нет файлов.

- Это большой карачи, - подал голос Ромка-джи, - или matka-карачи.

- А ты видел когда-нибудь матку-карачи? - включился в разговор Зия.

- Нет, - смущённо ответил Ромка-джи. - Староста говорит, они сами собой из песка рождаются... в смысле... нанотех.

- Внимание! - напряжённый голос Саввы прервал разговор. - Засёк... минуточку... вот! Чужие 'комары'!

- Ромка-джи, Егор - из машины! Быстро! - скомандовал Зия резким скрипучим голосом. Лицо его моментально осунулось. - Савва! Наведение?

- Пока нет, - сосредоточенно сказал, почти пропел Савва, - на мушке нас пока не держат... наблюдают... Ромка-джи, вали отсюда, кому говорят!

Егор выпрыгнул из кузова и, пригибаясь, отбежал в сторону. Из кабины вывалился Ромка-джи и нехотя поплёлся к Егору.

- Пригнись, чучело!

- Пригибаться ещё... нет никого! Экраны...

- Экраны тебе схрон не обнаружат! - оборвал его Егор. - Держи левый сектор, а я сейчас...

Егор перекатился вправо, пробежал, петляя, метров тридцать и залёг в кустиках ген-саксаула. Эх, хорошая всё-таки штука - Саввин комп! Нам бы такой в дозор...

В ушах вдруг скороговоркой пробормотал Зия:

- Пацаны, лежите спокойно, договориться пытаемся! - и отключился.

Егор пролежал довольно долго, вдыхая сладковатый запах колючек. Неосторожно повернувшись, укололся. Чёрт, как только этот кошмар верблюды едят? Не переставая следить за окрестностями, поглядывал на рукав комбинезона, где маленькая дырочка от колючки уже затягивалась сама собой. Перед носом пробежала ящерица, остановилась на секунду, глядя бусинками глаз Егору в лицо... точь-в-точь карачи! Те, тоже, замрут на бегу и не то принохиваются, не то прислушиваются... жутковато этак...

Егор осторожно взял камушек и после долгой паузы, резко бросил его в ящерицу. Как всегда, реакция ящерицы была лучше. Егору показалось, камень ещё не вылетел из его руки, как ящерица мгновенно метнулась в сторону и убежала.

Ишь ты... опять обставила!

Вспомнилось вдруг, как в прошлом году они работали с Маринкой и Ромкой-джи и прочей ребятнёй на грядках. Скучная работа - ходи да поливай вонючей бурдой-бродиллом грядки - аккуратные холмики песка, внутри которых посаженные месяц назад пустые

обоймы от калаша уже пустили временные корни и качали кремний, железо и прочие элементы, формируя патроны.

Маринка была отчего-то грустна, и они с Ромкой-джи пытались её развеселить. Ромка-джи изобразил, как староста гоняет Русланчика из зала Совета, а Егор рассказал, как старый Ким приплёлся в Храм с расстёгнутыми штанами и был высмеян женщинами.

В конце концов, Маринка рассмеялась и обняла Егора за шею и от души звонко чмокнула в обе щёки. Ромка было заворчал, но Маринка поцеловала и его. Ребятня вокруг заголосила, заулюлюкала... а Ромка-джи изобразил 'разрыв сердца от восторга' и упал на грядки, плюхнувшись спиной в лужу бродила, отчего месяц потом ходил с чешущейся и облезающей кожей...

А по осени дозорный в районе Каслей напоролся на шатун-банду и сгинул. И мулла-батюшка выдал Егору калаш и комбинезон... дедушкин, как новенький, прямо со склада! И стал Егор совсем взрослым.

- Егор, в машину!

- Значит так, молодёжь, - хмуро сказал Савва. - Сейчас комбинатовские нас примут. За час доползём. Рта не раскрывать, лишние вопросы не задавать. Ромка-джи - это к тебе в первую очередь относится, понял? Держитесь пока тупо и молча...

- Вы у нас дикие туземцы-проводники, - весело сказал Зия. - Мы этих комбинатовских с трудом уломали на разговор... фирман-Москва помог. Мы представляем интересы президента-эмира и Святой Академии Наук - вот и всё, что вы знаете...

- Да мы и на самом деле только это знаем, - кисло сказал Ромка-джи.

- Вот и прекрасно! Меньше знаешь - меньше грессишь. Потерпите пока! Изображайте смиренных ручных обезьянок при красивых и богатых путешественниках...

- Очень весело! - проворчал Егор. - За дикарей каких-то держат... за хунхузов диких... ха-ха-ха, щас описаюсь...

- Не надо описываться, надо молчать и хмуро глядеть по сторонам тупым взглядом. Кстати, оружие ваше при вас останется - это я выторговал... а вот 'комаров' пришлось отозвать. Ну, да и хрен с ними... главное теперь - переговоры.

Зия был весел - ну, дальше некуда. Он, можно сказать, светился.... С чего бы только? В самые атомы тащимся, в самую радиацию, чтоб её!.. нашёл, тоже, радость святую, великую...

Егор вздохнул, и прочёл про себя краткую молитву. Так, мол, и так, Господь-Аллах, убереги нас от чёрных дел Комбината, спаси душу и тело наши, аминь!

Эх, совсем взрослым стал... молиться совсем разучился. Всё на ходу, да бегом. Раз-два, трали-вали, хлоп-шлёп - вот и помолился.

В детстве, бывало, сидишь рядом с дедом в Храме, в темноте, смотришь на экран и энигму слушаешь. Светло на душе... и плакать хочется.... И Ромка-джи, друг верный, рядом сопит, глаза таращит...

Ох, вроде и всего-ничего времени, а как будто в прошлом веке всё это было! И дед ещё крепкий - седой и весёлый, и он, Егорка, вместе с Ромкой-джи... ковыляют босиком по песку, собирая верблюжий навоз в ведёрко... и Маринка-две-косички с вечно расцарапанными коленками... и мулла-батюшка весь в повязках, только-только в городе появился, с дедом за столом по вечерам тихонько толкуют... два Николая...

- Давай-давай, Егорушко, нос не вешай! - хлопнул его по плечу Зия. - Разгони печаль-

тоску нечестивую, у нас впереди жизнь интересная, не пресная! Правду говорю, Саввушка? А?

- Её, её, родимую, - проворчал Савва. - Угомонись, Зия, к чёрту в пекло лезем, угомонись. Я в кабине, Егор - со мной на всякий случай. А вы с пацаном сидите, бдите. 'Комаров' нет, так что придётся нам на сканировании попотеть... Эх, чёрт, там ошибки-то... ошибочки... дырочки в полях ползут... - вдруг забормотал он, явно обращаясь уже не к ним. - Вот, дьявол-шайтан... а мы их по градиенту, по градиенту... по вероятностным... эх, жаль, что по градиенту, дьявол-шайтан... там тоже худо...

Так и бормотал невесть что, вылезая наружу.

- Угробит он нас! - вскричал Зия, воздев руки к небесам, как монах-дервиш. - Точно угробит! Нельзя ему за джостик-штурвал в состоянии научного поиска!

- Заткнись ты, ради Господа-Аллаха! - слышалось уже снаружи. - Ромку-джи подопни, что он там ковыряется?..

Егор старался не смотреть на расплывчатую татуировку, - 'R', - на потном лбу комбинат-мастера. Старухи говорили, что это - атом-защита... плохо на него глядеть! - а здесь, внутри, у себя в логове, комбинатовские закрывающих повязок на лбу не носят. Вон оно, на самом виду, демонское клеймо, - спаси, Господь-Аллах, - так и синее!

Однако неплохо пристроились древневеры, а? Пользуются всей этой благодатью, что наворотили Старые Люди! Длинные коридоры-переходы, полы из нержавеющей стали, бесконечные уровни комнат и тоннелей, соединяющих разные залы, битком набитые странными механизмами....

Комбинат-мастер показал им реакторный зал, где копошились несколько роботов, ковыряясь в потрохах комбинатовской Установки. Вид у роботов был какой-то усталый. У одного из них рабочий манипулятор двигался рывками, неуверенно... и Егор видел, как иногда робот помогал ему другим манипулятором, лишённым рабочих захватов. Вроде, как инвалид култышкой левой руки пододвигает частично парализованную, уцелевшую правую руку. Досталось бедняге... уж очень у него вид древний, - Егор таких только в Сети видел, когда староста Володя файлы про историю показывал.

Народу было мало. Все хмурые и делающие вид, что заняты - прямо некуда. Один из них демонстративно и зло грохнул железные цепи подъёмника прямо под ноги Егору. Да в потёмках, да на железный пол... зараза! Егор аж подскочил. Как только не выпалил с перепугу в придурка, сам не знает! Спасибо Савве, отвёл ствол...

- Ещё раз увижу такое, Лёня - отправишься в Челябинск, - негромко сказал комбинат-мастер и небритый Лёня сразу увял.

Старика боялись - это было видно. Они, хоть и древневеры все... крестonosцы... но порядок чётко знали, сразу видно. Кресты кругом - от атомов, наверное, огораживаются, еретики-гяуры-блядь. Священник у них щупленький такой, всё глазами зыркает... бородой зарос по пояс... как так? Наверху-то, поди, от жары сдохнешь с этакой бородищей!

И всё крестится. Ромка-джи его внимания не привлёк, а Егора так глазами и прожигает... спаси, Господь-Аллах, того и гляди порчу напустит... радиацию. Он-то с ней, поди что, как демон с карачи - заодно.

Но всё-таки здесь не так страшно, как наверху. Сейчас-то Егор немного отошёл от ужаса. Карачи, кругом карачи, ещё на подходах к Комбинату! Десятки... а с перепугу кажется, что тысячи! В песок ногами вросли по колени. Малые щупальца непрерывно

шевелиются. Стоят неподвижно, раскалённые полдненным злым солнцем. Да всё в тех местах, где наружу торчат вентиляционные трубы, доты-автоматы, входы в Комбинат... жуть какая.

А один стоит у самого главного входа. Песком занесён до половины... а живой!

Зия строго-настрого запретил встречать в разговор, но Егора поначалу, на нервах, так и подмывало спросить у встречающихся мужиков, мол, что же вы, еретики-гяуры-блядь, совсем оскотинились?! Расплодили тут карачи, как песчаных блох! Или вам своя душа бессмертная не дорога - с демонами стакнулись, уроды? И в морду бы прикладом, в морду!

А вообще, вдруг всё про Комбинат... нет тут никаких страшных тварей, да и атомов-радиации не видно. Зия с Саввой непрерывный контроль держат. Нет-нет, да и выскакивает из ладони Зии объёмный файл - хорошо видно всё! Там, где атомы-радиация, там тускло красным светится. Есть, например, один коридор, так в глубине его всё малиновым налилось. Вход до половины мешками слежавшимися заложен. А в мешках, Савва сказал, дробь свинцовая. Хорошо видно, как от малинового зарева тень по полу тянется - значит там радиации меньше... мешки заслоняют, как солнечный свет. И кислотой какой-то воняет... да тошно так от этого запаха, хоть прямо тут и выблёвывай завтрак! Но, слава Господу-Аллаху, комбинат-мастер им это место, видимо, из бахвальства показал... не пошли они к этому перекрёстку, издалика смотрели

- Новая разработка? - довольно равнодушно спросил комбинат-мастер про комп Зии.

- Ну, не такая уж и новая... - проворчал Савва и старик ничего больше спрашивать не стал.

У него самого в мастер-зале комп несколько не хуже, вот, что интересно! Все планы в объёме, все переходы и залы видны. Ну, естественно, круговое слежение по периметру... и прочее там. Ромка-джи, засранец, не утерпел, ткнул-таки пальцем в то место, где они многоногий механизм видели. И спросил благоговейно:

- А там что такое?

Зия было нахмурился, но комбинат-мастер спокойно увеличил изображение и сказал:

- Робот. Лет десять, как потеряли. Хунхузы ему в бок из базуки вlepили. Я ходил... но ничего уже не сделаешь.

- Почему? - тотчас спросил Ромка-джи... вот, ведь, верблюдов непослушный, говорили же помалкивать!

- Нано-программа сбита, - проворчал комбинат-мастер. - Слишком долго в радиационных полях был. Я его посылал по пустяковому делу, а хунхузы ночью подобрались и прибили. У него, родимого, самовосстановление уже тогда утеряно было... однако, мутации всё-таки потихоньку прут... вон, сколько лап раскидал за эти годы...

Ишь ты, роботы на основе нанотеха тоже мутируют, не врал дядько Саша! Небось, всё атомов влияние, будь они неладны.

- Я роботов в Челябине видел, так они совсем не такие были! - шепнул Егору Ромка-джи, когда очередным переходом они медленно поднимались по ступенькам вверх, на второй, жилой уровень.

Интересно, а с чего бы это комбинат-мастер, вдруг, всё-всё стал нашим Савве с Зией показывать, да объяснять? Неужто всё-таки фирман-Москва такую силу имеет? Пожалуй, больше Святая Академия Наук подействовала. Старик-то, как расхвастался, что, мол, их род от самого Бай-Конура происходит. Дескать, ушли тогда учёный с Бай-Конура, чуть ли не во времена человека-Сталина... да так и до Комбината с боями и прошли. И теперь хранят всякие тайны-секреты, упаси хоть нас-то Господь-Аллах от этого нечестивого

знания! А на Комбинате тогда атом-бомбы делали, чтобы с демонами воевать. Кое-где, - это уже мулла-батюшка рассказывал, - их и по России использовали... но это давно было. В общем, сошлись тогда Бай-Конуровские с комбинатовскими и свой клан образовали. Учёные сплошь... по сию пору.

А мужики, это так... мелочь. Из Челябины приезжают на год - на заработки. Ну, конечно, их там проверяют-перепроверяют. По нанотеху спецы. А сам род, оказывается, тоже в Челябинске... только атом-мастера здесь постоянно живут, кто бы мог у нас в городе подумать!

И ставят себе атом-заклятие на лоб... мол, здесь теперь навеки жить буду, здесь и помру. Ромка-джи даже выпытал из Саввы, что и в роду Бай-Конуровских-комбинатовских тоже далеко не все мастерами становятся. Так... живут себе, кто чем занимается, там же, в Челябине.

А старик, конечно, страшный. Силища в нём чувствуется демонская. В железном кулаке всех держит, даже охрану комбинатовскую, толстожопых бездельников. Тем и вовсе лафа - отдежурил три месяца - вали на один в отпуск, в Челябину. Говорят, тут даже из Эко-терем-бурга солдаты есть... в смысле, бывшие солдаты. Завербованные. Хе-хе... дядько Саша прогадал! Ему бы тут понравилось... хоть и древневеры сплошняком. Однако есть и Веры-Истины правоверные.

Странно... и как они все вместе уживаются, еретики-гяуры-блядь? Ромка-джи говорил, что в Челябине даже мусульмане-лунатики есть... вот ведь, Вавилон какой, а? Нет, ну правильно, население чуть ли не шестьдесят тысяч... каждой твари по паре.

Ладно, пусть они тут хоть на голове стоят и на карачи молятся, а наше дело дозорное: смотреть, слушать, запоминать, записывать. Жаль, что позвонить нельзя - заблокировано всё... даже у Саввы комп разблокировать не может. Но это, уж, по-честному комбинат-мастер их с самого начала предупредил... так что жаловаться нечего.

- И чего ты мне спать не даёшь? Чего тебе не спится? Иди, вон, по коридору походи, если не лежится, а от меня отстань, а? - взмолился Егор. - Ну тебя к демонам с твоими 'выводами'!

- Нет, подожди, - шептал Ромка-джи, горя, как в лихорадке. - Зия мне сейчас такое рассказал - с ума сойти! Тут, оказывается, даже в цехах кое-где карачи стоят! Ты, вот, с Зией не пошёл, а он мне многое чего рассказывал, пока мы у Установки работали... и с комбинат-мастером он на связи постоянно был...

- Нечестивое место! - отрезал Егор. - Здесь не только карачи, но и сами демоны запросто могут водиться, спаси Господь-Аллах. Запросто! Вот и спи. Надейся, что здесь всё перекрыто - мы с Саввой проверили.

- Так вот, - не слушая его, гнул своё Ромка-джи, дыша Егору в ухо ген-кумысом, - они в Москве хотят здесь станцию научную строить. Нанотех проверять. Запустят нанороботов прямо в радиацию и будут ждать, когда они мутируют - вдруг, мол, какие-то новые свойства прорежутся? Слышь, Егор, здорово, да? Это, говорят, Савва придумал, ещё давно. До такого даже в Казани не додумались, поэтому всё так секретно!

Егор и сам это уже понял. Савва обмолвился, что Москва давно уже тайком Комбинат обхаживала, да прежний комбинат-мастер наотрез отказывал. А сунетесь, мол, разнесу здесь всё к демонам... и отвалите от меня. Нынешний-то, похоже, будет не против. Только Сеть он, как и предшественник его, так и не разблокировал, поэтому до него не дозовонишься. Вот, значит, московские и вылетели на переговоры.

Из-за стены печально брэнчал дугар... Зия сидит сейчас, поди, на своей лежанке, ноги

скрестил и, закрыв глаза, музыкой наслаждается. А Савва, естественно, с компом возится. Считает что-то, итоги подводит... вроде Ромки-джи. Учёные кругом... проходу от них нет...

- А ещё Зия говорит, что на южной стороне карачи возятся, делают что-то. Помнишь, ты рассказывал про...

Егор сел.

- Что же ты мне сразу не сказал, дубина-шайтан?

- Да я говорю-говорю, а ты спишь на ходу. Карачи такую же штуку, похоже, мастерят, как ты в Каслях видел... и никто не знает, зачем...

Егор вспомнил, как взметались ввысь струи песка и пыли... как жутко шевелился клубок лап...

Постойте, а чего это он так взволновался? Ну, строят, и шайтан с ними... мало ли что им в голову взбрело? Наверное, это староста с муллой-батюшкой его своими смутными страхами заразили...

- И что Зия говорит?

- Зия сам не знает! - зашипел Ромка-джи. - Говорит, на новую технологию переходят. Никогда, мол, карачи ничего такого не строили...

Егор снова лёг. Заснуть, видимо, не удастся... до тех пор, пока Ромка-джи не свалится...

С утра... хотя, какое тут утро... так, по часам только и знаешь, что оно наступило, комбинат-мастер пришёл к ним и долго толковал о чём-то с Зией и Саввой. Пацанов, конечно, не пригласили и Ромка-джи, надувшись, поплёлся в санпропускник - умыться. В санпропускнике торчали несколько небритых личностей. Двое плескались в душе в 'грязном отделении'. Со смены, значит, приплелись, работяги. В 'чистом отделении' один тощий, по пояс голый волосатый мужичок пытался торопливо соскоблить с лица жгуче-чёрную щетину, кривляясь и приплясывая перед зеркалом. Ниже пояса юбкой болтался комбинезон. 'И что выламывается? - хмуро подумал Егор. - В сортир, что ли приспичило?' Он так и не выспался... и теперь голова была чумной, как будто вместо мозгов в неё был насыпан горячий слежавшийся песок.

Егор сидел на лавке, поставив калаш между колен и исподлобья глядел на бреющего торопыгу. Господь-Аллах, долго ещё Ромка-джи будет там возиться? Решил весь кусок мыла извести?

Мыло было особенным: зелёное и пахнущее илом, оно щипало кожу... а если, уж, попало в глаза - только держись! Зато комбинат-мастер сказал, что оно хорошо чистит кожу и даже, мол, выводит из её пор атомы-радиацию... во что Егор не поверил сразу и бесповоротно. Чистит оно, как же... дождёшься! То-то окрест дурная слава идёт про комбинатовских. Мама-Галя говорила, что у них и дети-уроды рождаются... правда, и сами-то они далеко не красавцы, чего там... откуда от таких тощенок здоровые-то родятся?

Егор вдруг представил свою свадьбу. Всё, как тогда, когда женился Ахмат... только вместо смущённого и улыбающегося щербатым ртом Ахмата и удивительно спокойной Алии он увидел себя и сияющую от счастья Маринку. И одежда у него новая, и Мама-Галя слезу утирает... и мулла-батюшка дарит им от имени прихожан пару верблюдов и десять овец... и калаш становится его, Егора, личным... именованным.

А что? Почему бы нет? Маринку он давно любит. Мама-Галя сама их с Ромкой-джи 'женихами' с детства зовёт. Говорит, что, мол, Маринке здорово повезло, спасибо Господу-Аллаху - целых двое женихов по возрасту подходящих...

А как она на дядьку Сашу вызверилась, когда тот свататься притащился, жуть! Мол,

единственную дочку не отдаст... и если ты, дядько Саша, не выметешься отсюда, считай, что женишься более ни на ком не сможешь.

- Ну, шайтан-огонь... - уныло промямлил тогда дядько Саша и поплёлся свататься к развесёлой Райке-джан.

Райка-джан тётка хорошая... только на мужей ей не везёт. И двойню у неё карачи забрали... но это давно было, когда она ещё до города не добралась. Муж тогда сгинул где-то в песках. Мама-Галя с соседками судачила, что просто бросил её вместе с двойней и - привет, любовь моя, иди на все четыре стороны....

Несмотря на жизненные трагедии, была Райка-джан весёлой, разбитной и похотливой. И к мулле-батюшке подъезжала, было, и Ромку-джи однажды притиснула в каком-то закутке так, что бедняга прискакал к Егору весь красный и потный... долго открывал рот - хотел рассказать, а потом разревелся...

Егор хмыкнул, тряхнул головой и расправил затёкшую спину. Разревёшься тут... Райка-джан, в принципе, тётка не старая и довольно симпатичная... и тату у неё на щеках красивое! Только не хватает у неё в голове какой-то маленькой деталюшечки. Временами несёт непонятно что... песни поёт...

Староста Володя, было, заикнулся, что её карачи испортили, а мулла-батюшка ка-а-ак цыкнет на него... тот и заткнулся сразу. Ничего, гремит мулла-батюшка, демонского в этой женщине нет! Мол, немного тронулась по причине несчастной жизни и пылкости организма... и закройте свои рты, засранцы болтливые.

Говорили, что мужа её позже под Куяшом нашли. Он из древневеров был... крестоносец... вот его на кресте и распяли. На самом солнцепёке. Комбинезон сняли... а без него на жаре больше суток не вытянешь....

Да что за шайтан! Долго там ещё этот чистюля плескаться будет?! Рад, что до душа дорвался, карачи-сын?

Ткнув Ромку-джи во влажный бок и сделав ему страшные глаза, Егор отдал калаш и зашёл в душевую. Калаш Ромка-джи поставил у стены, а свой положил на колени, усевшись, не надевая комбинезона, на скамейку.

Егор аккуратно прикрыл за собой дверь и прислонился лбом к стене, закрыв глаза. Ромка-джи оставил тоненькую струйку мутноватой воды, со звонким плеском стекающую в глубокое корытце. Он уже понял, что Егор никак не может избавиться от привычки экономить... и предпочитает поплескаться в корытце, чем под душем. Комбинат-мастер хвастал им, что водоносный слой у них независим от иртышского, питающего город, и по расчётам, мол, способен нормально выдержать потребление не менее тысячи человек в течение десятков и десятков лет. Но... себя не переделаешь. Егору всегда было жалко расходовать воду попусту...

От стены пахло влагой и илом, и она приятно холодила пылающий лоб. Шайтан побери, заболел, что ли? Вот, уж, не было печали... совсем не во время...

За дверью послышался приглушенный крик. Егор открыл глаза... что за чушь? Ромка-джи?!

Он присел на корточки, - если целятся, то целятся в грудь, спасибо мулле-батюшке за обучение, - и рывком распахнув дверь, перекатился вправо... успев мгновенно понять всё...

Двое голых мужиков, - у одного по спине стекало зелёное мыло, выкручивали лежащему Ромке-джи руки, пытаясь вырвать калаш. Лицо Ромки-джи было окровавлено. Худосочный 'недобритый' зажимал ему одной рукой рот, а второй споро и страшно бил Ромку-джи в живот. Неподалёку валялась бритва.

Егор вскочил на ноги и на долю секунды замер.

Грохнул выстрел калаша... пуля с визгом коротко метнулась между потолком, стеной и

полом. Один из голых, увидев Егора, оскальзываясь, испуганно потянулся на коленях за калашом Ромки-джи, который в борьбе закатился под широкую скамейку. Егор в два прыжка догнал его... за ногу уцепилась чья-то мокрая рука... и с размаху ударил в затылок ножом. Лезвие обломилось у самой рукоятки. За ногу дёрнули и Егор плашмя грохнулся на живот, сильно ударившись подбородком. В шее что-то хрустнуло, а рот моментально наполнился солёным и вязким. Ногу повыше колена обожгло...

Егор судорожно бил свободной ногой, стараясь ударять каблуком, - спасибо Господу-Аллаху, он ещё не разулся! Под ударами подавалось мягкое... как матрас... в ушах стоял дикий визг... но вот каблук ударил во что-то твёрдое и ногу отпустили.

Егор поднялся на колени, оборачиваясь назад. Голый мужик отползал от Ромки-джи, зажимая рукой разбитое лицо. Между пальцами просачивалась кровь. 'Недобритый', скорчившись, лежал на боку, держась руками за голову. Лезвие бритвы торчало в левой руке, наискосок и вверх... лучик лампы блеснул Егору прямо в глаза.

Егору стало весело... какие-то нежные тоненькие колокольчики зазвенели в голове. Он легко поднялся на ноги, слегка пошатнувшись, шагнул вперёд, тщательно примеряясь... и ударил ногой лежащему в основание черепа. Бритва по дуге улетела вбок. Ноги 'недобритого' дёрнулись... руки разжались...

Отползающего Егор нагнал в три шага. Между окровавленными пальцами рабочего блестел остановившийся от ужаса глаз. Одышливо, с привизгом, лежащий пытался что-то сказать.

- Кто? - коротко спросил Егор, схватив за шею и притянув прямо к глазам... запахло кислым... - Кто отдал приказ? Говори, жизнь сохраню.

- Ко... комби... ат... мас... мастер... тро... трое детей... не уби... вай...

Комбинат-мастер... ясно.

Егор отпустил лежащего, поднялся на ноги... с удивлением увидев у левой ноги лужицу крови. Вот оно что... полоснул-таки, бритвой...

Он вполсилы пнул скорчившегося в лицо... потом повернулся, подошёл к Ромке-джи, взял из его трясущихся рук свой калаш, откинул приклад, привычно зафиксировал его и с разворота, в два плавных, размеренных шага двинул подвывающего в грудь, а когда руки того разжались, наступил ему на шею и коротко, как на учениях, сильно ударил в лицо прикладом.

Потом они сидели рядом с Ромкой-джи. Тот сморкался... пыхтел и всё порывался рассказать Егору о том, как всё случилось... Ступни 'недобритого' коротко дрожали и это было неприятно.

- Уби... убивать зачем? - плюясь кровью, распухшими губами спросил Ромка-джи, когда, поглядывая на дверь, ведущую в длинный коридор прохода к санпропускнику, Егор осматривал труп полуодетого и ворошил одежду, болтающуюся в шкафчиках. Насколько помнилось - до следующей смены ещё, как до Китая пешком... а видеокамер здесь нет. На кой они нужны... в санпропускнике-то?

- А ты как хотел? Чтобы я сам под бритву шею поставил? - рассеянно ответил Егор.

- Они... они бы нас могли и проще... убить... они только... об... б-безор-ружить...

- 'Отдал калаш - копай могилу!' - пословицей отрезал Егор, поморщившись.

Голова по-прежнему гудела... и жгло порезанную бритвой ногу... еретики-гяуры-

блядь... прости им Господь-Аллах их вольные и невольные прегрешения...

Чёрт бы побрал этого комбинат-мастера с его повальной блокировкой! Егор уже второй раз машинально активировал ларинги... и чертыхался. В ушах снова коротко пискнуло - сигнал перекрыт. Пришлось ждать, пока подтянется Ромка-джи. Чёрт, даже не свистнешь - тишина могильная - сразу эхо в потёмках гулять пойдёт.

Ромка-джи появился вовремя и бесшумно.

- Ты тоже ларинги включал? - шепнул он Егору. - Я уже три раза... по привычке...

- Ларинги-то ещё полбеды, - ответил Егор. Пластырь наконец-то начал действовать - жжение в ноге прекратилось, но перед глазами тошнотворно мельтешили чёрные мошки и бухало сердце. - Тоннелю конца не видно... а дойдём - наверняка охрана на выходе. Воевать придётся...

- Ты, Егор, довоюешься, - сказал Ромка-джи уже нормальным голосом, - напоремся мы на кровную... итак уже троих уложил. Как понаедут из Челябины - весь город вырежут.

Вот тут, уж, Ромка-джи прав. Кровная месть - штука такая... шайтан их знает, кого он там убил, - может шишка важная. С другой стороны атом-защиты у мужика на лбу не было. Да и не стали бы посылать больших людей убивать... в смысле, обезоруживать двух пацанов из пустыни...

- Не напоремся, - ответил Егор. - А вот расслаживаться нам некогда.. Комбинат-мастер со своей блокировкой всю внутреннюю связь вырубил... зато и мы пока целы. Выбираться надо - и в пустыню. Или здесь отсидеться - найти уголок, а ночью попытаться уйти.

Зия с Саввой ещё по пути на Комбинат, - да будет проклято это место во веки веков! - показывали им карту, чуть ли не Старыми Людьми составленную. Более или менее приличный файл... можно разобраться. Егора тогда только и интересовало, что как бы отсюда смыться, ежели прихватит. Нет, действительно, мало ли что... случись беда - хотя бы будешь знать, куда бежать. Тоннель этот он тогда заприметил сразу, благо, что попасть в него можно было аж целыми пятью путями... в том числе и из жилой зоны... а тянулся он далеко - к развалинам большого цеха, где никакой атом-радиации отродясь не было, как объяснил Савва.

Вот именно этим путём они и воспользовались. Пришлось открыть две решётчатых панели, протиснуться через длинный ход, совершенно закопченный. Кабели здесь горели когда-то. Сажа так и висела в воздухе, дышать нечем... и крючки эти, - вот уж наказание, - торчали из стен, цепляясь за всё, что только можно. Однако, хорошо, что два предыдущих дня он не слушал нытьё Ромки-джи и осторожничал... рюкзаки они везде таскали с собой. Как, кстати, и Савва с Зией, упокой Господь-Аллах их души на тенистых пажитях! Наверняка их и в живых уже нет... вот, шайтан, мысли путаются. Так... вдох, задержал дыхание... мантра... вы-ы-ы-ыдох... фу, полегче, вроде! В общем, шли бы сейчас, как идиоты, без рюкзаков. Как нагишом... Так что, хоть и цепляются они за все выступы и ржавые крюки, но это, уж, как Господь-Аллах сподобил - во всём есть шайтан-сторона - ноши своей не лишились, зато и пробираться невмоготу.

А когда миновали зону пожара и чёрные, как демоны, пробрались короткими коридорами к лючку, ведущему в тоннель, обнаружили, что тот забит высохшим до хрупкости мусором. Видать, не один год его швыряли... еле-еле проковыряли себе дорогу. Ромка-джи какую-то штуку нашёл. Стальная, причудливая, ржавая, и хотел её с собой прихватить - Егор запретил. Мало ли что, может эта штука вся малиновым светится, ежели её Саввиным компом сканировать? Ромка-джи с сожалением вынул таинственную

железяку из рюкзака и аккуратно положил на пол, к стене. Хорошо, хоть, не оглянулся и рукой не помахал, прощаясь...

Одно время в тоннеле попадались боковые помещения и каждый раз Егор действовал по всем 'Правилам ведения разведки в условиях военных действий', вдолбленным в них муллой-батюшкой с самого детства - оттого и шли долго... хотя, честно говоря, положение было аховое и особенно торопиться было некуда. Комбинатовские 'комары' там, наверху, выследят их в два счёта... не говоря уже о системе наблюдения комбинат-мастера. Одна надежда на то, что старик просто не станет высылать за ними погоню - ничего тайного они здесь не видели, ничего им не рассказывали. А дома могут только подтвердить истину - прав староста Володя, нечистое это место... проклятое! Эх, Господь-Аллах, помоги, к тебе взываю... из бездны!

Егор закрыл глаза и прочёл короткую молитву. Ромка-джи сидел рядом. Шершавая стена тоннеля, покрытая смутно видимыми потёками шайтан знает какого происхождения и давности, давила на спину. Глубоко же они забрались... не слышать ничего... и пахнет чем-то горьким, сухим... вроде, как от старинного трупа, давным-давно высохшего в песках до ломкой трухи ...

На головы чешуйками осыпался чёрный прах. На стенах угадывались ровные ряды кабелей, - каждый толщиной в руку, - покрытых корявой потрескавшейся корой изоляции. И тянутся, и тянутся... конца-краю не видно. И в каждой кабеле ещё много-много отдельных жил... их можно увидеть там, где изоляция осыпалась почти полностью... если посветить, конечно...

На Егора это почему-то давило больше, чем сам тоннель... а его же ещё и вырыть надо было! Вырыть - это понятно. Но столько проводов... сотни... тысячи километров проводов! Нет, не могли Старые Люди сами всё это сделать, не могли! Демоны, демоны ходили тут, где сидят сейчас Егор и Ромка-джи. Они выпускали из себя длинные кишки многожильных кабелей... они крошили гранит своими жуткими когтями... зубами... постой, Егор, демоны, они - те же люди, только в гордыню впавшие, сказал мулла-батюшка... 'А я знаю, как у Старых Людей Демонское полушарие называлось!' - Ромка-джи... нет, ну неймётся тебе! Мама-Галя, бабушка, чего он ко мне пристаёт со своей ересью! Господь-Аллах, священно имя твоё... отстань Ромка-джи, молюсь я, не хочу из-за тебя грех на душу брать... не хочу слышать... 'Америка! Америка!' - дразнится друг... и надо встать и накостылять ему по тощей коричневой шее... Только чтобы карачи не видели... А то... Но только почему карачи здесь? Что им от нас надо... и калаш, калаш мой где, Маринка?!!

- Егор, Егорка... Егор, открой глаза!
- Калаш мой... где?!!
- Да тише ты, не дёргайся... фу... и напугал же ты меня! Заболел, что ли?
- Задремал чего-то...
- Ну, ты даёшь... задремал... я вперёд ушёл, жду-жду тебя. Нет никого. Возвращаюсь, ты тут сопишь и стонешь. Постой, ты слышишь?
- Не слышу, - сказал Егор, борясь с тяжестью наваливающихся стен. Глаза, казалось, разбухли горячими твёрдыми шариками. - Не слышу...
- Ага, как же - не слышу... вон оно... бухает.

Стена чуть заметно дрогнула. Сверху осыпались целые гроздья мерзости. Егор закрыл глаза. Бухнуло... и бухнуло... шайтан с ним...

И как-то боком, сразу же, ввалился в сон, в горячую тухлую яму.

- Егор! Егор! Вот говнюк! Егор, открывай глаза! Открывай, сейчас легче будет!

Легче? Вот, уж не надо... сели на грудь и давят... какое там легче... и в ушах трещит и бухает... во рту, как карачи насрали. Стоп... карачи, где я видел их так много?..

Комбинат!

Егор открыл глаза. Оказывается, он лежал на боку всё там же... ха-ха! А ты хотел бы лежать дома, да? Неподальку в темноте коротко взрывывал калаш и тени от вспышек прыгали по стенам. Вот и второй заработал... Теней стало больше. Егор открыл рот, чтобы что-то сказать... и его вырвало густой однородной струёй.... как илом. Хорошо, хоть не на ботинки сидящего рядом на корточках человека.

- Во-о-т, - удовлетворённо сказал голос. - Через пару минут совсем оживёшь. Садись, хватит разлёживаться! - и крепкие руки поддёрнули его вбок и вверх.

- Зия? - тупо спросил Егор, опираясь спиной о стену и машинально вытирая рот рукой.

Правый рукав почему-то был закатан... ах, да... укол.

- Зия... укол? Ты?

- Так точно! - усмехнулся Зия. - Запомни - первые минут двадцать ещё может тошнить. Зрение восстановится полностью где-то через часик. Но соображать, ходить и даже бегать ты уже можешь. Держи, отпей глоток...

Егор аккуратно хлебнул из фляги. Ему действительно становилось легче.

- Что там... такое?

- Там, братец, целая война.

Знакомо зашипело, только слабо, - на расстоянии, - и через пару секунд бухнуло так, что, тряхнуло весь мир. Стены мгновенно вскипели облаками пыли и мусора. Из тоннеля вымахнуло чёрным прахом. Щиток шлема Зии был теперь опущен, а Егор замешкался, надевая повязку и заперхал, вдохнув бушевавшую в воздухе дрянь ...

- Ромка-джи... где? - со страхом спросил Егор, откашлявшись.

- Сейчас будем! - хрипло сказал в ухе удивительно знакомый голос, а второй, запыхавшись, сообщил. - Не пальните сдуру по нам, мы уже рядом...

Ромка-джи... его голос - жив, шайтан-дурак, жив! Эй, ребята, постойте... ларинги, выходит, заработали?

В клубах пыли, как в тумане, запрыгал мутный огонёк. Ближе... ближе... вот они, оба-два, спаси и сохрани нас всех Господь-Аллах, - грязные, как последняя шатун-банда!

- Егор! Егор! Ты в порядке?

- Ромка-джи... живой я!

- Да, не повезло комбинат-мастеру, не повезло, - сказал Зия, шагая по песку впереди группы. Из-за развалин стен выглядывала огромная луна, блестя демонскими квадратиками. Ровными прямыми огоньками шли своими путями спутники. - Вы-то ему были так... вроде мух. Прихлопнул и всё. Да и не прихлопнул - горюшка никакого. А вот нас ему надо было убрать спокойно и без особого шума.

- Из-за Москвы? - спросил Егор, глотая вязкую слюну.

- Ну... не столько из-за Москвы, мой юный убивец, сколько из-за Челябинска.

- Скажем, из-за Урала вообще, - пробормотал Савва.

- Ну, - легко согласился Зия, - пусть из-за местных тоже. Никому не интересно иметь под боком московскую военную базу. Политика!..

помнишь, Шульгатый доказывал, что, мол, здесь на Комбинате они хоть немного, но другие? Врал... на самом деле и этот - точь-в-точь, как наши, московские... или тиксинские. И на Дудинке аналогичные. Во всяком случае - внешне. Стоит и стоит, мне-то что? Полюбовался перископом... глядь, а в соседней комнате за вывалившейся дверью - комнатка с пультом. А в стене - технологический лючок. Толстенный такой, свинцовый... с облицовкой из нержавеющей стали. Ага, думаю, проверим мы это чудо... открыл, стал замерять - глазам не верю. Именно то, что нам нужно!

Хотел тебя позвать, да подумал, что ты недостойн присутствовать при торжественной минуте и распаковываю NTUS... Ромка-джи, это контейнер с нано-бульоном, понял? Ну, то, что мы облучать хотели. И именно в диких условиях, на выживание. Сейчас, думаю, спущу его в лючок, прикрою и маячок поставлю. И тут мне сзади ка-а-ак двинут по башке!.. оборачиваюсь, а сзади карачи стоит... расшеперился... и самое главное, уже в шупальце контейнер держит! Тут я со страху и взвыл... кто же знал?.. И рванул к выходу, пока он меня не убил. Ну, пальнул с перепугу... слава небесам, он за мной не погнался...

Ну, тут уже, видимо, у нашей засады нервы не выдержали. Ввалились они всей гурьбой... Савва, помолчи, это я уже для ребят рассказываю, - и начали шмалять, как безумные. И потом мы только и делали, что бегали, как тараканы, и галопом прорывались к тому же тоннелю, что и вы...

Зия и Савва прошли к тоннелю другим путём, разворотив стену в одном из цехов. Мужики, однако, попались упрямые и сидели у них на пятках до самой той поры, когда учёные наткнулись на Ромку-джи, который так ошалел, что чуть ли не на шею им кинулся. С одной стороны хорошо, что не начал стрелять, а с другой... в общем, растерялся наш Ромка-джи... и отобрал бы у него Егор третье трофейное ухо, если бы не остался он с Саввой прикрывать Зию, всадившему Егору верблюжьей дозе антидота. Остался и вёл себя вполне достойно. Ладно, пусть дома хвастается... только далеко ещё до дома!

- Значит, отобрал...

- Да, Савва, отобрал.

- Выходит, мы нащупали-таки путь... тот самый прорыв! - вскричал Савва и вскочил. - Покажи файл с теми полями, давай, покажи!

- Остынь, - тоскливо ответил Зия. - Нет у меня этого файла. Стёрт.

- Как нет? Когда?.. Ах ты, шайтан-скотина, погань проклятая! - застонал Савва и снова сел, уткнувшись руками в лицо. На лысине его, просвечивающей сквозь редкие волосы, отблескивала луна. - Ну, суки... суки!..

- Стёрт. Ни хрена не держит наша защита, не в обиду будь сказано. А заодно и почти всё, что по Комбинату накопили... это, уж, он на всякий случай... а в Москве, может, уже и бульон изъят, если о самом плохом подумать.

- Зия! Как ты можешь так спокойно говорить?! - Савва снова вскочил и забегал вдоль стены, за которой они укрылись от ночного ветра. - На кой чёрт мы тащились сюда? На кой чёрт погибло столько народу? Для чего?! Чтобы этот наш дикарёнок смог побольше ушей набрать? Чтобы починить грузовичок для старосты, чокнутого на религиозной почве? Привести местной шантрапе новые фильмы про Ивана-батыра?

Лицо Зии вдруг сморщилось... он нервно всплеснул руками и вскочил. Губы дрожали:

- Я - 'спокойно'? Я... да ты...

Ох, что же это он? Шутит, ведь, видно было, что держался!

- Фильмы нам староста запретил смотреть, - внезапно сказал Ромка-джи. - Так только... из истории Святого Джихада, да игры... больше ничего не разрешает.

- О-о-о! - совершенно неожиданно для Егора застонал Зия и ушёл в темноту неверными

шагами. Калаш он оставил прислонённым к выкрошенному кирпичу стены.

Савва тотчас пробормотал команду. Несколько 'комаров' перегруппировались, зона слежения вытянулась в сторону ушедшего Зии... изображение стало немного хуже.

- Зия, я прошу тебя, не уходи далеко, - негромко попросил Савва, перестав бегать, и неуверенно потоптавшись перед экраном.

Видно было, как Зия остановился... он стоял и размахивал руками... погрозил луне кулаком... потом ларинги всё-таки пискнули и Зия прошипел:

- Куда тут уйдёшь? Куда?! - выругался... и отключился.

Ребятам грустный Савва сказал, что всё объяснит завтра, а пока: Егор - на дежурство, личному составу - спать. И то сказать, ухайдакались все. Ромка-джи не утерпел, задал какой-то вопрос, но уснул, так, похоже, и не договорив до конца. Савва уже сопел. Неподальёку, на торчавшей из песка печной трубе, на диво крепкой, сложенной из красного кирпича, шлифованной и заваленной тоннами песка и годами ветра, понуро сидел Зия, и на экране видно было, что включил он ларинги на свой любимый дутар и только качает головой, что-то бормоча.. Луна освещала его... Зия был похож на печального песчаного шайтана, тоскующего по тем временам, когда ещё не разгневал он Господа-Аллаха, а был лёгким и нежным Ангелом Небес.

Ромка-джи сменил Егора в четыре ночи, когда небо светлело. Егор дал ему поспать лишние два часа. На поблэкшей луне яркими солнечными зайчиками отсвечивали демонские квадраты. Зия сидел, прислонившись спиной к трубе в закрытом шлеме. Голова его свешивалась на грудь. Где-то часа в три он внезапно включил связь и пробормотал:

- Хоть стреляйся... - и отключился.

Слава Господу-Аллаху, калаш он с собой не взял, а глушилки они с Саввой извели все напрочь, когда воевали в Комбинате. Нечем ему стреляться.

Савва, видимо, не отключал ларинги, но не проснулся, а только промямлил что-то во сне. Что касается Ромки-джи, то он лежал в обнимку со своим калашом и видел, наверное, что-то грустное во сне, потому что хмурился. Несколько раз он стонал... и Егору его было жаль... ничего, спи Ромка-джи, друг верный, спи! Всё уладится.

Егор проснулся от знакомых хрюкающих звуков. О, Гагарин-шайтан, палатку дуют!

- Мы что, никуда не идём? - хриплым от сна голосом спросил он.

- Нет, - хмуρο сказал Зия.

Глаза его густо обвела синева, щёки ввалились.

Егор хотел спросить, почему, но удержался. Ромка-джи впервые видел, как дует палатка, и во все глаза таращился на разбухающий тючок. Даже рот приоткрыл. "Закрой рот, карачи насерет!" - вспомнил Егор и ухмыльнулся.

Палатка палаткой, а надо было заняться собой - чернее чёрного! Зная, что если Ромка-джи чем-то увлечён, то оторвать его от предмета разглядывания может, разве, сам Господь-Аллах, Егор принялся чистить оружие, оттирать лицо и руки... словом, 'на танцы прихорашиваться', как сказала бы Маринка. Хороши, однако, танцы... полночи прокуролесили, а до этого и вовсе сплошь гоу-гоу... под страхом смерти... да и сейчас не пойми-возьми чего.

Неужели комбинат-мастер так легко их выпустил? Нет, ясно, что в туннеле комбинатовским крепко досталось - отбило охоту на рожон лезть, но здесь-то... как на ладони! Ох, не к добру всё это, охраните нас святые угодники, не к добру!

Палатка зарябила и стала невидимой - Ромка-джи издал восхищённый вопль. Интересная, конечно, штука, врать не станем. Вообще, нанотех - наука та ещё! Взять, к примеру, комбинезон - каким-то божественным промыслом за ночь то ли впитал в себя, то ли стряхнул почти всю мерзость, обшарпавшую ткань. К послезавтрему и вовсе как новенький будет. На брючине, например, где бритвой полоснули, разрез уже практически рубцуется... тоже быстро дело идёт. На солнце, как всегда, процесс активнее происходит... ну, это, понятно, с 'песчанкой' всегда так. На то комбинезон и придуман.

Нет, зря нас Савва, 'дикарятами' зовёт. Уж что-что, а в нанотехе мы разбираемся... Ромка-джи уже нырнул в палатку, - его восторженная болтовня моментально стихла... значит, звукоизоляция уже работает.

Егор активировал нарукавное зеркальце и критически осмотрел себя. Морда, только, опухла слегка, - видать, зараза комбинатовская ещё действует, - а так - хоть куда! Красавец, одно слово, хоть сейчас в храм - энигму распевать. Зеркало, однако, барахлит немного... полосами иногда поддёргивается. Но это уже грех врождённый. До Егора дед ещё жаловался, мол, на правом рукаве в зеркало хоть не смотришь - вся морда в пятнах и полосах... чисто верблюды. Эх, дедушка, дедушка... поглядел бы ты сейчас на дела наши нынешние...

Над ухом тихо прожужжал 'комар'. Что это он так близко от палатки делает? Их и так осталось меньше малого... а тут ещё один отлынивает. Хоп! Второй пролетел... видать Савва чего-то колдует...

Из ничего высунулась сияющая физиономия Ромки-джи и скосила глаза, пытаясь увидеть себя сбоку.

- Егор, сними меня на калаш, а?
- Там у камеры заряду секунд на десять...
- Да сними, сними! Не поверят же!
- А чего тут верить... подумаешь, задницы нет...

Они ещё немного посмеялись, а потом Егор всё-таки снял Ромку-джи на камеру калаша. Зрелище и впрямь было забавное - висит посреди песков и руин весёлая голова и зубы скалит, язык показывает. Городской ребятне будет что показать. Жаль, только, мало всего. Ну, там кое-что Егор втихомолочку снял, конечно. Даже комбинат-мастер крупно есть. Но буквально по кадрику, по два. И карачи - крупно... каждое малое щупальце на 'морде' видно. Не по-людски, конечно, но будем надеяться, что Зия с Саввой своими файлами поделится. У них, наверняка, много чего отснято... не всё же подряд стёр им проклятый карачи!

Надо сказать, странная штукавина, конечно. Опять же... только и остаётся жалеть - нет с нами деда! Сидит он сейчас на сияющем престоле, - с Господом-Аллахом радостно беседует... не до нас ему теперь. Уж дед-то объяснил бы, наверняка, что почём! О карачи он всё-всё знал, до самых тайных тонкостей. Считал, кстати, что спутники и карачи между собой в Демонскую Сеть связаны. Ромка-джи как-то спросил деда, есть ли, мол, карачи в космосе? Дед поразмышлял и сказал: 'В космосе вряд ли, а вот на Луне и на Марсе - точно есть!' - и Егор потом ещё долго гордился, какой у него дед разумом сильный.

'Автоматическая долговременная огневая точка (дот) - поганая штукавина. Сидит себе в земле, тянет вниз корни автономной установки, боезапасы нанотехом себе выращивает, сторожит. Сто лет сидит - сто лет патроны и снаряды копит; оружие в порядке держит,

склады расширяет. Чем старше, значит, тем и опаснее. Уничтожение - только тяжёлым оружием!

И пишете - есть два вида дотов! Обычные, сторожевые - те сами себя от песка очищают, сектор обстрела постоянно поддерживают в уставном порядке... и показывают себя, не таясь, - мол, не суйся!..

... и 'хитрые'. Вот, уж, всей погани - погань. Наружу только рецепторы едва-едва видны... под песок маскируются. Но как только цель показалась... считай, в пыль размолотит! Точность на первых порах невелика - пока он там высунется, осмотрится по-настоящему, - но с каждой минутой она всё лучше и лучше! Так что, засранцы, - Господь-Аллах, упаси - напоретесь - давайте дёру, как можно дальше... если времени хватит, конечно, за охраняемые им границы успеть смыться!

Возблагодарим Господа-Аллаха, мало их! Дорогая была штука... да и ненужная, в общем-то. Против глубинных фугасов - и вовсе ничёмная. Как 'шайтан-червей' в серию запустили, так и доты потеряли своё значение. Ну, правда, к тому времени и война к концу подошла...'

Из уроков муллы-батюшки

Аминь всем ушедшим. Не нам их судить - ни врагов, ни правоверных.
Аминь!

На 'хитрый' дот они напоролась часа через два после того, как снова двинулись в путь. Ох, недаром Егору дедушка снился, недаром! Плакал старый... и всё руки к внуку протягивал, помоги, мол! Он, хоть и горбатый был, - ещё в юности взрывной волной о стену шарахнуло, - но сильный... красивый. Глаза синие... как небо...

До самых последних дней никому за собой ухаживать не позволял... сам, всё сам...

А тут плачет и не может ген-галеты краюху разломить... и мулла-батюшка рядом стоит, скорбно так... и не помогает старику.

'Прощайся с дедом, Егор, - говорит, - отходит он!' - и мертвецкую начинает... это при живом-то!

Господь-Аллах - пастырь мой; вовеки теперя я ни в чем не буду нуждаться! Только Ты упокоишь меня на тучных полях и уведёшь меня к водам тихим, обильным, - укрепишь душу мою, направишь меня на пути Правды ради имени Своего.

И когда я пройду долиною смертной тени, я не убоюсь зла, потому что Ты со мной!

Твоя власть, Твоя любовь - они успокаивают меня.

Ты приготовил предо мною трапезу в виду бессильных врагов моих; Ты гладишь голову мою; вот и чаша Судьбы моей преисполнена.

Благость и милость Твоя, они сопровождали меня во все дни жизни моей.

И я пребуду в доме Господнем - многие дни!'

Тут Егор и проснулся.

Скрипели борта грузовичка. Ромка-джи, откинув дверь-полог фургона, пытался помочиться на ходу прямо через задний борт. Грузовик оступись, и Ромка-джи с проклятием окатил, как и дверь, так и собственные колени...

Пахло свежими ген-галетами. Савва тут как-то объяснил мимоходом, что 'ген-галетами' их кличут по невежеству. Ничего генетически изменённого в них нет. Нанотех нанотехом... от Установки. Просто прижилось такое название, вот и всё.

После кошмара есть совсем не хотелось и Егор, свернувшись калачиком, просто молча смотрел. Комбинезон потихоньку поддувал приятную прохладу. Под головой уютно покачивался рюкзачок. Зия опять слушал дутар... а приятная, надо сказать, у него записана музыка! - и проглядывал какие-то научные файлы, одновременно потягивая ген-кумыс с двойной дозой глюкозы - это он любил, не меньше, чем науку свою...

Вчера, считай, весь день то с Москвой переговаривались, то с Комбинатом, то со старостой Володей. Слава Господу-Аллаху, на кровную месть они не напоролись, что бы там ни болтали Ромка-джи и перепуганный староста.

Да и рассудить здраво - на кой ляд эта самая месть тому же комбинат-мастеру? Его дело привычное - все секреты только у него... - кто ещё в полщены на Челябинск и Полевской аккумуляторы гнать будет? Много ли их надо? Вон, у Егора в комбинезоне три штуки стоят... ещё от деда. Так они и до внуков, поди, доживут, - благо, что дед их ставил ещё на памяти Егора. Полураспад у них двадцать девять с половиной лет - а прошло всего лет восемь. Тем паче, что это так... на подкачку нанотеха... а солнце сколько даёт? Да всё основное и даёт!

В общем - убралась она с Комбината, и благодарение Иисусу, - а другого, мол, счастья комбинат-мастер, - паразит старый, еретики-гяуры-блядь! - и не ждал от враждебного мира!

Замечательно! Это не нас, значит, травили и давили, и гоняли по вонючим шахтам?

Староста Володя весь день кланчил, чтобы Зия с Саввой на тракт повернули - городской караван встретить. Три раза они от шатун-банд отбивались, - один раз по пути в Челябину, а два - только за последние полтора дня... дядько Саша в бреду лежит. Почитай, полтуловища - сплошной синяк, кровью мочится... эх, Райка-джан - до чего же невезучая баба!

А торганули неплохо, да! И по Сети на счету зашевелилось, и золотыми динарами казанскими взяли - хорошая пожива для всех 'ножиков засапожных'. Да, мол, ещё и из бывших сполох-десантников по пустыне не меньше двух групп шастают... но это уже явно староста Володя врал!

Грузовичок остался там, где его и оставили. Судя по отсутствию трупов, не тронул никто, - и хорошо. Комбинат-мастер, может, и прибрал бы... да кишка тонка у него против Саввы с Зией! Те ещё заранее договорились... а больше - объяснили поганому атом-старикашке, что грузовичок дополнительно прикрыт 'комарами' и, - в случае чего, - Комбинату уж точно не достанется!

Перед глазами Егора снова прошёл мулла-батюшка... Маринка проскакала с новеньким калашом. Косички так по спине и прыгают... экая егоза... и Мама-Галя... и оба глаза у неё! А зелёные-то какие!

И - оба!

'Опять сплю...' - подумал Егор...

У Д А Р !...

...

И не спасли 'комары', не спасли, ведь!..

- Нет, всё-таки Савва успел сдать назад. Он как на гребень вывалился, так и засёк этот проклятый дот. Времени только не было из кабины вывалиться. Вот и вцепились...

- О-о... он н-н-не хот... хот-тел... - пробормотал Ромка-джи, со всхлипыванием. - Н-н-нас п-п-прикры... вал.

- Смерть, значит, как мужик настоящий принял, упокой его Господь-Аллах на тенистых пажитях, - согласно пропыхтел Егор. - Стой, отдохнём маленько..

Тянуть на себе кусок обшивки, на котором лежал умирающий Зия, было тяжело. Да ещё много чего там уместилось... тяжёлого. 'Бери всё!' - говорил дед, - в пустыне живём - каждая мелочь может пригодиться.

'Хитрый' дот ещё минут десять забрасывал их развороченный грузовик навесными минами... прямо через гребень бархана. Слава Господу-Аллаху, достал он грузовик на пределе зоны охраны, - и прямо в кабину, гад, врезал, не промазал! Компьютер дота, видимо, счёл нерациональным долбить наугад и теперь просто ждал, появятся ли на гребне другие враги. Он так может и год простоять, озираясь. А может, и сразу в песок ушёл, только рецепторы выставил повыше. Старинный дот... без 'комаров'. 'Комаров' у него не было, это точно... иначе бы им не уйти никогда. Дождя бы наиболее точной информации, определил, что цель одна и... хоп!

Егор плюхнулся на песок и деактивировал ларинги. Зия бредил... и слушать его бесконечный монолог было невыносимо. Ромка-джи, правда, свои ларинги не отключал, слушал. Но это - известное дело - Ромка-джи, что с него взять! Контуженный, - по сию пору под себя ходит, как прижмёт. Бредёт-то еле-еле, заикается... да ещё приступы эти, шайтан их сгнои... а всё слушает и слушает.

- Умрёт Зия, - устало пробормотал Егор.

- Ум... м... мрёт, - тихо согласился Ромка-джи. - П.. п... п...

- Позвоночник, - не выдержал Егор, - позвонок переломан, да?

- Угу... - буркнул Ромка-джи.

Солнце палило невероятно. Комбинезон едва справлялся. Егор почти сразу после обстрела перевёл его в режим сбора влаги и теперь за спиной неприятно хлопал влагосборник. Дышать через повязку влагосборника было погано... но куда деваться? Почти вся вода и ген-кумыс давно впитались в песок пустыни... испарились невидимыми капельками... паром небесным, ангелам в радость...

- С-с...спи, - выдохнул Ромка-джи.

Ага... спи! Начнёт Ромку-джи припадок крючить, и кто ему поможет? Да и сторож из него в такой момент - как из верблюжьего дерьма - пуля. Да и Зия очнётся, как всегда, не вовремя, когда Егор трупом лежит... нельзя спать. Встали... пошли! Пошли, говорю! Что ты там роешься? Не видишь - одни клочья остались от Саввы, упокой Господь-Аллах его душу среди праведников! И голову, голову оставь, дурак! Что? Нет, Маринка, мы атомы-радиацию несём... комбинат-мастер нам её подсунул... да вы не волнуйтесь, Мама-Галя,

двухлеток продали... будет вам глаз... и Маринка умывается... капли под солнцем дрожат на ресницах и носике. Скоро ей пятнадцать, Мама-Галя... замуж пора... а дед дугара не любит, зря Зия ему включил... ангелы...

'Ангелы в небесах - всю Россию крылами объяли' - сказал мулла-батюшка.

Егор проснулся оттого, что Ромка-джи мычал. Натужно мычал, страшно. Выгибало его дугой, сворачивало всё худое тело жгутом... эх, шайтан, язык! Язык бы не прикусил! Ах, как же это я заснул-то, а?

Болело всё тело, а особенно ломило в висках... вот беда.

Ромке-джи мы поможем... и Зию дотащим, хватит сил...

Кто, вот, только поможет мне - Егору? Дед, ты помоги! Умоли праведников просить Господа-Аллаха! Один я... тяжело...

Старосте Володе Егор сказал всё, как было: грузовик теперь напрочь из строя выбыл, Савву в клочья разорвало, да и Зия - не жилец; что могли, мол, собрали, тащимся теперь к городу. Староста Володя только охал. У них там дядько Саша погибает, тоже, скорее всего, помрёт... и Господь-Аллах вам в помощь, а мы, дескать, дня через три подойдём. Быть может, Егору лучше у тракта дожидаться? Где-нибудь в сторонке затаиться и ждать?

Егор обещал подумать.

А что тут думать? До города и до тракта - приблизительно одинаково. Но до тракта тащиться через поганные места... да и шатун-банды всегда у тракта пасутся, караваны перехватывать...

Нет, уж, пойдём мы напрямки и пусть староста там мулле-батюшку предупредит, чтобы получше следил и выслал им навстречу хотя бы одного-двух человек. И с водой чтобы... и с верблюдом одним!

А Ромка-джи пишет и пишет... пишет всё, что Зия говорит. Мол, надо это знать. Пишет, хотя у него - малый комп... детская игрушка. Часов на сто записи, не более... память маловата. Впрочем, пусть слушает, пишет и запоминает. Меньше о контузии думать будет. А то после его приступов и воды уходит не меряно - отпаивать его... да и при деле всё-таки. Тянуть постромку всё равно толком не может - так, одна видимость...

Долгий же в этот раз дозор получился.

Где-то болтаются сейчас осиротевшие 'комары'. Переключились, поди, на комп Зи... а толку что? Из Зи комп не вытащишь - имплантирован... аккурат в нервную систему... навечно. Так и будут годами 'комары' над его могилой болтаться? Наверное...

Песок шуршит... песок-песок-песок-песок...

Яхты. Они здесь плавали. Неподалёку, во всяком случае. Белые яхты...

- Егор... Ег-г-горка! - голос Ромки-джи болезненно ввинтился в голову заикающимся визгливым переполохом.

- Ну, чего тебе? - устало сказал Егор.

Идти было не так уж и далеко, но Егор чувствовал, что страшно вымотался. Дед как-то говорил ему, что доводить себя в дозоре до истощения может только дурак. Какой из тебя воин, если голова, как колючками набита... и все мысли только о том, чтобы напиться

вдоволь воды и уснуть где-нибудь в тени развалин, накинув капюшон комбинезона и подняв повязку по самые воспалённые веки...

- Что там опять?

- Зия... от...от-тходит он...

Егор никак не мог привыкнуть к новой манере Ромки-джи разговаривать. Какие-то слова он произносил на вздохе, как бы задыхаясь... какие-то - выпаливал ломаной скороговоркой... поди, разбери его, когда в висках и затылке вырос шипастый ген-саксаул... и тычет, сволоочь, прямо изнутри...

Егор остановился. Стараясь не делать резких движений, он устало снял с себя лямку. Место было хорошее - меж двух невысоких барханов. Переменится ветер и прикроет могилу толщей песка - не доберутся ни звери, ни люди. А на сороковой день, когда душа окончательно уйдёт и предстанет перед престолом Господа-Аллаха на суд праведный и беспощадный, останется в могиле только высохшая до хрупкости мумия... телесная оболочка, не нужная более никому, кроме Времени и Тлена.

Егор тяжело встал на колени у изголовья умирающего.

Ромка-джи, - Господь-Аллах, не дай ему снова впасть в судороги! - опустил по другую сторону. Егор приготовился - дел впереди было много: могилу копать, покойного раздевать, молитву читать... комбинезон Зии, шлем его и оружие упаковывать...

"Эй, Егорка, у тебя дед твой, горбатый, помер!" - полузабыто, похоронено и завалено... но знакомо и весело прокричали где-то в голове... прямо за веками... и они внезапно стали тяжёлыми... и мокрыми... шлем Зии с опущенным щитком расплылся... защипало глаза.

Егор промокнул рукавом комбинезона лицо и веки... ткань жадно впитала в себя влагу.

Ромка-джи открыл щиток умирающего. Лицо Зии было красным и сердитым. Он судорожно всхлипывал. Всё его жилистое тело дрожало. Руки вдруг вскинулись к груди беспомощными лапками ген-тушканчика. Лицо напряглось... рот открылся... Зия закричал... и обмяк.

Ромка-джи плакал, поскуливая, как двигатель грузовичка, если заставлять его поднять лапы резко вверх. Егор стал укладывать руки покойного. Всё должно быть по правилам... по правилам и по чести...

... Зия дёрнулся и открыл глаза...

- Где я? - хрипло, но спокойно спросил он и закашлялся.

- Ч-что?.. - заикнувшись от неожиданности ответил Егор.

- Где это 'ч-что'?

- И-и-и... и... и... и... - Ромка-джи утирал нос рукавом; глаза его, круглые и бессмысленные, дико блестели из-под пропотевшего жёлто-пятнистого солдатского платка, косо съехавшего узлом набок.

- А Савва?

- Его и комп не спас бы... вы же говорите - в ключья. Эх, беда-беда, спаси и сохрани душу его неумную, безгрешную... - Зия шумно вздохнул.

Он уже мог немного поворачиваться, хотя и жаловался на постоянное покалывание по рукам и всему телу ниже груди.

- Пальцы толком, может, и не восстановятся, - сказал он. - Слишком много чего в средней части позвоночника наворочено. С месяц только и смогу, что ложку в ухо нести...

да и то - трясущейся рукой. Вот ноги, те должны быстрее...

Ну, это-то понятно. Медицинский нанотех неуклонно сшивал оборванные нервы, пытался изолировать многочисленные кровоизлияния, проращивал новые связи, взамен утерянных... но не святым же духом! А там, в позвоночнике, как в толстенных кабелях на Комбинате - миллионы жил, жилок и проводков!

Ох, и исхудал Зия - сколько же приходится нанотеху энергии с его тела брать? Генкумыса бы ему сейчас, воды побольше, мяса и ген-галет! Ну, ничего, ждать немного осталось. Не утерпел Егор, сразу же сообщил старосте Володе... под несвязные крики Ромки-джи говорил - тот всё пытался неуклюже, как покалеченный верблюжонок, скакать и прыгать, а потом взял Зию за руку и заревел... смешной такой...

Впрочем, у Егора у самого глаза на мокром месте были. Не каждый день видишь, как человек из лап Азраила, Ангела Смерти вырывается. Буквально из самых лап его загребущих, когтистых, - да не будут они названы долгие годы!!

Конечно, пострадай мозг, ничего бы нанотех, направляемый вживлённым в Зию компьютером, не сделал бы. Получилось бы из Зии, - в самом страшном случае, - нечто вроде зомби. Дед рассказывал, как бродили по земле такие, когда он совсем пацанёнком был. Тело, - возблагодарим Господа-Аллаха за медицинский нанотех! - живо и процветает, да только кроме простейших рефлексов - нет ничего. Умерли мозги - души вместилище. Нет человека. Труп ходит. И не гниёт... жуть какая... спаси и сохрани!

Говорили, что даже карачи их стороной обходили. Мол, привяжи такого рядом со стоянкой - ни один карачи и на милую не сунется. Врало, конечно. Дед такого ни разу не видел... чтобы кто-то где-то зомби привязывал. Наоборот, шарахались, как от огня. Даже стрелять побаивались - было в этих 'живых умерших' что-то столь страшное... 'и живое ещё, да только без души' - обычно заканчивал дед. А уж тогдашние-то батыры не из трусливых были - многое чего повидали - Святой Джихад, знаете ли... чай не с тушканчиками воевали!

- ...И если бы вы, дикарята мои милые, бросили меня там, рядом с грузовиком - была бы мне полная крышка, - шептал в ларингах Зия, когда Егор засыпал.

После такого чуда обязательно надо немного поспать... правда, дед?.. пусть Зия с Ромкой-джи наговорятся. Один еле жив, а второй заикается - надолго же у них разговор затянется... огради их святые угодники от бед и напастей...

А всё-таки скрытные мужики эти учёные. Святая Академия Наук... та же военная разведка и есть.

Из промежуточного доклада Саввы Оной-вана, сполох-десантника тайнороты 'Динар' в чине имама-доктора Святой Академии Наук.

Файл от: 16 июля, 2198 г.

Начитка. Не обработано.

'... сам факт представляется мне вполне тривиальным. Суть развития института карачи за сто лет нисколько не изменилась. От миротворцев-наблюдателей они стремительно деградировали до банальных полицейско-шпионских функций. Сообщения из Автономии Якут-Соха, Тикси, Дудинки, Капуст-Яра... э-э-э... и так далее, включая, кстати, и наблюдения туземца Егора в районе Каслей, складываются в единую картину, и вполне укладываются... чёрт-шайтан... 'складываются-укладываются'... ложатся... кхм...

прогибаются... э-э-э...

Эти сообщения укладываются в общую картину - карачи прекращают деятельность на уровне макро-роботов автономно-зависимых от Демон-сети. Теперь на сцену выходит новый тип - глобальное нано-присутствие. И это - уже свершившийся факт. Споры окончены.

(пауза, слышно, как поскрипывает двигатель)

Наверное, это означает крах всех наших надежд вырваться из опекаемо-охраняемых пелёнок.... А точнее - прутьев клетки. Если ранее ряд наших мер по изоляции научно-политических обсуждений и принятия решений приносил свои плоды, то теперь об этом можно забыть... можно уже вскоре забыть. Нано-карачи отныне будут присутствовать везде. Естественно, что наши страхи по поводу мгновенной, в масштабах полушария Веры-Истины, перестройки карачи на повальное истребление людей, от этого становятся только сильнее. Однако, принимая во внимание почти столетнее наблюдение и изучение карачи, я склонен предполагать, что имам-учитель Офеня был прав - в обозримом будущем положение дел не изменится - мы по-прежнему будем переносить унижительное положение туземцев, к которым прибыл Демон-Магеллан.

Мы принимаем от него бусы, иголки и пустые консервные банки... и несём ему ракушки, рабов и золото...

Отменить последнюю фразу. Ничего мы ему не несём... да и получаем безнадежно устаревшее старье... если получаем.

Последнюю фразу убрать.

Итак, в обмен на бусинки и иголки мы не отдаём ничего, кроме своих новорождённых талантов и гениев... а их, похоже даже в Демонском полушарии в пробирках выращивать не научились. От роботов-миротворцев до наблюдателей и 'гасителей' научно-технического прогресса... не всех его составляющих, а только тех технологий, кои способны... э-э-э... поставить нас на одну доску с закрытым Демонским полушарием...

При наших попытках определённого прорыва в технологии - подчеркнём, в технологии, а не в теоретических изысканиях... шайтан, как звучит-то унижительно!.. мы... мы тотчас оказываемся в жопе, дорогой и любимый президент-эмир - вера, опора, надежда!

Убрать последнюю фразу.

Отныне - глобальное... я подчёркиваю - глобальное нано-наблюдение... и, как и прежде, немедленная реакция карачи на всё то, что мы тут... шайтан!.. всё, что мы можем наковырять. Вот так-то, ваше величество...

Убрать последнюю фразу.

Текст переслать. Кодировать по сегодняшнему стандарту. Доступ: Елена, Зия, Шульгатый.... Отмена 'Шульгатый'!..

Дополнительный доступ: Президент-эмир, лично. Президент-эмир Академии, лично. Особый доступ: Фатима-джан. Вместе с удалёнными фразами. Прочтение Фатимой-джан данного файла - не регистрировать, перезапись без перекодирования запретить, пароль прежний. Добавить: Фатима, солнышко, я тебя люблю! И нежно-нежно целую. До связи, милая моя зайка!

М-да...

(пауза)

Так.... Едем дальше. Касаемо фокусировки зет-полей сканирования. Ага... пишем: при введении переменной фита-прим с плавающим коэффициентом дивергенции в систему ходжа-уравнений, попытка интегрирования по всем обтекающим кривым в диапазоне от... э-э-э... оставим пока пробел... пусть Зия не выёживается и конкретненько так, нам это скажет... хе-хе!.. значит, эта попытка приводит к определённому математическому

парадоксу... который я ехидно назову 'дурак-парадокс имени Зии'...

Мулла-батюшка удивил Егора. Даром, что грозен и нелюдим. Но, ведь, лично прибыл, как раз в момент окончания привала, когда Егор тоскливо подумывал о том, чтобы продлить его ещё на полчаса.

И слава Господу-Аллаху, что прибыл, а то Егор совсем уж вымотался. Да и Ромка-джи еле-еле тащился. Дошли бы, конечно, что там говорить, - ползком, но добрались бы... но... всё равно - молодец мулла-батюшка, истинный воин и священнослужитель!

Самое смешное, что вместе со священником и Маринка прикатила. Вот уж не было печали! Перед девушкой её красоты надо орлом смотреться. Этаким крепеньким ген-саксаулом... зелёным и в пупырышках. Чтобы кудри по ветру и грудь колесом! А Маринка спорхнула с верблюда именно в том момент, когда у Егора болезненно ворочалось в животе нечто неужённое... и тошнило, как Иуду.

Одно утешение - Ромка-джи и вовсе спал в надвинутом капюшоне и укутанный повязкой по самые глаза. Дёргался во сне, стонал... бедолага. А за компанию и не так обидно паршиво выглядеть, правда? Тем паче, что выходили они с Ромкой-джи кругом героями. Так сказать, по самые уши. Теперь на всю жизнь будет что рассказывать!

Мулла-батюшка сразу же начал осмотр Зии. Подивился тому, что тот крепко спит. Потом прикинул, что, скорее всего, именно сейчас медицинский нанотех взялся за наиболее болезненные жилки и посему усыпил пациента надолго. Егора похвалил за то, что тот обильно поил Зию, не поскупился на воду. Заворчал, когда Егор попытался, было, выглядеть орлом и, - вкалывая что-то Зие в шею, - велел Маринке Егора не щадить и проделать с ним всё то, о чём он ей в дороге говорил. Егор напрягся, но ничего страшного не произошло. Маринка просто воткнула ему иглу прямо сквозь рукав, а потом наклонилась над его лицом и, надавив на плечи руками, спросила:

- Сколько Маринок видишь?

- Одну... - недоумённо ответил распротёртый на песке Егор.

Нос у Маринки остренький, чуть-чуть курносый. На лбу крохотные капельки пота... так бы и попробовал на вкус... и солнце вокруг головы, как нимб у святого сияет. Красивая...

- Одну он видит! - серьёзно сообщила Маринка мулле-батюшке, - Других, говорит, таких, на свете нет!

- За периметром лучше следи, - заворчал священнослужитель, осторожно открывая лицо Ромки-джи. - Поди, не дома. Вот в городе нашуткуешься со своим милым...

Ромка-джи застонал.

- Ну-ну... тихо, тихо... Слышь, Егор?!

- Да, мулла-батюшка!

- Он кровью мочился?

- Вроде, нет... - смущённо ответил Егор, скосив глаза на Маринку. Вставать не хотелось. Хотелось лежать и смотреть, как она оглядывает окрестности с торчащего из песка раскалённого валуна, в тени которого раненная и контуженая тройца отлёживалась вот уже второй час.

Ромка-джи закашлялся.

- Всё-всё... спокойно... - прогудел мулла-батюшка и поднял Ромку-джи на руки. - Маринка? Как там? - выпрямившись во весь рост, спросил он

- Чисто... вроде.

- 'Вроде'... учишь вас, учишь... овцы кур-р-рдючные!

- Да чисто, чисто, дядя Коля!

- Дома я тебе 'дядя Коля'... а здесь - командир!

- Чисто, командир! - Маринка спрыгнула с валуна и отдала честь розовой ладошкой. Егор, кряхтя, сел.

- Зря кряхтишь! - сказала ему Маринка, помогая встать. - Я в тебя верблюжью дозу вприснула! Ты теперь как ниндзя скакать и прыгать можешь... и вместо верблюда всё на своём горбу тащить!

Из-под её армейского шлема выскользнула коса и Егор, сам того не ожидая, вдруг развернул Маринку за плечи и быстро поцеловал её куда-то в скулу.

- Потом начеломкаетесь! - рявкнул мулла-батюшка. - Маринка, шайтан-девка, быстро в дозор!

Совсем, как Мама-Галя, когда упрямылась, Маринка отвернулась от священника, капризно дёрнула плечиком, поцеловала Егора в губы - едва коснулась... но Егору показалось, что земля и солнце на мгновение прокрутились вокруг него, слившись в огненное колесо... - и вскинув калаш по всем правилам, прикладом к правому плечу, опустила щиток шлема и быстро скользнула вперёд, в дозор.

На песке остались её маленькие аккуратные следы.

Иисус-любовь! Егор бы упал и поцеловал их... но было неловко перед открывшим глаза Ромкой-джи.

Тихо бренчал дугар. Зия допил ген-кумыс и трясущейся рукой утёр губы. За стеной привычно заорал младенец. Егор, потупившись, смотрел в пол. Полоса жёлтого света тянулась через всю комнату к стене. В углу комнаты, в темноте мерцала невиданной красоты башня. Белые облака над ней сияли. 'Гонконг' - непонятно темнела надпись... и дальше что-то совсем уж несуразное на демонском языке.

Зия остановил запись.

- Саввы нет, - сказал он. - Тот был великий знаток истории. Жаль, не успел он с вами, ребятней, толком поговорить.

В противоположном углу шевельнулся староста Володя.

- Соплякам мудрого не открывай, - скрипуче произнёс он, - не доросли ещё.

- Не мудрее нас будут, - прошептал Зия, откинувшись на подушки. - Ты сам говорил... - он осторожно кашлянул и голос его окреп, - вот чёрт, в почках ещё пока отдаётся... Ты, староста, сам говорил, что жизнь ваша прежняя прекратилась. Не уйти от жизни-то...

- Посмотрим, - спокойно ответил староста и встал. Он повздыхал, прошептал короткую молитву, похлопал Ромку-джи по руке и убрёл, обронив на прощание:

- Во многие мудрости многие печали. Пусть живут, пока молодые, - жизни радуются.

- Ничего, боевая юность России... их не так-то просто правдой сковырнуть, - сказал Зия слабым голосом. - Маринка, дай-ка мне ещё чашечку?

- Угу... - Маринка сняла с плеча руку Егора.

- И м-м-мне... - подал голос Ромка-джи.

- Описашься! - отрезала Маринка. - Лежи и не жужжи! Дядя Коля сказал, что ещё два дня лежать надо. А ты опять ночью до ветру потащишься!

- Да всего-то третью чашку прошу, - недовольно заворчал Ромка-джи. - Зия, вон, уже четвёртую пьёт! И потом, что бы мне до ветру не сходить? Что я должен, в чайничек сикать?

- Именно, - рассеянно сказала Маринка, помогая Зие поправить подушку. - В чайничек, в баночку, в штанишки... постельный режим! Зия, вам удобно?

- Удобно, красавица, удобно. Спасибо! Ну-с, сполох-десант деревенский, поехали дальше! Здесь у меня файл есть... специально для вас вытянул. Но учтите, староста не зря ворчит. Это, так сказать, не для детского ума! И вообще, запрещённая тема. В Москве

меня могли бы запросто прижучить... так что не болтайте потом, где ни попадя.

- Спаси Господь-Аллах! - тотчас горячо отозвался Ромка-джи. - Что мы, не понимаем, что ли?

Егор молчал. Маринка снова уселась рядом с ним, и он обнял её за плечи, укрыв прохладным одеялом. Говорить и думать не хотелось. Хотелось целоваться.

Эх, Ромка-джи, не видать тебе теперь Маринки, как своих лопоухих ушей!

Ну, да ничего... он теперь горит весь! Каждый вечер Зия что-нибудь новое рассказывает и показывает. Говорит, что нельзя, мол, более в дикости жить. Надо, говорит, и о мире больше знать, и о нашем месте в нём.

А наше в нём место хорошее... с Маринкой рядом...

Егор украдкой поцеловал Маринку в шею и почувствовал, как вспыхнули её щёки. Она повернула голову и еле слышно жарко прошептала Егору в ухо: 'Руки убери!' ... отчего Егора как будто пробил разряд - так это было замечательно!.. И захотелось сграбастать Маринку целиком и утащить куда-нибудь подальше от файлов, Зии, истории и Ромки-джи...

...Ох, сколько всего может за три месяца произойти! Господь-Аллах, и не поверишь! Дядьку Сашу похоронили... Райка-джан плакала-плакала, а потом вдруг закинулась - еле еле старухи её от тела оттащили... вот жуть-то была!

На Установке пришлось неделю вкалывать, пока аврал не закончился - попёрла непонятно откуда вонючая дрянь, - пока её откачали, да все корни-каналы промыли, да новые режимы задали - приходил домой уставший и перемазанный, как шайтан... Мама-Галя кормила. Смешно, но протез глаза у неё оказался синим - зелёных-то не было. Привыкает. Говорит, что отвыкла от объёмного зрения. Красивая стала - просто ослепительно... несмотря на разные - колдовские прямо! - глаза.

В дозор шесть раз ходил. Недалеко, правда. Но благодаря Саввиним камерам целый сектор теперь на движение просматривается, можно и ближе дозорить.

Верблюд ничейный забрёл - еле поймали. Здоровый такой... рваная рана в боку. Но выходили. Куяшские мужики за него хорошую плату дали. Овцы болели... но, это, уж как водится летом и осенью. Дождь, вот, три раза был. Ген-саксаул сразу зацвёл и теперь по вечерам даже голова кружится от благоухания.

Слух прошёл, что опять хунхузы в степях с Полевским сцепились из-за пастбищ. Другой слух появился, как всегда, к осени - мол, Китай хунхузский Москве в очередной раз платить дань за Сибирь отказывается. Да, похоже, опять брехня.

А самое главное - свадьбу сыграли с Маринкой! И весь мир теперь был теперь где-то рядом... но не совсем.

А рядом всегда-всегда была она, - сумасшедшее счастье и радость каждого дня и каждой ночи. Повязала Маринка повязку на манер Мамы-Гали, фыркнула на старух, пытавшихся ей втолковать, что, мол, не по-женски это, - и не расставалась с калашом - гурия-воительница, да и только!

И любил её Егор, как никто никого и никогда на свете.

Хор-р-рошая жизнь началась!

Зия на поправку пошёл, с палочкой теперь ходит. В Совете заседает, - сам староста

Во-о-он они, карачи...

'Это не просто роботы-наблюдатели. Это, брат, те ещё сволочи! Помнишь, сколько их у Комбината? Смотрят... гады. Следят. Вдруг мы чего учудим? - сказал Зия. - Мудрое решение! Никакой гонки вооружений, никакой - даже гипотетической - конкуренции! Мечта Конфуция-лжепророка!'

'А Демонская Сеть?' - спросил его Ромка-джи.

'А мы, мой милый дикарёнок, её никак вскрыть не можем! - яростно отозвался Зия. - Она есть. Валяй, настраивайся! Только уровень программирования там другой, понял?'

'Так значит, я мог к демонам попасть...' - с непонятной интонацией сказал Ромка-джи.

'Мог. И должен был. Потому что единственное, чего, по моему разумению, не могут пока в Демонском Полушарии - так это выращивать гениев. А гений - это работа штучная и ценится во все времена. Это, брат, от Господа-Аллаха и никак иначе! И это - наша единственная и самая невосполнимая дань!' - зло... чересчур зло ответил тогда Зия...

'А что, у них своих нету что ли?' - пробормотал Егор.

'Есть. Генетически они ничем от нас не отличаются. Те же люди, что бы там ни говорил ваш староста. - Зия осторожно повернулся на спину и закрыл глаза. - Однако таланты и гении, пропадающие без дела - слишком большое расточительство'.

...и Ромку-джи с тех пор, как подменили.

Егор отполз назад. Ладно... пусть карачи стараются. В конце-то концов, дело не в том, летают демоны в космос, или живут так же, как и мы. Пусть летают. Луна... Марс, орбитальные заводы.

А по Егору - так, вон, мулла-батюшка, правильно говорит - мол, все мы из земли вышли и в землю прахом уйдём. Души наши, ежели безгрешны, силу ангелов обретут - и безразличие к делам плотским, земным. А сила у ангелов много больше, чем человеческая. Вот тогда-то и налетаемся.... взявшись с Маринкой за руки.

Егору вдруг представилось, как вместе с Маринкой они взмывают ввысь, мимо Луны и Марса... прямо к тёплому, не жгучему солнцу... оставляя внизу Землю с её зелёными полосками лесов вдоль Северного Ледовитого океана... с неизвестной оттаивавшей Антарктидой. Землю, с её войнами и набегами, раздорами и чересполосицей, талантами и бесталанными.

С её разделением на людей и демонов... которые вовсе и не демоны. И есть там, у них, - наверняка, - свои демонские Маринки и Егоры...

Егор активировал ларинги и сообщил старосте, что возвращается. Сменщик Карим уже должен был ждать его в условленном месте. Время дозора подходило к концу, и ноги сами несли в город, где ждала самая прекрасная девушка на свете... где ждал ещё не рождённый сын.

Зия говорил, есть племена, где детей специально относят к карачи. Карачи-культ. И если те не забирают ребёнка - все поют и пляшут. Мол, - ура! - считай, крещён и право на жизнь получил.

- Не-е-т, - громко протянул Егор, - это уж хрен вам!
Калаш привычно оттягивал плечо.

'А вдруг сыночку нашему будет там, у демонов, намного лучше, чем здесь, в пустыне?'

- тихо-тихо прошелестел голос Маринки.

'Мы не сделаем вам ничего плохого! Вашему ребёнку ничего не угрожает!' - тотчас воззвали карачи из другого уголка памяти.

'Нет, любимая моя девочка, - ответил ей Егор, - нет. Не отдам!

Это - мой - сын!'

Андрей Силенгинский

Где найдешь, где потеряешь

– Пойми же, Сергей, твое упрямство может очень навредить тебе! – В голосе Ухао слышалось искреннее желание помочь. По крайней мере, транслинг перевел невнятное бухтение туземца именно с такой интонацией. – Оно может настроить завтрашний Совет недружелюбно по отношению к тебе. Почему бы тебе ни ответить на простой вопрос?

– Есть ли у меня мрайд? – сидящий на земляном полу деревянной хижины человек поднял голову и посмотрел в лицо туземцу.

– Ну да! – радостно забулькал тот.

Сергей засунул обе пятерни в копну нечесанных русых волос, закатил глаза и глухо застонал. Ухао, еще не научившийся разбираться в человеческих жестах и мимике, недоуменно смотрел на него. Между тем, Сергей не пытался изобразить отчаяние. Он действительно это отчаяние испытывал.

Когда сутки назад его звездолет совершил на этой планете вынужденную посадку... Нет, лучше называть вещи своими именами. Когда сутки назад ржавая кастрюля, названная каким-то шутником звездолетом, окончательно утратила способность летать и грохнулась на чудом подвернувшейся поблизости кислородной планете, Сергей наивно полагал, что ему повезло. Причем трижды.

Конечно, сам факт выхода из строя двигателей корабля никак нельзя назвать счастливым стечением обстоятельств, но что делать, если стоимость новеньких "мерседесов" и "бумеров" входит в непримиримое противоречие со скромной зарплатой коммивояжера? Беда с его старушкой могла приключиться где угодно, и то, что он смог дотянуть до ближайшей пригодной для человека планеты, есть везение под номером один.

Остался жив после того, как его "Дэо-Спэйс-31" пропахал в местном лесу просеку длиной километра полтора – вот вам еще одно везение. Десяток синяков, пошедшую носом кровь и расшатавшиеся два передних зуба и нервную систему Сергей решил не принимать в расчет.

И, наконец, третье везение – устройство гиперсвязи осталось целым и невредимым. По какой-то нелепой случайности, по недосмотру Судьбы. Убедившись, что связь не только есть в наличии, но и вполне устойчива, Сергей был не просто удивлен, он был поражен до глубины души. Немало поколесив по галактике, Сергей скорее поверил бы в нарушение какого-нибудь фундаментального закона природы, чем в то, что не сработает закон Мерфи. "Если какая-нибудь неприятность может случиться, она случается". В незыблемости этой строгой формулы не станет сомневаться ни один здравомыслящий человек.

Однако, нет правил без исключений. В этом Сергей убедился, набрав девять-один-один и услышав ответ. Во сколько ему обойдется экстренный вызов службы спасения, лучше

было не думать. В конце концов, жизнь человека стоит гораздо дороже, как говорил один известный киллер.

Через пару часов Сергей уже не был в этом так уж уверен. Ему не давали покоя финансовые перспективы, точнее их полное отсутствие. Звездолет или то, что от него осталось, придется продать, чтобы расплатиться со спасателями. А без звездолета – какой он коммивояжер? А что он еще умеет делать, кроме как втюхивать дремучим колонистам различные "суперновинки" современной техники? Ответ больно бил по самолюбию. Ничего. А это значит биржа труда, случайные заработки на неквалифицированных работах и отсутствие всякой надежды вернуть хотя бы те немногие радости жизни, которые он позволял раньше.

И вот именно тогда, когда он накладывал последние густые мазки черной краски на картину своего будущего, Сергей посчитал, что ему повезло в четвертый раз. Если бы его мозг не находился в шоковом состоянии после аварии, он бы заподозрил неладное. Три удачи подряд – это уже чересчур, а четыре... Так просто не бывает.

Приди Сергей немного в себя, он, завидев в обзорный экран стоящих неподалеку туземцев, наглухо забаррикадировался бы в корабле и спокойно ждал спасателей. Но нет, Сергей увидел в туземцах, на право торговли с которыми еще не успела наложить лапу ни одна из крупных земных монополий, решение всех своих материальных проблем. Даже больше, чем просто решение проблем – где-то на горизонте замаячило богатство. Он ясно представил себе, как после долгих уговоров соглашается обменять кое-что из бесценных сокровищ, хранящихся на его корабле, на два, нет три килограмма вот этих вот блестящих камушков. А в нагрузку возьмет – само собой, только в виде одолжения – парочку этих нелепых безделушек. О, он никогда не умел торговаться, и, безусловно, его бессовестно надули, но...

Но следовало поторопиться. Сергей выдернул себя из сладких грез. Пора обратить их в реальность, пока не подоспели ребята из службы спасения. У них непременно будет договор с каким-нибудь концерном, и Сергея удалят с планеты быстрее, чем он успеет заикнуться о своих правах.

Сергей в спешном порядке покинул корабль и направил свои стопы в сторону местных представителей разумной жизни. Не был ли этот поступок несколько рискованным? Безусловно, был. Но Сергей хорошо помнил древнюю восточную мудрость, которую не раз слышал от своего приятеля Абу Фатха аль-Махмуда: "Не подвергнув себя риску, ты никогда не испытаешь блаженства от вкушения божественного нектара".

К тому же, туземцы были щуплыми, едва доставали ему до плеча и выглядели очень тихими и добродушными. Копья, которые они держали в руках, выглядели скорее ритуальными украшениями, чем оружием.

Первые часы общения полностью уверили Сергея в том, что его оценка туземцев была справедливой. Более кротких, милых и приветливых существ он не встречал с тех пор, как два года назад ему взбрела в голову блажь посетить японский публичный дом.

Язык местных жителей оказался, судя по всему, довольно простым. Транслинг сначала молча впитывал в себя бормотание туземца, вышедшего вперед, но уже через две-три минуты начал переводить первые слова на русский. Не прошло и получаса как представители разных рас непринужденно болтали. Транслинг не только не вызвал у туземцев суеверного ужаса, они практически сразу догадались о его функциях и, задав вопрос, во все свои три глаза смотрели на маленькую плоскую коробочку на груди землянина, ожидая перевода.

Из этого Сергей заключил, что туземцы не так уж примитивны, хотя и ходили полуголыми и жили в постройках, больше всего напоминающих сараи. Прикинув про себя, хорошо это лично для него или плохо, он пришел к выводу, что в этом есть и плюсы, и минусы. Плюсы в минимизации риска закончить свое брренное существование на

жертвенном алтаре какого-нибудь чужого бога. Минусы... что ж, возможно, торговаться с туземцами будет не так просто, как казалось.

К вопросу о взаимовыгодном обмене Сергей как раз и подводил разговор. Туземцы, как ему показалось, полностью поддерживали эту идею. И вот как раз в тот момент, когда Сергей, как можно вежливее отказавшись от предложенного обеда, состоявшего по большей части из личинок какого-то местного насекомого, взял быка за рога и заявил о своей готовности приступить непосредственно к процессу взаимного обогащения, все и случилось.

Туземец, который практически в одиночку вел все переговоры – Сергей уже знал, что его звали Ухао – задал вопрос:

– Сергей, у тебя есть мрайд?

– Что-то у меня есть? – переспросил Сергей, досадуя на необходимость тратить драгоценное время на игру в вопросы и ответы.

– Мрайд, – четко повторил Ухао.

– Мрайд, – так же четко донеслось из транслинга. Это означало, что такого слова нет в его словаре.

– Извини, Ухао, я не знаю, что такое мрайд, поэтому не могу ответить на твой вопрос. Давай все-таки обсудим...

– Но Сергей, ты должен ответить на этот вопрос! – впервые в голосе Ухао проявилась настойчивость.

– Должен? – удивился Сергей. – Почему?

– Мы не можем причислить тебя к людям, пока ты не скажешь, есть ли у тебя мрайд.

– Вот оно что! Так объясни мне, что такое мрайд. – Сергею действительно стало интересно, что же это за мерило, отличающее людей от всех остальных. – Иначе я не смогу ответить, есть ли он у меня.

– Все люди могут ответить на этот вопрос, – Ухао был непреклонен.

Сергей вздохнул. Все-таки туземцы оказались не такими умными, как он посчитал вначале.

– Ухао, посмотри на меня, – туземец с готовностью выполнил эту просьбу. – А теперь на себя. Не замечаешь ли ты между нами кое-каких отличий?

Интересно, есть ли у этих трехглазых, большеголовых, покрытых желто-зеленым мехом существ такие понятия как ирония и чувство юмора? По ответу Ухао определить это было невозможно.

– Конечно, Сергей, мы сильно отличаемся друг от друга. Но не внешний облик делает человека человеком.

Да, а склонность к философскому мышлению определенно просматривается.

– Правильно, Ухао, правильно! Но я говорю немного о другом. Глядя на меня разве сложно понять, что я прибыл из очень далеких земель?

– В этом не может быть сомнений. Мой народ занимает огромную площадь, – хвастун! – но мы никогда не встречались с подобными тебе.

– Так почему ты не допускаешь, что мой народ может не знать, что такое мрайд?

Туземцы, как показалось Сергею, напряглись и покрепче взяли за свои копыя, поэтому он решил немного сменить занимаемую позицию.

– Ты не совсем правильно меня понял. Просто мы говорим на разных языках, ты же заметил, что наши слова переводятся вот этой штуковиной, – Сергей ткнул себя в грудь. – На этот раз она не справилась с переводом и не смогла перевести для меня слово "мрайд". Вернувшись домой, я обязательно подам жалобу на ее изготовителей.

Сергей представил себе, как предъявляет эти нелепые претензии могучей "Ай-Би-Эм" и не смог удержаться от улыбки.

– Слово "мрайд" не нуждается в переводе, – безапелляционно заявил Ухао.

Тяжелый случай! Пожалуй, переубедить его будет совсем непросто. Интересно, а без этого ничего не получится?

– Ухао, если я не смогу ответить на твой вопрос, неужели вы откажетесь торговать со мной?

Туземец выдержал паузу. Сергей полагал, что тот рассматривает вопрос о возможном исключении из правил, и мысленно скрестил пальцы. Когда Ухао заговорил, транслинг перевел его слова таким мрачным тоном, что у Сергея по спине побежали мурашки.

– Все намного хуже, Сергей.

– Что значит хуже?! Вы же не собираетесь, – он сглотнул, – казнить меня только за то, что я не понял одно ваше слово?

По толпе туземцев прокатился гул.

– Сергей, разве мы похожи на варваров? – укоризненно спросил Ухао. "Очень даже", – мысленно ответил Сергей, но вслух этого, разумеется, не сказал. – Казни у нас отменены давным-давно.

Хоть за это спасибо, – подумал Сергей. Однако Ухао продолжал.

– Если ты не докажешь, что ты человек, ответив на наш вопрос, на тебя будет объявлена охота, как на дикого зверя.

– Объявлена ЧТО? – У Сергея под рукой не было зеркала, но он готов был поспорить, что его волосы встали дыбом.

– Честное слово, Сергей. – Ухао прижал руку к груди вполне человеческим жестом. – Мы будем очень огорчены.

– А уж как я-то буду огорчен, – пробурчал Сергей себе под нос. Транслинг все же решил перевести его слова. Ухао ответил.

– Я догадываюсь. Но так надо. – Вы только посмотрите на этого героического борца за идею! Конечно, охотиться-то не на него будут.

Иногда наступает такой момент, когда возникает необходимость в решительных действиях – надо делать ноги. Как можно небрежней оглядевшись по сторонам, Сергей понял, что этот момент он прозевал. Туземцы, незаметно для него, расположились довольно плотным кольцом. А их копыта служили отнюдь не символами. Сергей это почувствовал всем своим нутром, слава Богу, пока только в переносном смысле.

Дальше события стали развиваться как в плохом кино. Сергей никогда не любил таких фильмов и сейчас с удовольствием бы отказался от просмотра. Тем более от участия. Туземцы отвели человека в тесное помещение, мебелью в котором служили четыре стены. Ухао сказал Сергею, что завтра на рассвете состоится Совет, на котором будет задан тот же самый вопрос. В случае правильного ответа, тут же начнется обмен товарами, в случае неправильного – охота. Отсутствие ответа приравнивается к неправильному.

Сергей, видимо из мазохизма, поинтересовался, как будет проходить охота. Ухао объяснил, что Сергею будет дано время до полудня, чтобы спрятаться или убежать как можно дальше. Затем начнется погоня. Забрезжившую было надежду Ухао сразу же убил, извиняющимся тоном пояснив, что все пути к звездолету будут перекрыты.

Охоту Сергей не любил еще сильнее, чем глупое кино про инопланетян, но только в тот момент осознал всю глубину своей неприязни.

Потом его оставили одного. Ухао навевался приблизительно каждый час. Разговор их протекал по одному и тому же сценарию. Туземец уговаривал Сергея ответить на простой вопрос, землянин пытался вытянуть из Ухао хотя бы намеки на то, что же такое этот мрайд. В конце концов, Сергею это надоело, и он перестал реагировать на набившие оскомину реплики, а просто молча сидел, уставившись в пол. Когда наступила ночь, визиты Ухао прекратились.

Это помогло Сергею получше сконцентрироваться на своих мыслях. Впрочем, больших дивидендов это не принесло, мысли ходили по кругу.

Как ответить на вопрос, есть ли у него мрайд, если не имеешь ни малейшего представления о том, что это такое? Совесть? Наркотики? Двенадцатиперстная кишка? Гадать можно сколько угодно, ни на йоту не приблизившись к истине. Остается только завтра на Совете подкинуть монетку и ответить "да" или "нет" с пятидесятипроцентными шансами выжить. С этой мыслью Сергей провалился в беспокойный сон.

Проснулся он сам, буквально за минуту до того, как в помещение заглянул Ухао и пригласил пройти на Совет. Сергей не стал спорить, гораздо приятнее идти самому, чем под подгоняющими тычками остриев копий.

Совет проходил на открытом воздухе, и на взгляд Сергея мало чем отличался от вчерашней беседы. Может быть, народу было чуть поменьше.

Сергей, стоя посреди большой поляны, уже полез было в карман за монеткой, как вдруг в голову пришло решение. Не решение даже, а так, идея о том, как можно попытаться выкрутиться. Нельзя сказать, чтобы Сергей очень уж рассчитывал на то, что она сработает, но это было больше, чем ничего. Достать монету он всегда успеет.

– Скажи Сергей – говорил снова Ухао. Все остальные напряженно молчали. – Есть ли у тебя мрайд?

– Мрайд? – Сергей широко улыбнулся. – Его у меня столько же, сколько у тебя!

Теперь, когда слова были произнесены вслух, они казались донельзя глупыми. Сейчас Ухао попросит его не играть словами и четко ответить на простой вопрос. Когда Ухао выдал серию булькающих звуков, Сергей напряженно вслушивался, словно пытался понять смысл сказанного до того, как услышит перевод.

– Совет можно считать законченным. Думаю, можно уже приступать.

– Приступать? К чему? – похоже, он лишил себя и пятидесяти шансов из ста на спасение.

– Как к чему? – удивился Ухао. – К обмену. Ты говорил, у тебя есть вещь, которая предупреждает о приближении живого существа. Это может нас заинтересовать. И еще...

Туземцы умели торговаться гораздо лучше, чем предполагал Сергей. К тому же, драгоценных камней у них практически не было. Но изделия из золота и платины имелись в наличии, и через пару часов Сергей вполне мог считать себя обеспеченным человеком.

Но одна мысль свербила у него в мозгу, не давая покоя. Когда выставку-продажу можно было считать закрытой – то есть, когда Сергей продал все, что только было возможно – он попросил Ухао задержаться возле звездолета для небольшого разговора.

Туземцы, которые снова стали добродушными и покладистыми, вежливо попрощались и направились в сторону своей деревни, а Ухао остался, внимательно глядя на Сергея. Тот задал вопрос, за ответ на который готов был отдать половину полученных сокровищ:

– Ухао, теперь-то ты можешь мне сказать, что же такое "мрайд"? Потому что, если честно, я представления об этом не имею, – почему бы ни признаться в этом сейчас, стоя перед открытым люком, в который мог зайти только он?

– Я тоже, – спокойно ответил Ухао.

– Что тоже? – обалдело спросил Сергей.

– Тоже не знаю, что такое "мрайд". Это слово не имеет ни смысла, ни значения.

– Объясни подробнее, – жалобно попросил Сергей, чувствуя, что сходит с ума.

– Это был... не настоящий вопрос, – Ухао не хватало слов. – Проверка, задача...

– Тест? – подсказал Сергей.

– Да. Это древний обычай моего народа. Мы задаем такой вопрос всем иноземцам, посетившим нас. Ты дал хороший ответ, один из самых лучших.

– А на тех, кто не найдет хорошего ответа, вы охотитесь? – Сергей не знал, чего в нем было больше, возмущения или желания расхохотаться.

– Нет, что ты! Мы действительно не варвары. Если гость ответит плохо, мы, скорее

всего, не станем с ним торговать. Это решает Совет. А если и станем, то наши цены будут очень, очень высоки.

– А зачем же тогда... – Сергей пошевелил в воздухе пальцами.

– Зачем пугаем охотой? – Ухао вновь не мог найти подходящее слово. Сергей пришел ему на выручку:

– Стимул?

– Точно! Стимул... Хороший стимул, правда?

К удивлению прибывших спасателей, потерпевший аварию не пытался скрыть от них ни информацию о том, что на планете есть разумные существа, ни факта своей торговли с ними, ни того, что успел натрговать. Последнее было совсем уж неразумным. Возможно, он не понимал, что теперь цена за его возвращение домой вырастет чуть ли не вдвое.

Спасенный был весел. Он весело поднялся на спасательный катер, весело болтал с экипажем и весело подписал все документы. Уже в пути он поинтересовался, с какой компанией имеют контракт спасатели. Узнав, что это "АстроМаркет", одна из самых богатых и влиятельных фирм, занимающихся помимо прочего торговлей с неземлянами, спасенный развеселился еще больше.

– У вас есть мои координаты, парни? – спросил он, как будто ответ был ему неизвестен. – Если у ребят из "АстроМаркета" возникнут какие-либо проблемы при торговле... о нет, я уверен, что у них не бывает никаких проблем, но если вдруг... Так вот, в случае чего, разыщите меня. Кто знает, может быть, я смогу быть им чем-нибудь полезен.

Алексей Кузнецов

Телевизор

Мысли о зиме доводили Семена до дрожи. Бежать надо было сейчас, пока не кончилось гнилое лето. Тогда прощай навигация, прощай Большая земля. Никто не будет снаряжать спасательную экспедицию, чтобы вывезти с точки его, подыхающего от тоски. Он с фельдшером Борисом Ильичем будет здесь хлебать спирт, от которого с утра жить не хочется, пока снова не тяпнешь. И однажды весь проспиртованный, незамерзающий Борис Ильич найдет бедного гидролога Семена, очокурившегося где-нибудь в сугробе, приволочит к домику и забросит на крышу до следующей навигации, чтоб не попортили собаки.

Щелк-щелк. Светло-темно.

Снова щелк-щелк. Светло-темно.

Веки размыкаются-смыкаются, снова размыкаются. Долбаный полярный день! Светло круглосуточно, как в раю. А выглянешь в окно – выть хочется. С одной стороны болото, с другой море. Вместо Солнца выгянет иногда у горизонта мутный светящийся кукиш и, не успеешь разглядеть, снова щелк!.. Безлюдье, безвременье.

А ведь хотелось же после учебы попасть на край земли! Хотелось, чтобы жестокий демон Севера вызвал Семена на смертный бой, как в рассказах о мужественных полярниках. А он вместо этого накрыл его рюмкой, словно клопа, и теперь спокойно наблюдал, как тот внутри психует и мучается. Здесь нельзя с друзьями вечером попить пива. Здесь нет вечеров. Вместо пива спирт, который зимой не превращается в лед. А

вместо друзей фельдшер, в пьяном состоянии страшно нуждающийся в общении. Больше Семен тут никому не нужен, потому что «умный слишком».

Борис Ильич недавно отремонтировал ему телевизор. Это единственное окно в мир сносно принимало одну программу, а неделю назад что-то в нем щелкнуло, и окно померкло. Семен стучал по нему, мял антенный шнур, но безрезультатно. То же самое проделал вначале и Борис Ильич, и с тем же успехом.

– Не унывай, Сема, – сказал он тогда, – раз не помогает терапия, будем оперировать. У тебя паяльник есть?

– Паяльник есть, олова нет.

– Обойдемся без олова. Ты давай пока отверткой поработай – заднюю стенкуними.

Пока паяльник грелся, Борис Ильич молча курил, разглядывая пыльные внутренности захворавшего телящика.

– Конденсатор! – заключил он вскоре, – Тебе это о чем-нибудь говорит?

– Это из физики, такие две пластины...

– Сема! Это все теория! Практика говорит другое. Конденсатор в телевизоре – это маленький алюминиевый торчок. Если не ошибаюсь, в шкафу в нижнем ящике их полно всяких разных.

– Там всякого мусора полно.

– Тащи!

Выбрав подходящий «торчок» Борис Ильич вооружился паяльником и уверенно ткнул им в один из модулей. Запахло жженым волосом.

– Сема, пассатижи срочно!

– Держи.

– Да не справа, слева подавай! Вот так... опа! Вот он, вот он.

Он продемонстрировал Семену сгоревший конденсатор, бросил его на пол и пассатижами пристроил на место запасной. Потом еще потыкал внутрь паяльником и уверенно заявил:

– Врубай!

По экрану телевизора весело забегали синеватые молнии все быстрее и быстрее и слились в движущуюся картинку, из динамика донеслись мажорные балалаечные аккорды. Какой-то народный ансамбль отплясывал «Барыню».

– Красота, Сема! Смотри, какая красота!

– Спасибо, Борис Ильич. Как это все у вас получилось? Просто чудо!

– Чудо, говоришь? Никакого чуда – ловкость рук и природный ум. Без ловкости и ума ни в машину лезть нельзя, ни в тело человеческое. Но ты стаканы-то доставай. Без обмывки это дело никак оставлять нельзя.

Боже, как плохо было утром! Вернее все тем же полярным днем, но с бодуна. Семена рвало и трясло, в глазах скакали черные зигзаги, а по голове прыгало невидимое стадо. Он попробовал опохмелиться, не стал разбавлять спирт и с непривычки поперхнулся. Огненная жидкость, не разбирая пути, рванулась в трахею, носоглотку, среднее ухо и еще бог знает куда.

Когда Семен уже прощался с жизнью, закоротившие бронхи наконец расслабились и со свистом впустили долгожданный воздух. Тогда, немного отдышавшись, он твердо решил бежать.

Щелк. Семен включил телевизор. Показывали новости. Кубань – уборка зерна, Калининград – выборы губернатора, Челябинск – авиакатастрофа, вертолет запугался в проводах и упал. А вертолет-то как раз должен прилететь, он уже на стреме – ждет погоды. С ним и рванет Семен обратно в большой город, плюнув на контракт, деньги и

стаж. Устроится для начала такелажником в порт, а там, глядишь, и по специальности найдет место.

К горлу подкатил сладкий комок. Завтра все решится. Завтра, если погода не подведет. А на вахту пусть ставят кого угодно. Хоть того же Бориса Ильича – все равно ничем не занят, бездельничает да пьет. Но за телевизор ему спасибо. Показывает!

На экране все еще шел сюжет про аварию. Камера далекого челябинского оператора рыскала по земле, выдавая в эфир обгоревшие пни и обломки металла, перемешанные с человеческими останками. С фрагмента заднего винта объектив медленно переехал на чьи-то кроссовки и по мятым брюкам скакнул вверх, нарисовав на экране незнакомое лицо со скорбными глазами.

– Несколько слов, пожалуйста, о возможных причинах аварии.

– Окончательно пока ничего сказать нельзя, – произнесло лицо, – но не исключаем отказ систем наблюдения с последующим столкновением, падением и взрывом. Отрабатывается также версия отравления экипажа некачественным спиртом. Вы чувствуете, чем здесь пахнет? Пахнет омерзительно этой гидролизной дрянью. Судя по запаху, они все были накачаны под самый кадык! Никто не может управлять вертолетом в таком состоянии. Вот оно и случилось. Мы будем выяснять, как их пропустил предполетный контроль. Но возможно пьянка началась уже в воздухе. Хоть и нельзя говорить о покойниках плохо, но, между нами, так нажираться на работе – это свинство, просто свинство.

«Что за чушь он несет!» – подумал Семен, но не удивился. От безлюдья и безвременья чувства притупились.

– А тем, кто сомневается, – продолжало лицо, – я советую, очень советую взглянуть на все своими глазами и понюхать своим носом. Милости просим!

Камера соскочила с лица, показав опушку леса и кусок неба, потом дорогу, потом полоснула общим планом и отключилась.

– Об остальных событиях мы расскажем вам после рекламы, – с улыбкой сообщил молоденький диктор и тоже отключился.

Его место на экране занял приятной наружности мужчина в белом халате. Внизу появилась надпись «Владимир Бирюков – невропатолог». Мужчина начал говорить:

– Не секрет, что все мы устаем в течение дня. Неприятности и стресс негативно влияют на нервную систему. Расслабиться и отдохнуть вам поможет спирт. Несколько десятков граммов этого замечательного продукта гарантируют вам здоровый сон и поддержку в течение следующего дня.

По экрану поплыли радужные разводы и надпись «Остерегайтесь подделок!». Потом снова появился «Владимир Бирюков – невропатолог».

– Мы не зря предостерегаем вас от подделок, уважаемые телезрители. Отравление некачественным спиртом – это очень серьезно. Невежество потребителя в этом вопросе просто поражает, чем и пользуются нечистые на руку дельцы. Даже некоторые медработники способствуют продвижению поддельного спирта на нелегальный рынок. А результат?! Посмотрите сами на это убожество!

Крупный план сменился на общий. Теперь невропатолог был виден во весь рост, рядом с ним стояла инвалидская каталка, к которой бинтами был примотан человек, голова его покачивалась из стороны в сторону, взгляд ничего не выражал.

– Посмотрите, как он омерзетен! Просто свинья! А все плохой спирт. Ну, ничего... Если, уважаемые телезрители, вы нам поможете, мы справимся с этим бедствием. Можете принять участие прямо сейчас.

Владимир Бирюков достал из кармана молоточек для проверки рефлексов и тукнул в лоб человека на каталке.

– Так ты скажешь, где его взял?

Тот что-то промычал, продолжая покачивать головой.

– Скажешь, гад, – протянул сквозь зубы невропатолог и нанес второй удар в середину лба.

Человек снова замычал.

– Скажешь, гад... скажешь, гад... скажешь, гад...

Удары сыпались один за другим, во лбу алкаголика появилось углубление.

«Но почему нет крови?» – снова подумал Семен – «Нереально как-то все. Одним словом – реклама.» Он хотел переключить на другой канал, но вспомнил, что других каналов нет и посмотрел в окно, в разрезанный рейками квадрат плоского серого неба. С кровати не было видно болота, но при желании он описал бы его в деталях, врезавшееся в память и опостылевшее. К горлу опять подкатил комок. Когда же прилетит этот чертов вертолет?! Надо ждать. Смотреть телевизор и ждать. Господи, как холодно!

«Ба, да это же наша точка!» Несколько домиков, выстроенных в улицу, действительно были до ужаса знакомы. «А это наши собаки – твари проклятые.»

– Вы не ошиблись, уважаемые телезрители, это как раз то самое место. Не бойтесь собак, они вас не тронут. В прошлом выпуске нашей передачи мы рассказывали вам о подпольных торговцах фальшивым спиртом. Сегодня мы приглашаем вас принять участие в операции по уничтожению одного из них. Смотрите внимательно, старайтесь ничего не пропустить!

– Борис Ильич?

– Сема?!

Для полярного лета Семен выглядел довольно странно. В одном белье, босиком он стоял на вечной мерзлоте. Цветные трусы трепыхались на ледяном ветру, дувшем с моря.

– Все кончено, Борис Ильич. Вы попались.

– Семен, ты что, совсем сдурел? Ключ-то опусти!

Но Семен крепко держал в руках орудие ликвидации – огромный гаечный ключ, до сей поры валявшийся у него под кроватью.

– Семен, ты... это...

Ключ просвистел прямо над черепом, едва не раскрошив фельдшеру висок. Уворачиваясь, Борис Ильич поскользнулся, упал на спину и заорал громко, как никогда в жизни.

Вертолетчики спешили, в любой момент погода могла испортиться. Командир экипажа принимал груз, мельком заглядывая в опись.

– А где больной?

– Здесь больной, командир.

Борис Ильич подпихнул вперед Семена, одетого в длинную не по росту телогрейку, рукава которой были наскоро пристроены к бокам.

– Командир, ты своим скажи, чтоб поглядывали на него.

Командир оценивающе посмотрел на Семена, заглянул в сонные, безразличные глаза.

– Дурканулся, что ли?

– Ага. Я ему седуксена вколоч, так что он пока смирный. Ты проследи, чтоб его по адресу доставили. Может, еще оклемается – ведь молодой совсем.

– Хорошо.

– Ну пока, Сема, – фельдшер похлопал Семена по плечу и отошел на безопасное расстояние, чтобы проводить вертолет, помахать рукой вслед и проследить, как он скроется за далеким горизонтом.

На окраине большого города, в зеленом скверике, огороженном четырехметровой

металлической сеткой, в просторной деревянной беседке Семен рассказывал свою нехитрую историю. Он уложился в пять минут, но слушатели, соскучившиеся по свежей информации, хотели подробностей.

– Так ты, Семен, сразу оттуда на вертолете и улетел? – спросил один из них.

– Не было никакого вертолета. Жду до сих пор. Погода, сами знаете...

– Вот тебе раз! А как же ты здесь оказался?

– Здесь, это где?

– Да, ясно где! – развеселились слушатели.

– А кто вам сказал, что я здесь? Нет меня здесь. Здесь меня по телевизору показывают, и вас тоже.

Семен нахмурился и замолчал. Ну что за дураки! Простых вещей не понимают. Когда-нибудь он наконец улетит – не век же быть плохой погоде. А телевизор пускай показывает, все равно делать нечего. Выключить-то его проще простого – щелкнуть по кнопочке и все. Куда вот только Борис Ильич кнопочку подевал, пьяница несчастный? Что-то нигде не видно... Ну и шут с ней! И с телевизором тоже – пусть работает.

Леонид Шифман

Служебная командировка

Новорожденные дружно орали – Джессика родила мне тройню. Как порядочному человеку мне теперь следовало трижды жениться на ней, хотя друзья советуют трижды подумать прежде, чем жениться один раз. Но друзья – народ безответственный. Им легко давать советы...

От такого кошмара проснется любой. Впрочем, жениться на Джессике – моя давняя мечта, которой я уже дважды делился с ней, но, увы, Джессика придерживается иного мнения. Пока. Даже тройня не испугает меня!

Еще не продрал как следует глаза, я горько ухмыльнулся. Все-таки теория старика Фрейда не ушла далеко от истины. Тройняшки – это не случайно. Вчера Джессика отказала мне во второй раз, а значит, мне предстоит третий заход...

Вопли продолжались, и я заставил себя открыть глаза. Проклятье! Мобильник в три часа ночи! Точно помню: прежде чем рухнуть в постель, я отключил его. Двадцать седьмое поколение, будь оно неладно со всеми предшествующими! Я грохнул трубку об стенку. Отскочила как горох. Швырнул в открытое окно – вкрадчиво зажужжал моторчик, выдвинулись крылышки, и трубка, захлебываясь благим матом, совершила мягкую посадку на подушку. Все это означало лишь одно: вызов с приоритетом ноль. Даже утопить в унитазе не удастся.

Ничего хорошего ночной звонок не предвещал. И днем-то услышать голос шефа в трубке – не к добру. А в три ночи, если лег в два...

– Быстро собирайся – через час ты должен быть на терминале Лампедуза, место забронировано. Прохладишься на Денебе.

– Так ведь Джонни должен был...

– У Джонни аппендицит.

Я смачно и длинно выругался по-итальянски. Приказы шефа не обсуждаются, но и свободу слова никто не отменял.

– И что там?

– Суд.

– И что?

– Меня тут вызывают. – На заднем плане послышался ворчащий бас жены шефа. – Разберешься на месте, не маленький. Успеха! – сказал шеф и отключился.

Времени на сборы было предостаточно. «Метрошка», так я называл локальный нуль-транспортер, находилась в двух шагах от дома. Мне нужно лишь двадцать минут, чтобы оказаться на терминале Лампедуза. Минут десять еще можно поваляться. Но когда умираешь – хочешь спать, биологические часы начинают сильно отставать, и теряешь контроль над временем. Пожалуй, лучше встать.

До ванной я добрал на автопилоте.

Горячей воды не оказалось. Надо найти время и заменить бойлер. Ему уже двести лет. От души чертыхаясь, я облил себя ледяной водой. Не помогло. Глаза слипались. Лишь слоновья порция черного кофе немного взбодрила.

Дорожную сумку я всегда держу наготове. Эта предусмотрительность не раз выручала меня. Одно дело собираться в дорогу заранее и без спешки, а другое – покидать баракло впопыхах. А потом сгорать от стыда из-за галстука, не подходящего ни к одной из рубашек? Нет. Я человек серьезный и ответственный. Профессия журналиста-межпланетника обязывает.

Но на этот раз меня ничто не спасло. На входе в «метрошку» висела табличка «Закрито: проветривание 20 минут». Какой-то сутулый тип, топтавшийся у входа, обрадовался неожиданной компании.

– Я уже жду минут двадцать, - радостно сообщил он. – А вам куда?

– На Лампедузу.

Сутулый уважительно посмотрел на меня. Терминал на Лампедузе – главные ворота Земли.

– А мне в Триполи. Почти попугчики, – сказал он.

Бежать на ближайший терминал на виа Гарибальди не имело смысла. Пока доберешься, откроется «метрошка» здесь.

Действительно, вскоре за железной дверью заскрежетал засов, и она распахнулась. Заспанная девица неопределенного возраста убрала табличку.

Я улыбался во весь рот и просил депортировать меня как можно скорее, но девушка явно никуда не спешила – точила лясы с сутулым, отправляя его в Триполи.

В итоге я опоздал. Клерк пощелкал клавишами и пообещал отправить меня на Денеб через полчаса. Раньше нет шансов. При межгалактических перемещениях часто случается, что минутная задержка на одном этапе приводит к опозданию на час и более.

Перемещение на Денеб занимает около трех часов, хотя речь идет о нуль-транспортировке. Иначе никак. Резкий перепад в пространстве-времени влияет на химический состав крови. Она густеет, что в десятки раз повышает опасность появления тромбов. Это называется болезнью Розенблита или Розенблата, не помню как правильно. То ли он первым заболел, то ли первым описал эту болезнь. Что-то сродни кессонной.

В здание суда я влетел, когда заседание уже началось. Зрителей почти не было, и я с комфортом уселся в третьем ряду.

Судья в своем форменном обличье был похож на кенгуру. А может, он и был кенгуру. Очки съехали на кончик носа, придавая и без того унылому лицу неподобающе серьезное выражение, и он, мерно раздувая щеки, рылся в бумагах, в беспорядке разбросанных по столу, помогая себе молоточком, с которым не расставался ни на секунду.

Передо мной, но двумя сидениями ближе к середине ряда сидела дама в черной шляпке с широченными полями. Чуть отдышавшись, я перегнулся через спинки кресел и спросил у нее на космоязыке, в чем предмет разбирательства. Она не удостоила меня взглядом и

только процедила сквозь зубы:

– Она требует алименты.

– Куло! – не сдержался я, и судья свирепо посмотрел в мою сторону и театральным жестом приложился молотком по столу – до меня ему было не дотянуться.

Из-за такой ерунды меня подняли среди ночи и отправили на другой конец Галактики? Вернусь и выложу шефу все, что о нем думаю. Женюсь на Джессике и уволюсь к чертовой матери. Баста! А эта дама в черной шляпе наверняка любительница мыльных опер. Таким только дай порыться в чужом белье...

– Так вы признаете свое отцовство? – обратился судья к стоящему на левой трибуне субъекту с двумя головами, прервав ход моих мыслей.

– Да, – ответила одна голова.

– Нет, – отозвалась другая.

Судья с явным удовольствием саданул молотком об стол.

– Если вам от природы достались две головы, то это не означает, что высокий суд должен выслушивать мнение каждой из них. Так мы никогда не закончим. Пожалуйста, потрудитесь впредь давать лишь один ответ на один вопрос. Вы меня поняли?

– Да, – ответила первая голова.

– Да, – согласилась вторая.

Судья грозно взглянул на ответчика, но от удара молотком воздержался.

– Повторяю вопрос. Вы признаете свое отцовство?

Головы ответчика склонились друг к другу и зашептались. Спустя минуту голова, которая раньше ответила: «Нет», сказала:

– Да! Но это был эксперимент...

Стук молотка перебил ее.

– Постарайтесь не выходить за рамки вопроса! – прорычал кенгуру.

– Это был удачный эксперимент, – подала голос с правой трибуны молодая женщина лет тридцати пяти в старомодных очках. Она говорила на космоязыке с человеческим акцентом, да и выглядела совсем, как какая-нибудь адвокатесса из Восточной Европы. Неужели землячка?

Судья предостерегающе поднял руку.

– Почему вы не позаботились о своих потомках?

– Мы ничего не знали об их существовании, ваша честь.

– А вы когда-нибудь ими интересовались? – с иронией в голосе спросила истица.

Впрочем, ее иронию уловил только я.

Судья грохнул по столу.

– Вопросы здесь задаю я!

Тут я стал вырубаться. Даже постоянный стук молотком по столу не мог развеять мою сонливость. Сквозь дрему до моего сознания прорывалась всякая хренотень вроде анализа ДНК, расшифровки генома, писанных и неписанных законов галактической этики... Последнее, что я успел подумать: как эту милую земную женщину угораздило связаться с таким уродом о двух головах?..

Я перестал сопротивляться сну – все равно потом получу релиз с решением суда и, если шефу будет угодно, на его основе набросаю статью для «Дэйли Универс». И все дела...

Разбудила меня дама в черной шляпке, положив правое щупальце мне на плечо. Вместо носа у нее красовалось свиное рыло – неизменный атрибут обитателей Веги.

– Все закончилось, – сказала она, когда я пришел в себя.

– Она получила алименты?

– Да, но судья скостил пару нулей.

Я получил у секретарши байтокуб с решением суда, сунул его в карман и помчался в

местную «метрошку», чтобы добраться до главного терминала.

Я связался с шефом сразу по прибытии на Лампедуза. Он ждал меня в головном офисе на Третьей авеню в Нью-Йорке.

– Чем порадуешь, Алессандро?

– Ей назначили алименты, но меньше, чем она требовала, – издевательски сказал я, протягивая шефу байтокуб.

– Неужели? – Шеф не смог сдержать радостной улыбки и ткнул меня кулаком в грудь.

– Ты не представляешь, что теперь будет! Мы никогда больше не узнаем, что такое голод!

– И что такое голод? – продолжал издеваться я, демонстративно пялясь на выдающееся брюшко шефа.

– Я имею в виду не тебя и себя, а человечество. Больше не будет проблемы бедных стран, не будет бедных вообще!

– Вы хотите сказать, что эта брошенная мамаша всех усыновит и прокормит?

Шеф странно взглянул на меня. Помолчал, а потом сказал:

– Если бы не байтокуб с релизом, я бы решил, что ты нигде не был... А так предполагаю, что ты мирно продрых все заседание суда...

Не услышав угрозы в тоне шефа, я решил не отпираться.

– Я опоздал к началу и потом отключился на пару минут в конце.

– Так ты не понял, что это был за судебный процесс... Между прочим, он назывался «Земля из Солнечной системы против Бертрана из системы Проксимы Центавра». Наши ученые доказали, что именно пришельцы с Бертрана причастны к возникновению разумной жизни на Земле. А затем они бросили нас на произвол судьбы. А мы десятки тысяч лет разыскивали своих родителей и вот, в конце концов, преуспели в этом. Они должны уплатить алименты за все прошедшее с тех пор время... С привязкой к индексу цен, разумеется. Идея подать на алименты в Галактический суд принадлежит мне. Так что нас тоже не забудут.

– А если они не заплатят?

– Тогда мы конфискуем их имущество и распродадим на межгалактическом аукционе. Так что им некуда деваться. Следующий раз хорошо подумают, прежде чем затевать сомнительные и рискованные эксперименты на чужих планетах.

Я представил себя счастливым отцом. Теперь Джессика может рожать хоть пятерню, если ей такое взбредет на ум! Мне уже не нужно будет думать, как прокормить семью.

Застрекотал телефон, и шеф поднял трубку. Минуту он молча слушал, а затем убитым голосом спросил:

– Ты уверен? Проверь еще сто раз.

Закончив разговор, шеф долго смотрел в окно. Я не решался шевельнуться, безуспешно гадая, что же так расстроило шефа. Неожиданно он сказал:

– Это не исчезновение, это бегство... Знаешь, Алессандро, кажется, бертране поступили как настоящие мачо – они «сделали ноги». Звонил Райт из Паломарской обсерватории. Планета Бертран неожиданно исчезла со своей орбиты. Вероятно, они направят ее в иную галактику, не подпадающую под юрисдикцию нашего Галактического суда...

* Куло – задница (ит.)

Екатерина Четкина

Необходимое чудо

Белый пух плавно спускался с серого неба, пролетая мимо старых мрачно желтого цвета стен, хранящих тепло десятилетий и эти отвлеченные взгляды из маленьких окон. Безликие, отчужденные лица провожали глупое течение дня и вечно опаздывающих пешеходов. Все двигалось и бежало, не останавливаясь ни на секунду. Хмурые люди шли по своим делам, теряясь в лабиринтах гигантского муравейника. Очень мало света. Тусклые, скудные тона опутывали город, подобно смогу, отравляя все вокруг.

Крошечный деревянный домик на два оконца располагался по соседству с каменными великанами. Весь разукрашенный и нелепый он бросал вызов спокойному единообразию четко спланированных улиц. Прохожие недоуменно смотрели на странное сооружение давно забытого прошлого, и невольная тень улыбки озаряла их лица. Что-то екало в груди, глядя на щедро вымазанную в синий цвет крышу, на красные цветочки, разбросанные в живописном беспорядке. Мимолетная мысль, едва успев сформироваться, уже вызывала неминуемую реакцию нейронов, и внутри начинал трубить сигнал: «Творчество запрещено, инициатива наказуема!». Привитые с детства чувства: бдительность, чувство долга и ответственность вышколено набирали номер, диктовали адрес нарушителя, а душа тихо радовалась увиденному непозволительному чуду...

Звонки сыпались, словно град на головы ни в чем неповинных блюстителей спокойствия. Егор Иванович усталым голосом в тридцатый раз заверял, что разберется. Голова шла кругом от обилия домиков, повсходивших как грибы после дождя в разных частях города. «Блин, придется ехать! Опять, наверное, все утрируют эти законопослушные граждане. Знаем мы их. Не в первой, - пробубнил он, нехотя поднимаясь с насиженного уютного кресла. - Эх, как это не вовремя! Прямо перед сдачей годового отчета! И ладно бы какая-нибудь мелочь, а то нет ведь! Всплеск индивидуальности – дело не шуточное, взгреют по первое число! Скажут – не доглядел, и не видать тогда повышения, как своего затылка. Еще очереди могут лишить, а она уже скоро подойдет, через три месяца четырнадцать дней и шесть часов. Отель “Лазурное дно” на дне Средиземного моря. Мечта... Колыхание солнечных бликов в толще изумрудной воды, разнообразие рыб и цветовых оттенков, улыбки любознательных дельфинов, заглядывающих в окна. Абсолютная тишина и неспешное течение времени, - Егор Иванович горько вздохнул и подошел к плотно зашторенному окну. - Открыть! - приказал он, и жалюзи мгновенно разъехались, обнажая монохромное нутро города. Он минут десять смотрел в никуда, готовясь составить и принять план действий, но ничего не получалось. - Придется разбираться там», - решил Егор Иванович и направился на одно из мест преступления, захватив для порядка еще несколько человек.

Из-за строгой спины многоэтажки озорно выглядывала крыша нелепого создания. Егор Иванович с трудом сохранил нужное выражение лица. Немного покосившаяся дверь в цветочек с приветливым скрипом впустила их в прохладу горницы. Кругом аккуратно лежали самотканые разноцветные половички, в углу примостилась белоснежная красавица-печка, вдоль стены стояли деревянные лавки. В доме стоял аппетитный запах свежееиспеченного хлеба. В общем, все было как в книжке по истории. Вошедшие стояли как столбы и ошарашено крутили головой. Арестовывать было некого. Для очистки совести процессия обыскала дом и, не обнаружив ничего, что могло бы навести на личность преступника, отрапортовала доклад начальству по имплантату связи. Получив

инструкции об уничтожении объекта, Егор Иванович тяжело вздохнул. Глубоко запрятанные струны души натянулись и вздрогнули тоскливым аккордом.

Неказистый, смешной домик, облитый бензином, горел, словно бенгальский огонь. Ярко и быстро. Обжигающее тепло опажнуло лицо. Егор Иванович машинально отметил, что собралась толпа, но ничего не предпринял. Все стояли и молча смотрели на прожорливые язычки пламени. Тихо меркла в мыслях холодная угрюмость слегка притормаживающего времени. Не так все и плохо... Есть о чем подумать. Еще не поздно утонуть в воспоминаниях, придумать оправдание впустую потраченным минутам, придать смысл и краски проматываемой жизни. В прозрачных воспоминаниях о завтрашнем дне...

По городу вспыхивали костры. Черный дым жирной линией поднимался вверх и сливался с густым, едким смогом. Люди поднимали глаза к небу и провожали убитую мечту. Мысли забирались в привычный панцирь повседневной запланированной жизни и засыпали крепким сном...

Егор Иванович с трудом плелся домой. Усталость дня давила, въедливо заполняя каждую мышцу уже немолодого тела. Лифт, заметив его приближение, услужливо распахнул двери и вознес на нужный этаж. Пластиковая крышка бесшумно приоткрыла вход в квартиру. Всюду царил образцовая чистота и порядок. Прохлада, заботливо контролируемая кондиционером, приятно охлаждала разгоряченную кожу. Немые железные слуги застыли в углу, ожидая дальнейших указаний. Сегодня, ничего не хотелось. Раздражение отдавало во рту горьким привкусом. Симметричное, правильное расположение вещей, поднимало волну неконтролируемой злости. Хрустальная ваза полетела в окно, но, столкнувшись с непробиваемым препятствием, рассыпалась на тысячи переливающихся кусочков. Ожил экран. Голос, лишенный эмоций, сообщил, что о поступке доложено в главное управление. Егор Иванович криво усмехнулся и с силой вонзил иглу шприца с сывороткой сна.

Ему снились самые близкие люди, атмосфера просыпающегося дома и голоса птиц, порхающих где-то в высоте голубого неба, ослепленного солнцем. Маленький деревянный домик, с любовью расписанный красками. Запах булочек с изюмом и парного молока. Сестра, сочиняющая сказочный мотив на неведомом инструменте, влитом в одну из стен. Удивительно знакомая, завораживающая легкостью, мелодия из далекого детства... или будущего. Он летел, а за ним бежал черный пушистый зверек, воплощающий в себе неземную любовь и преданность. Внизу был цветущий сад, белые колонны, изумрудно-голубая вода озера. А потом... Потом вся семья собралась на цветущей поляне и рисовала сияющими красками пеструю картину своей жизни. Но она получалась такой грустной... и они рисовали снова... снова и снова...

Миниатюрный домик стоял на берегу городского водохранилища и радовал глаз сияющими красками. Мимо проходили люди, удивленно качая головой, и даря счастливые улыбки... А маленькие домики все появлялись, стирая грани между мечтой и навязанной реальностью.

Михаил Максаков

Центр

- Убери-ка свой кумпол, парень!

Джерри с трудом разлепил тяжелые веки. Ох, и здорово же вчера гульнули! Правда, повод был что надо: в кои-то веки Джерри Скотт, самый захудалый репортер самой блистательной газеты Северо-Запада, получил захватывающе интересное, многообещающее (и читателям, и ему самому) задание. Даже сейчас одно воспоминание об этом наполнило его душу радостью и гордостью.

Однако в чем дело? Чего хочет этот неотесанный бугай в сногшибательно пестрой рубашке?

Бугай протянул свою огромную лапищу, крепко сдавил стальными пальцами подбородок Джерри и повторил:

- Убери свою тыкву с прохода. Дай пройти леди!

Очаровательная стюардесса, профессионально удерживая на губах улыбку, успокоила:

- Ничего, ничего! Мне нисколько не мешает ваша голова. Отдыхайте...

Но Джерри уже встал. В мозгу у него словно бы щелкнул тумблер, и на засветившемся экране памяти появился цветной слайд: грузный, голый по пояс парень, приветствуя зрителей, поднимает кверху бугристые от мускулов руки в боксерских перчатках. И надпись: «Великая надежда белых!» Экран мигнул, когда на нем возник новый слайд: искаженное болью лицо с закотившимися глазами. Надпись: «Черный Тигр Робин нокаутировал "белую надежду" в десятом раунде. Мордашка Джо потерял три зуба и чемпионский титул...»

Джерри расплылся в широкой улыбке.

- Мордашка! Ты ли это? Уже успел вставить зубы?

Боксер ухмыльнулся так широко, что, кажется, стали видны даже зубы мудрости.

- Шутник, значит? Ну, что ж, сейчас я тебе дам хороший ответ...

Джерри мигом прикинул шансы. Боксер тяжелее фунтов на десять. И драться умеет. Но в тесноте ему не развернуться. Да и с джиу-джитсу он вряд ли знаком.

Сидевший по ту сторону прохода Мордашка тоже стал было подниматься на ноги, но тут ему на плечи легли две волосатые руки. Громадный, смахивающий на гориллу мужик придавил боксера к спинке кресла и провозгласил рыкающим басом:

- Давно мечтал схватиться с чемпионом по боксу. Ну, что, парень, потянешь против кетчиста?

Боксер, пытаясь вырваться, напрягся всем телом, так что жилы жгутами надулись на покрасневшей шее. Но тщетно. Тогда он расслабился и достал пачку сигарет.

- Угощайтесь, ребята!

Джерри, улыбнувшись, принял предложение. Кетчист, убрав руки, мотнул головой.

- Не курю! И тебе не советую: работе мешает.

Отдуваясь, он вытащил из кармана огромный разноцветный платок, вытер вспотевшее лицо и громко высморкался. Устраиваясь в кресле поудобнее, уже благодушно проворчал:

- Сон только перебили. А лететь еще черт знает сколько!

Джерри откинулся на спинку кресла, искоса бросил взгляд на соседа слева. Тот вроде бы даже не заметил инцидента. Он, не отрываясь, смотрел в иллюминатор, так что были видны только красиво подстриженный, благородно-седой затылок да полоса загорелой шеи над ослепительно-белым, туго накрахмаленным воротом рубашки. Репортер поморщился, достал из заднего кармана брюк плоскую фляжку и, отвинтив пробку, жадно присосался к узкому горлышку. Потом удовлетворенно вздохнул, спрятал фляжку и спросил:

- Что-нибудь интересное, сэр?

Сосед повернулся к Джерри. в его серых, с длинными, как у фотомодели, ресницами глазах светились ум и насмешка.

- Очень даже интересное!

Голос у него был негромкий, неопределенный, чуть сипловатый по тембру, с таящимися где-то в глубине командирскими нотками. Красиво очерченные узкие губы ехидно кривились. Когда он говорил, скулы катались у него под кожей, точно орешки, придавая живинку его слишком правильному лицу.

- Нас встречает почетный эскорт!

Он сделал изящный жест, указывая на иллюминатор. Джерри, перегнувшись через соседа, придвинулся к вогнутому стеклу.

- Чуть сзади...

Внизу сплошным массивом курчавились снежно-белые облака. Наверху, в режущей глаз лазури, истекало апельсиновым соком солнце. А чуть позади, неправдоподобно близко, нависал над фюзеляжем лайнера небольшой черный истребитель без опознавательных знаков.

- Дамы и господа...

В проходе снова вспыхнула профессиональная улыбка стюардессы.

- Прошу пристегнуть ремни и потушить сигареты. Наш самолет совершает посадку...

Ее перебил чей-то встревоженный голос:

- В чем дело?

Ему отозвался другой:

- Что там у вас стряслось?

Боксер вскочил на ноги:

- Мы что, падаем?

Стюардесса попыталась что-то объяснить, но ее уже никто не слушал. Поднялась паника. С ревом моторов сплелись ругань мужчин, истошные вопли женщин, писк и визг детворы. Кто-то ломился в пилотскую кабину, кто-то каблуком ботинка пытался разбить иллюминатор. Потный толстяк в рубашке навывпуск, разрисованной русалками и пальмами, молчаливо и сосредоточенно ломал и корежил свое кресло. Сидящая рядом с ним женщина с деловитостью идиота снимала и отстегивала свои многочисленные перстни, кольца, серьги и броши и одна за другой по очереди глотала их, зажмуриваясь при этом, точно пьющая воду курица. Перед глазами у Джерри все мельтешило, качалось, прыгало и сшибалось, только лайнер, словно библейское чудовище, поглотившее весь этот содом, ровно и неуклонно, не отзываясь на гомон и удары, шел вниз, к стремительно проступающим из-под облаков верхушкам пышных тропических деревьев.

Наконец, будто по взмаху невидимого дирижера, разнообразные звуки слились в единый отчаянный вой, к которому Джерри не присоединился лишь потому, что у него перехватило дыхание. Репортер пригнулся, прижался лбом к коленям и закрыл глаза, ожидая скорой встречи с Господом...

Самолет яростно трянуло. Короткий пронзительный скрежет будто отрезал все остальные шумы. Наступила такая тишина, что Джерри расслышал, как на виске у него бьется какая-то жилка.

Секунды тянулись удивительно медленно. Самолет снова трянуло, он подпрыгнул, слегка накренился и – покотился по возникшей невесть откуда бетонке, постепенно притормаживая.

Джерри поднял голову, огляделся. Никто из пассажиров не шевелился. Время словно бы замерло вместе с застывшим на земле самолетом. Только пылинки весело плясали в лучах солнца, проникавших в салон через иллюминаторы.

Снизу послышалось тихое гудение. Ковровая дорожка, устилавшая проход, сразу в нескольких местах взбурлилась и лопнула. В образовавшихся отверстиях появились тонкие стальные трубы. Из них струился легкий дымок. В ноздрях у Джерри защекотало, тяжелое сладковатое вещество быстро заполнило легкие. Репортер хотел крикнуть, рвануться – но не сумел, только почувствовал, что теряет сознание и безудержно падает

куда-то в темноту, в глубокий пустой колодец...

Очнулся Джерри в просторном бараке, похожем на ангар или гараж. Все его пространство занимали двухъярусные нары, они располагались в несколько рядов, разделенные только узенькими проходами. На нарах сплошняком теснились тюфяки, набитые, очевидно, сухими листьями и травой, как и тот, на котором лежал он сам. Сейчас барак был почти пуст, видимо, его обитатели отправились на работу. Оставались здесь только пассажиры самолета, на котором летел Джерри. Некоторые из них еще спали в самых неловких и неприглядных позах, другие шевелились и постанывали, а кое-кто, как и Джерри, уже протирал глаза и оглядывался.

- Ай да милашка! Чур моя!

Джерри обернулся на этот возглас и увидел боксера, который склонился над еще не совсем пришедшей в себя стюардессой. Та в своей полупрозрачной блузке и коротенькой мини-юбке и впрямь была куда как хороша.

Боксер погладил девушку по обнаженному бедру.

- Ты не возражаешь, крошка? Как тебя зовут? Клара? Беру тебя под свое крылышко!

Джерри поморщился. Связываться с боксером не хотелось. Но инстинкт среднего американца, воспитанного на комиксах и телебоевиках, толкал его на приключения. Он привстал и свесил ноги с нар.

Боксер тут же отреагировал на его движение.

- Эй, парень! Хочешь что-то сказать?

Джерри прикинул свои шансы: «Один к десяти... Да и то, если напасть внезапно». Мигом подыскалось и оправдание: «Девчонка, может, и сама не против...».

Стюардесса действительно то ли еще не совсем пришла в себя, то ли перепугалась, но лежала молча, не шевелясь. Джерри уже хотел отвернуться, когда поймал за спиной боксера какое-то движение. Грузный кетчист на удивление легко и бесшумно, чуть пригнувшись, двигался по проходу.

Репортер мягко спрыгнул на грязный цементный пол.

- Иди-ка сюда, - пригласил он боксера, принимая боевую стойку. – Придется поучить тебя хорошим манерам.

Боксер оказался проворнее, чем ожидал Джерри. Точно кот, он в одно мгновение метнулся к сопернику, сгруппировался и провел несколько четких и мощных ударов по корпусу. Джерри с трудом удержался на ногах.

- Сейчас ты у меня попрыгаешь! – злорадно оскалился боксер. – Давно у меня кулаки чешутся начистить рожу такому чистюле, как ты!

Приплясывая, он не спеша, уверенно двинулся на сближение, чуть присев, развернулся, чтобы нанести сокрушительный свинг – и вдруг застыл, опустил руки, широко осклабился:

- Ну-ну, ребята, шуток, что ли, не понимаете?

Джерри покосился налево: чуть позади боксера, перехватив его правую руку, грузно высился набычившийся кетчист...

Жизнь пленников вошла в будничную колею. Вместе с другими узниками (а набиралась их только в этом бараке не одна сотня) чуть свет их выводили на работу в каменоломню. Часа через два подвозили завтрак – по чашке бурды со слабым запахом кофе и по ломтику хлеба с тоненьким слоем джема. И снова долбить нескончаемый камень. В полдень – ленч: горячее варево с изредка попадающимися тоненькими волоконцами, напоминающими мясо. Обедали уже вечером, в бараке: на первое – жиденький супец из какой-то подозрительной крупы, на второе – расплзающаяся по

миске каша или осклизлые макароны с практически несъедобными костями и хрящами.

Работа была тяжелая. Узники вручную долбили серый прочнейший гранит. Крупные глыбы чуть в стороне кое-как обтесывали и грузили на тягачи с прицепами. Щебень забрасывали лопатами в кузова самосвалов.

Первые несколько дней Джерри то и дело украдкой осматривался, даже пытался заговорить с надсмотрщиками, здоровенными, как на подбор, неграми в защитного цвета шортах с обнаженными мускулистыми торсами и болтающимися у бедра тяжелыми кольцами. Но те либо не понимали его, либо не хотели разговаривать, и только злобно поглядывали да поигрывали резиновыми дубинками.

А потом он стал уставать. Трудиться приходилось практически без передышки. Едва кто-либо из пленников останавливался и опускал руки или тем паче садился на землю, как на спину ему обрушивалась дубинка. Если и это не помогало, выбившегося из сил пристреливали. Делалось это спокойно, без злобы или раздражения. Человека просто вычеркивали из жизни, как, прикурив, выбрасывают сгоревшую спичку.

Возвратясь в барак, Джерри тупо глотал горячее варево и падал на нары. И тут же наваливалось забытие, которое прерывали только лагерный колокол да тычки шествующих по проходу между нарами надсмотрщиков.

Прошло еще несколько дней, и организм, похоже, перестроился, втянулся, приспособился к новой обстановке. Лишний жирок сторел, мускулы окрепли и закалились. Вернулись и навыки, приобретенные Джерри, когда он еще зарабатывал себе деньги на учебу в университете, проходя службу в морской пехоте. Теперь Джерри механически выполнял задание, а в не находящих себе применение мозгах кружились самые разнообразные мысли. Сперва он пытался определить, что это все-таки за лагерь, кто здесь хозяин и каковы цели этого подневольного труда. Потом бросил бесполезное занятие и стал прикидывать, как действовать дальше. Решиться на побег ему помог случай.

Дело было в полдень, как раз привезли ленч. Джерри мигом проглотил свою порцию и забился в глубокую узкую щель, куда не проникали палящие лучи тропического солнца. Расслабиться, бездумно полежать в тишине и покое – какое это было наслаждение!

Внезапно в щель посыпалась щебенка: кто-то устроился на краю. Потом послышались тихие голоса.

- Значит, сегодня?

- Да... Минут за двадцать до конца смены.

- План не изменился?

- Нет. Группа Тедди начинает шуметь. У них спрятана взрывчатка. После взрыва начнется паника. Мы прячемся между камнями и пережидаем...

- А оружие?

- Надо разоружить хотя бы парочку охранников...

Тут раздалась автоматная очередь, возвещающая о конце перерыва. Захрустела щебенка – таинственные собеседники удалились. Джерри тоже выбрался из расщелины, привычно схватился за кувалду. Громко хыкая, принялся долбить камень, всесторонне обдумывая сложившееся положение.

В сущности, выбирать приходилось между двумя основными вариантами: либо выдать заговорщиков, либо присоединиться к побегу.

Выдать... Это будет сложно. Во-первых, удастся ли втолковать охранникам суть дела? Во-вторых, даже если удастся, вряд ли они будут особо разбираться. Просто прикончат всех, кто подвернется под руку, в том числе и его самого.

Значит – бежать?..

Да, придется рисковать. Нужно только подбить на побег еще кого-то. В одиночку такого пути не осилить. Джерри, не переставая махать кувалдой, ухитрился переговорить

с боксером и кетчистом. Те согласились без колебаний...

Такой ночи Джерри еще никогда не видел. Собственно говоря, он ничего не видел и сейчас: вокруг лежала непроглядная тьма. Он не мог различить даже пальцев на собственной руке. И звезд не было видно, их скрывали густые кроны высоченных, увитых лианами деревьев. Иногда ему начинало мерещиться, что он совсем лишился тела, и он шупал себе колени или проводил ладонями по бокам.

Как бы восполняя недостаток зрительных ощущений, со всех сторон доносились разнообразные звуки: шелесты, шорохи, поскрипывания и посвистывания, иногда чей-то злобный рык и какое-то омерзительное хихиканье. Воздух горячей влажной маской липнул к лицу, дразнил непонятными запахами. Чтобы вдохнуть его, приходилось делать настоящее усилие. Джерри сидел, обхватив невидимыми руками невидимые колени, и прикидывал, что будет дальше.

Пока что все шло удачно. Паника, вызванная заговорщиками, оказалась такой заразной, что, даже подготовившись к неожиданностям, трудно было не поддаться ей и не присоединиться к толпе, а точнее – к человеческому стаду, метавшемуся сломя голову по каменоломне. Однако они все же сумели забиться в заранее выбранную щель и прикрыться мелким щебнем. Закрыв глаза и заткнув уши, они пролежали там, пока все не стихло. А потом пошли.

Заговорщиков к тому времени уже и след простыл. Они нашли только стюардессу Клару, лежавшую в глубоком обмороке на каменистом склоне, среди трупов пристреленных и затоптанных людей. Чуть поодаль стонал раненый охранник. Кетчист свернул ему шею, а потом вынул из его карманов нож, пачку сигарет и спички, а из кобуры – револьвер.

Сначала, по ровной, пустынной местности, идти было нетрудно. Под ногами звенела красноватая, прокаленная солнцем глина. Однако к ночи на пути встали джунгли.

Прокоротав ночь на опушке, беглецы с рассветом углубились в густую зеленую чащу. Впереди шагал кетчист. Точно слон, он с шумом продирался сквозь переплетение стволов, корней и упругих, будто резиновых листьев. Изодранная в клочья рубаха едва прикрывала его потную грузную спину, покрытую ссадинами и царапинами.

Джерри двигался следом, ему в затылок тяжело дышала Клара. Шестивие замыкал боксер.

Джерри думал о том, что Клара зря увязалась за ними, ей вряд ли по силам держаться с ними наравне. Во время короткого привала он придвинулся к ней и негромко заговорил:

- Послушай... Тебе ведь, наверно, тяжело?

- Да нет, не очень... - так же тихо ответила девушка. – Как всем... Ты не бойся, я сильная.

- А может, тебе лучше вернуться? Пока еще недалеко... Или давай мы тебе соорудим хижину, оставим кое-какие припасы... А когда выберемся – вернемся с подмогой за тобой.

- А если не выберетесь?

- Ну... Риск всегда есть...

- Да нет, лучше не надо!

Джерри помолчал. Только он собирался сказать что-то веселое, превратив все в шутку, как почувствовал на шее жесткие пальцы боксера.

- Не финти, парень, понял? Девчонка пойдет с нами. До конца!

Джерри нащупал торчащую из-за пояса теплую рубчатую рукоятку револьвера. Помедлил, пожал плечами.

- Я все понял, - произнес он. Вряд ли стоило лишаться такого выносливого попугайчика, как боксер. Да и кто его знает, как повели бы себя остальные участники побега.

А потом кетчист сломал ногу. Удивительно, что это произошло только теперь! Он лежал на спине, закрыв глаза, его одутловатое, поросшее седоватой щетиной лицо было спокойным.

Джерри, боксер и Клара окружили его, Клара наклонилась, стала ощупывать голень. Кетчист открыл глаза, чуть заметно поморщился от боли и негромко сказал:

- Мне крышка... Джерри, ты знаешь, что делать...

Джерри обвел взглядом попугачиков, молча вынул револьвер. Боксер насупился, Клара отвернулась. Гроыхнул выстрел. Больше ничего в этом влажном и душном полумраке не изменилось.

Теперь впереди шел боксер. Он вызвался на это добровольно, презрительно отмахнувшись от Джерри, когда тот заикнулся насчет жребия. Погиб он нелепо, хотя и геройски.

Потревоженная кем-то из них змея, зашипев, подняла свою узкую голову, нацеливаясь на Клару, шедшую следом за боксером. Тот, видимо, краем глаза заметил это движение, обернулся, крикнул:

- Стреляй!

Но Джерри не стал торопиться. Он прикидывал, что сейчас для него лично дороже: Клара или патрон? Пожалуй, патрон...

А вот боксер бросился на змею. Еще в полете, распластавшись над землей, он успел ухватить ее за шею. Но слишком далеко от головы. Молниеносно изогнувшись, гад коротко щелкнул зубастой пастью. И тут же забился в конвульсиях, сдавленный железными пальцами боксера.

Вооружившись длинной палкой, Джерри осторожно потрогал змею, отбросил ее подальше в сторону. Хвост у нее еще подрагивал, но практически она уже сдохла. Умер и боксер. Он лежал ничком, уткнувшись в корень высокого дерева, и крупные рыжие муравьи уже деловито ощупывали усиками его руки и голову.

Теперь впереди шел Джерри. Клара отставала, но он не оглядывался и не обращал на нее внимания. А она молчала. Сначала до него доносилось ее сиплое дыхание, потом и оно стихло.

А Джерри двигался вперед. Он уже ни о чем не думал. Крепко сжав зубы, он мысленно давал команду своему телу: «Вперед! Вперед! Вперед!..»

Когда перед ним сверкнула река, он на миг приостановился, облизал шершавым языком пересохшие губы и, опустившись на четвереньки, прильнул к манящей, весело переливающейся под солнцем влаге...

Гигантская анаконда лениво скользнула ему навстречу, принимая в свои объятия. Беспомощный, как младенец, со спеленутыми ногами и руками, Джерри тужился крикнуть, вздохнуть – но сил уже не было. Солнечный свет стал медленно и неуклонно меркнуть, точно кто-то тихонько передвигал ручку реостата, как в кинотеатре перед началом сеанса, а потом все исчезло...

Джерри открыл глаза и увидел перед собой обыкновенный письменный стол, хотя и очень большого размера. За столом сидел высокий, безупречно одетый человек с молодежьим лицом и гладко зачесанными назад седоватыми волосами. Джерри повел глазами по сторонам. Он полулежал в глубоком кожаном кресле, стоящем у самого стола. Светлая просторная комната, где они находились, напоминала рабочий кабинет бизнесмена или адвоката.

- Джордж Браун, - представился сидящий за столом человек.

- Мы же вместе летели! – воскликнул Джерри. – Вы сидели рядом со мной!

- Совершенно верно...

Браун встал, обошел вокруг стола и остановился прямо напротив своего собеседника,

держа руки в карманах и покачиваясь на носках.

- Вас не удивляет, что после всего пережитого вы так хорошо себя чувствуете?

Больше он ничего не успел сказать или сделать. Не вставая, Джерри сильно и точно ударил ему носком своего грубого ботинка в промежность. Браун обмяк, скорчился и, вскрикнув от боли, рухнул замертво на толстый ворсистый ковер, покрывавший весь пол кабинета.

Джерри вскочил, похлопал лежащего по карманам. Нашел пистолет, дослал патрон в патронник. Заметил на столе сигареты, закурил. Успел докурить сигарету до половины, когда Браун пришел в себя. Помотав головой, медленно встал и, глядя в дуло пистолета, сказал:

- А вы еще ловчее, чем я рассчитывал... Но все это зря. Ни к чему...

- Сейчас командую я, - усмехнулся Джерри. – Оружие – это власть! Так говорил Мао.

Продолжая курить, он подошел к окну, слегка отодвинул тяжелую штору. Унылый вид: голая степь, переходящая в пустыню, ряды бараков, вдалеке – колючая проволока с вышками для часовых...

- Сейчас мы с вами обсудим детали нашего с вами отъезда, - произнес он.

Браун ехидно усмехнулся. Внезапно с правой рукой Джерри произошло что-то странное: она стала изгибаться и поворачиваться так, чтобы дуло пистолета уперлось ему самому в переносицу. Указательный палец начал медленно нажимать на спуск...

Джерри вспотел. На лбу от напряжения набухли жилы. Он схватился за ствол пистолета левой рукой, пытаясь если не перехватить, то хотя бы отвести его в сторону.

Хрипловатый смех Брауна издевкой хлестнул по ушам. Ярость удвоила силы Джерри, и он все-таки отнял пистолет у своей же правой руки и, не задумываясь о последствиях, всадил весь магазин в смеющееся лицо хозяина кабинета.

Тот конвульсивно дернулся, кровь хлынула из ран на лбу и груди, он откинулся на ковер и затих. Джерри двинулся к окну, намереваясь выпрыгнуть наружу.

Дверь кабинета решительно отворилась, и в помещение вошел... Браун.

Джерри невольно перевел взгляд с вошедшего на мертвеца и обратно. Полное сходство! Те же волосы, те же глаза, та же ехидная улыбочка... Браун подошел к ошарашенному Джерри и забрал у него пистолет. Потом кивком указал на кресло:

- Садитесь!

Джерри повиновался.

- Поговорим.

Джерри снова искоса взглянул на труп. Браун перехватил его взгляд, пожал плечами. Подошел к столу, нажал одну из кнопок на персональном коммутаторе. В кабинет вошли два негра с автоматами наперевес. Браун глазами показал на покойника. Негры подхватили останки и мигом убрали их прочь.

- Пусть вас не мучает совесть, - добродушно проговорил Браун. – Это был не человек, а биоробот... Так сказать, искусственноеместилище для чужого интеллекта... - Он закурил, задумчиво выпустил дым в потолок и добавил: - Впрочем, как и я.

Все-таки Джерри был репортером. Несмотря на страх и потрясение, он мигом почувствовал сенсацию. Серия репортажей, деньги, может быть, Пулитцеровская премия!.. Он встал, подошел к столу, взял и себе сигарету.

- Значит, вы – биоробот?

- В какой-то степени.

- Предпочитаю говорить непосредственно с боссом.

- Вы с ним и говорите.

- Как это понимать?

- Очень просто. Дух Брауна находится сейчас в этом теле.

Джерри медленно затянулся, пренебрежительно махнул рукой.

- Дух? Извините, я простой парень и в духов не верю.

- Ну, может, я не совсем точно выразился... Во всяком случае, здесь нет никакой мистики. Простое управление на расстоянии.

- Вы хотите сказать, что Браун сидит где-то по соседству, надев какой-нибудь хитроумный шлем, и нажимает на рычажки и кнопочки?

- По сути, да, хотя в реальности все выглядит иначе, чем вы представляете. Главное в том, что Браун сейчас настолько тесно связан с этим телом, что фактически находится здесь. Если он говорит – то и я говорю, если он поднимает руку – то же делаю я... Короче, чтобы не пугаться, просто считайте, что он – это я.

- Ну, что ж, - Джерри прошелся туда-сюда по ворсистому ковру, уселся в кресло. – Все более-менее понятно... А это тело – электроника?

- Нет, - Браун снисходительно усмехнулся. – Я же вам сказал: биоробот. Фактически мы выращиваем клонов по особой технологии. У нас тут целый завод... Впрочем, - он махнул рукой, - вам это трудно понять, вы же не биолог и не кибернетик.

- Ладно, - согласился Джерри. – У меня всего один вопрос: зачем? – Он помолчал и повторил: - Зачем вам все это?

Браун стряхнул пепел с сигареты, снова нажал кнопку. Вошла смазливая девица со страшно деловым видом.

- Люси, - сказал Браун, - принеси-ка нам кофе.

Девица вышла и тут же вернулась с подносом, где дымились две большие чашки. Поставив поднос на стол, она молча удалилась. Браун откинулся на спинку кресла, положил ноги на край стола и в упор уставился на Джерри. Репортер взял чашку, отхлебнул ароматной горячей жидкости. Одобрительно покивал головой.

- Я убедился, что человек вы мужественный, хладнокровный, ради достижения цели готовый на все... - проговорил Браун. - Даже на подлость.

- Эй, вы! – вскинулся Джерри.

- Да бросьте! – Браун поднял ладонь. – Вспомните своих спутников. Особенно Клару... Да я же вас не осуждаю! Напротив: нам именно такие люди и нужны. Те, кто даже родного брата пристрелит, не задумываясь.

- Вы сказали: нам такие люди нужны, - Джерри облизал языком губы. – Кому это – нам?

- Тем, кто создал этот Центр, - улыбнулся Браун.

- Центр чего?

- Просто Центр... Или, если хотите, - Центр Вселенной.

- А вы, как я погляжу, скромняги! – ухмыльнулся Джерри.

- А вы не смейтесь, - невозмутимо отозвался Браун. – Да и дело не в названии, а в сути. Но поверьте мне на слово: стоящие за всем этим люди – действительно соль всей нашей обитаемой Вселенной. Я их вам не назову, но и вам, и все людям их имена хорошо известны. Среди них – ученые, управленцы, вроде меня, военные. И все – профессионалы высшего класса.

- Интересно вас слушать! – прервал его Джерри. – Но что вам от меня нужно, кроме серии сенсационных репортажей?

- Никаких репортажей не будет. Вернее, будут, но на другую тему. Вам ведь дали задание в газете – не забыли?.. А что нам нужно от вас?.. Видите ли, - Браун задумчиво покачал головой, закурил очередную сигарету. – Нам просто нужны люди. Сильные, талантливые в разных областях, преданные нам. И мы вербуем их самыми разными способами.

- Даже захватывая самолеты и мучая людей в концлагере?

- Ах, вы еще не забыли свой сон! – от души рассмеялся Браун. – Да, он действительно был очень ярок... И довольно суров.

- Сон? – Джерри даже привстал. – Это был сон?

Браун тоже поднялся, обошел вокруг стола, похлопал Джерри по плечу.

- Конечно же, сон! – он прошелся по кабинету, его шаги были совершенно бесшумны из-за толстого, видимо, очень дорогого ковра. – Или, скажем точнее, - почти сон. Направленное воздействие на человеческий мозг. Очень удобно для изучения индивидуума. Быстро, эффективно и сравнительно недорого. Не дороже обычного полиграфа, или «детектора лжи», как любите называть этот аппарат вы, газетчики. И, кстати, времени на это требуется очень мало. Вот сколько, по-вашему, вы пробыли в, так сказать, концлагере?

- Месяца три, как минимум.

Браун засмеялся.

- Около пятнадцати минут. Включая наладку оборудования. Причем не покидая самолет.

- Не может быть!

- И тем не менее это так.

- И как же вы этого добиваетесь? - у Джерри заговорило профессиональное любопытство.

- Все это довольно сложно даже для меня: я ведь не ученый, а менеджер... Но главное в том, что ваш мозг модернизировали. Превратили в своего рода приемо-передатчик. Портативную рацию, так сказать. Компьютер, настроенный на вашу индивидуальную волну, по особой программе посылает сигналы, ваш мозг их принимает. И соответствующим образом реагирует. А ответные сигналы поступают обратно в компьютер на обработку... Кстати, на вас уже заведено досье, теперь за вашими действиями следит одна из секций Большого Брата...

- Кого-кого?

- Большого Брата. Так мы между собой называем наш компьютерный комплекс.

- И большой он у вас, этот комплекс?

- Впечатляющий. Несколько сотен акров по площади, с десятков этажей вглубь земли.

- Постойте! – Джерри недоверчиво уставился на Брауна. – Выходит, машина будет управлять моими действиями? Получается, что я теперь не свободный человек, а раб машины?

- Успокойтесь! – Браун снова прошелся по кабинету, потом сел за стол. – Никакой вы не раб. Потому что машина – не господин, а скорее ваш персональный ангел-хранитель. В некоторых ситуациях она может прийти вам на помощь... Правда, отныне все ваши мысли, чувства и желания будут записываться на дискеты блока памяти.

- Интересно, как это машина может мне помочь?

- Видите ли, она запрограммирована так, чтобы уберечь вас от гибели или повреждения. Поэтому в критических ситуациях, когда человеческий мозг не успевает вовремя среагировать на опасность, компьютер рассчитывает оптимальный вариант действий с учетом ваших возможностей и дает команду...

- Ага! – подхватил Джерри. – Команду!

- Да, команду, - кивнул Браун. – Но вы этого даже не заметите. Вы просто сделаете то, что следует. Без раздумий и колебаний.

- А если я пойду к нейрохирургу и попрошу убрать эту вашу хреновину?

Браун улыбнулся.

- Ну, во-первых, на земле вряд ли найдется не связанный с нами специалист, который сумеет это сделать. А во-вторых... После нашего разговора вы просто забудете все, что мы обсуждали.

- Тогда на кой черт вы мне все это талдычите?

- Видите ли, наши специалисты установили, что как ни стирай, а следы остаются. Где-

то в подсознании. И такая остаточная память о мощной поддержке со стороны могущественной организации делает человека более уверенным в себе. Кроме того, вы уже не удивитесь, когда в один прекрасный день к вам подойдет незнакомый человек, покажет такую вот штуковину и даст поручение...

Браун вынул бумажник, раскрыл его и показал Джерри замысловатую печатку с вырезанными на ней непонятными письменами.

- Что это?

- Это рунические знаки. Но что они значат, даже я не знаю. Главное, что эта печатка активизирует вашу остаточную память. И вы беспрекословно подчинитесь вашему куратору.

- Куратору?

- Да, с той поры он будет вашим постоянным начальником и работодателем.

Браун встал, подошел к Джерри.

- Ну, надеюсь, в основном вам все ясно. Так?

Джерри растерянно кивнул, тоже поднялся с кресла.

- Тогда желаю удачи! Помните, если повезет, если проявите себя как следует, то станете одним из нас, войдете в узкий круг избранных.

Джерри машинально пожал протянутую ему руку, открыл рот, чтобы что-то еще уточнить, и...

- ... Нас встречает почетный эскорт!

Человек, сидящий в соседнем кресле, сделал изящный жест, указывая на иллюминатор. Джерри, перегнувшись через него, придвинулся к вогнутому стеклу.

- Чуть сзади...

Джерри скосил глаза к хвосту самолета и увидел двух серебристо-черных птиц, не то орлов, не то грифов, паривших внизу, между облаками.

- Опаздываем, - сказал сосед. - Часа на три... Что-то такие опоздания становятся на этой линии привычными.

- Да, пожалуй, - откликнулся Джерри, устраиваясь в кресле поудобнее. Голова у него чуть побаливала. От высоты, что ли? А на душе скребли кошки, и ощущение было такое, будто он что-то забыл. Причем, очень важное, даже судьбоносное...